

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*ДЕПАРТАМЕНТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И КАДРОВ*

Ю.Ю. Комлев

**ИНТЕГРАТИВНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ:
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК**

Учебное пособие

2-е издание,
дополненное и переработанное

*Допущено Министерством внутренних дел
Российской Федерации в качестве учебного пособия
для курсантов и слушателей образовательных организаций
системы МВД России, сотрудников органов
внутренних дел Российской Федерации*

**Москва
2019**

ББК 67.625.3я7

К63

Рецензенты:

Е.К. Волконская, кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя);

С.У. Дикаев, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербургский университет МВД России);

Р.Б. Иванченко, кандидат юридических наук, доцент
(Воронежский институт МВД России);

А.Б. Кирюхин, кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя);

Е.Г. Сторубленкова, кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя);

М.В. Талан, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет);

В.Е. Шинкевич, доктор социологических наук, профессор
(Сибирский юридический институт МВД России)

Комлев Ю.Ю.

К63 Интегративная криминология: девиантологический очерк:
учебное пособие / Ю.Ю. Комлев. — 2-е изд., доп. и перераб. —
М. : ДГСК МВД России, 2019. — 232 с.

В учебном пособии (первое издание вышло в 2016 г.) излагаются основные понятия, положения и методологические подходы криминологии как социологии преступности, рассматривается ее генезис в интегративной теоретической перспективе. Новое издание дополнено актуальной информацией по вопросам кибердевиантности и киберпреступности.

Учебное пособие предназначено для курсантов, слушателей, преподавателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

В оформлении обложки использованы фотоработы, размещенные в сети Интернет в свободном доступе.

ББК 67.625.3я7

© Комлев Ю.Ю., 2019

© ДГСК МВД России, 2019

© ООО ИПК «Медиа-Принт», макет, оформление, 2019

Оглавление

Введение.....	4
1. Социальные и правовые нормы: генезис, природа, контекстуальность.....	12
1.1. Нормообразование: от протоморали к праву.....	12
1.2. Социальные нормы: понятие, свойства, типы.....	18
1.3. Уголовно-правовые нормы: на пути к девиантологическому пониманию.....	22
2. Преступность — форма негативной девиантности.....	33
2.1. Подходы к определению девиантного поведения, девиантности и социального контроля.....	33
2.2. Криминология как социология преступности.....	42
2.3. Преступность: девиантологическая интерпретация и свойства.....	48
2.4. «Моральная статистика» и измерение преступности.....	55
2.5. Криминал: проблемы эмпирической оценки.....	60
2.6. Девиантность и киберпреступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма.....	71
2.7. Преступность в мире и России: основные тенденции, технологические вызовы и прогнозы.....	91
3. Генезис теорий преступности: от позитивизма к постмодернизму.....	101
3.1. Позитивистская парадигма в криминологии.....	101
3.2. От интеракционизма к феноменологии и конструктивизму.....	111
3.3. Конфликтологический подход и радикально-критическая криминология.....	115
3.4. Постмодернизм о преступности.....	128
4. Интеграция криминологических знаний: направления, теории, перспективы.....	134
4.1. Предпосылки теоретической интеграции, типы причинности.....	134
4.2. Модернистская интеграция.....	138
4.3. Постмодернистский синтез.....	144
4.4. Пост-постмодернистская интеграция.....	147
5. Интегративный фрейм как основа методологической триангуляции.....	153
Заключение.....	169
Литература.....	171
Приложения.....	177

Введение

Преступность во все времена вызывает острый социальный отклик — это одна из самых злободневных проблем, вокруг которой не утихают общественные и научные споры.

Преступность и преступное поведение — объект не только юридических, но и социологических исследований. Правоведа интересует, наряду с правотворчеством, природа нарушения норм уголовного законодательства, общие и специфические причины или условия, способствующие воспроизводству и распространению преступности, а также эффекты и проблемы правоприменения в работе полиции, судебной и пенитенциарной системы. Социолог, как правило, ищет социально типичное в преступности, интересуется коллективными аспектами человеческой жизни, изучая, как один социальный феномен (например, институализированное в социальной структуре социальное неравенство или быстрые социальные перемены, вызванные технологической революцией) влияет на уровень, дифференциацию, масштабы делинквентности как социального явления. Социологи анализируют связи между преступностью и другими проявлениями негативной девиантности. Они изучают работу не только институтов формального правового (полиция, судебная и пенитенциарная система), но и формального неправового (система образования, масс-медиа, религия) и собственно неформального (семья, community) социального контроля.

Возникновение криминологии связывают обычно с выходом в 1761 году книги Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в которой излагаются ставшие классическими взгляды на преступность как результат рационального выбора и приоритет превенции над репрессией и жестокостью наказания. Сам термин «криминология» введен в научный оборот антропологом Полем Топинаром лишь в 1879 году. Первая книга под таким названием была написана учеником Чезаре Ломброзо Рафаэлем Гарофало в 1885. Однако стремительное развитие науки о преступности началось лишь в рамках биологического и социологического позитивизма.

Эдвин Сатерленд в 1947 году определил криминологию как учение о внутренних процессах законодательства (law-making), правонарушения (law-breaking) и правоприменения (law-enforcing)¹.

---

¹ Akers R. *Criminological Theories*. Los Angeles, 1997. P. 2.

Современная криминология широко опирается на правовые, социологические, психологические, биологические знания и достижения других наук об обществе и человеке. Она стремительно развивается и сегодня уже не та, какой была два, три или пять десятилетий назад. Неслучайно и определений криминологии почти столько же, сколько криминологов.

Одна из точек зрения по этому вопросу состоит в том, что криминология — это социология преступности — наиболее развитая часть девиантологии. Девиантологи считают, что преступность — это форма негативной девиантности. Криминология представляет собой социологическую науку, изучающую различные проявления преступности как общественного феномена, являющегося с одной стороны, объективным продуктом социальной структуры, культуры, технологических и социальных перемен, происходящих в современном мире. С другой стороны, преступность — результат социального конструирования, это рекурсивная продукция, созданная в ходе социально-коммуникативного процесса, в который вовлечен преступник, его жертва и политико-правовые институты государства.

Преступность в современном мире многогранна и чрезвычайно сложна. В рамках различных научных подходов и парадигм сложилось множество теорий, исследовательских традиций, которые конкурируют между собой и дополняют друг друга. Так, например, одни ученые видят в преступности признак ослабленного или социально дезорганизованного общества. Другие, как это не парадоксально звучит, считают, что преступное поведение в терпимых пределах может послужить укреплению существующего правового и социального порядка. Третьи изучают преступность как социально обусловленный результат конкуренции и конфликта между различными группами в обществе, считая, что преступным является то поведение, которое создает угрозу определенным групповым или классовым интересам. В рамках феноменологии и постмодернистской криминологии преступность рассматривают как рекурсивную продукцию, релятивный и конвенциональный социальный конструкт — часть историко-культурного контекста.

Девиантологическая научная традиция прочно укоренилась в англоязычной и частично российской литературе.

Среди самых новых направлений в развитии науки о преступности начала XXI века зарубежные (Р. Айкерс, Дж. Хагэн, Дж. Коул-

ман, Б. Татум, Б. Вила, Б. Арриго, Г. Барак и др.) и отечественные исследователи (Я.И. Гишинский, Д.А. Шестаков, Т.В. Шипунова, Ю.Ю. Комлев и др.) выделяют интегративную криминологию. Интегративный дискурс стал ответом науки постмодерна на проблемы, с которыми столкнулась традиционная позитивистская криминология как детище эпохи модерн, в условиях глобализации, виртуализации криминальной реальности, ускорения социальных и технологических изменений в «новом» мире, релятивизации знаний о преступности и кризиса детерминизма, «кризиса наказания» и полицейского контроля.

Изложению в форме очерка концептуальных положений девиантологии, социологии преступности, теоретических предпосылок и основ интегративной криминологии, перспектив ее развития с обоснованием методологической триангуляции на основе интегративного подхода и посвящена эта книга.

Современные криминологи заняты решением ряда как традиционных, так и новых для науки о преступности задач. Первоочередными среди них можно назвать:

1. Создание криминологических теорий и проведение эмпирических исследований, которые создают основу для описания казуальных моделей детерминации преступности, процессов конструирования/деконструирования некоторых видов преступности, обоснования способов социального контроля, в рамках которых государство и общество реагируют на факты криминального поведения.

2. Выявление криминальных тенденций, специфики распределения преступности в социальных срезах по возрасту, гендеру, социальному положению и другим критериям, а также определение меры влияния преступности на развитие правоохранительной системы, государства в целом и социума.

3. Изучение социальных процессов, посредством которых индивидуумов определяют как преступников, и реакцию стигматизированных лиц на такое определение со стороны государства и общества.

4. Осмысление причин, условий, обстоятельств, способствующих вовлечению тех или иных персон или социальных групп в преступную деятельность, и анализ криминальных карьер их особенностей и типов.

5. Выявление и оценка проблем в работе системы уголовного правосудия, полицейских и пенитенциарных структур, сбоях в системе институтов социального контроля и социализации (семьи, community, религии, системы образования).

6. Анализ практики создания и применения уголовного законодательства как инструмента, обеспечивающего правопорядок, а также разработка предложений по его совершенствованию и реформированию институтов формального социального контроля.

По мере накопления знаний при решении поставленных задач расширяется современное во многом междисциплинарное предметное поле криминологии.

Казалось, что природа преступности весьма детально изучена криминологами-позитивистами применительно к эпохе модерн. Однако с развитием феноменологии и постмодернистской криминологии получил широкое распространение взгляд на преступность как результат дискурса и социального конструирования. Криминология постмодерна «проблематизировала» дискуссию о преступности, социальном контроле над ней и оказалось, что «преступность» как базовое понятие науки — все еще недостаточно определенная категория.

В эпоху постмодерн преступность, как и все социальные феномены, обретает новые формы и проявления, трансформируется, быстро распространяется в виртуальной реальности, обусловленной Интернетом и новыми технологиями XXI века. Преступность, благодаря технологической революции, становится «сетевым феноменом», ускользающим от контроля со стороны дистрибутивного уголовного права и инертных в организационном смысле полицейских структур. Отстают от бега времени и социальных перемен институты расследования, судопроизводства, пенитенциарной системы, которые не обеспечивают в полной мере задачи контроля, превенции, коррекции и исправления криминального поведения, воспроизводя за счет стигматизации высокий уровень рецидивизма.

Стало ясно, что позитивистские теории девиантности и преступности имеют недостаточный объяснительный потенциал применительно к феноменологии «преступности белых воротничков» и элиты, киберпреступности, социального насилия, экстремизма и терроризма, других социально опасных девиаций, захлестнувших мир

постмодерна. Без поиска адекватных современности объяснительных моделей преступности не решить проблемы социального контроля, а значит и не обеспечить в узком смысле правовой, в более широком значении — социальный порядок. Проблемная ситуация, определяемая таким образом в мировой науке, стимулировала дальнейшее развитие криминологического знания, проведение эмпирических и теоретических исследований, привела к развитию нового научного направления — интегративной криминологии.

Девиантологи и криминологи-постмодернисты, обращаются к изучению преступности на основе полипарадигмальности, методологического плюрализма, опираются все чаще на ту или иную интегративную теорию, конструируя на ее основе теоретико-методологический фрейм эмпирического исследования. Интегративный подход позволяет успешно применять методологическую триангуляцию, объединяя эвристические возможности статистических, социологических количественных (опрос, прямое наблюдение, контент-анализ), а также качественных (кейс-стади, фокус-группы, нарративный анализ) методов. Данные объективной и субъективной статистики дополняются результатами качественных исследований, что позволяют ученым лучше проверять выдвигаемые гипотезы.

Девиантологический очерк основ интегративной криминологии подготовлен по итогам обобщения материала качественных контент-аналитических исследований, выполненных автором в Казанском юридическом институте МВД России в 2011-2016 годы. Исходными текстами для содержательного анализа стали изданные до недавнего времени в США и Западной Европе криминологические учебники и монографии, успешно развивающие интегративную перспективу анализа преступности, увы, малоизвестную российскому читателю.

Знакомство автора с оригинальными американскими и европейскими источниками 90-х и нулевых годов, а также участие в 4 ежегодных конгрессах Европейского общества криминологов (European Society of Criminology) в Хельсинки (2003), Амстердаме (2004), Кракове (2005), Тюбингене (2006) побудили к осмыслению теоретических построений позитивистской, непозитивистской, критической, постмодернистской и, прежде всего, интегративной криминологии. На научную позицию, заявленную в этой книге, повлияли и фундаментальные работы отечественных социологов, девианто-

логов, юристов социологической ориентации, прежде всего, ленинградской-петербургской, а сегодня уже невско-волжской школы: Л.И. Спиридонова, Д.А. Шестакова, Я.И. Гилинского, С.Ф. Милюкова, В.Ю. Сморгуновой, Б.В. Волженкина, Д.В. Ривмана, С.У. Дикаева, Т.В. Шипуновой, Г.Н. Горшенкова и других исследователей.

Студенты и курсанты, аспиранты и адъюнкты, преподаватели — все, интересующиеся наукой о преступности, обычно изучают ее по учебникам криминологии, подготовленным в рамках позитивистской парадигмы. Девиантологический, полипарадигмальный подход, взятый за основу изложения учебного материала, позволяет расширить кругозор и компетенции современных российских студентов, курсантов, преподавателей и молодых исследователей.

Что отличает эту книгу?

Во-первых, она предлагает нетрадиционный для российского научного сообщества девиантологический взгляд на понимание преступности и развитие криминологии.

Во-вторых, в ней раскрывается интегративная перспектива изучения и анализа преступности в условиях постмодерна.

В-третьих, обсуждается новый вектор в развитии интегративной криминологии и ее новый образ, характерный для грядущей эпохи пост-постмодерн.

В-четвертых, работа в соответствии с замыслом обосновывает практику методологической триангуляции в криминологических исследованиях на основе интегративного подхода.

Чем эта книга не является? Интегративная криминология — это один из возможных и перспективных путей развития науки о преступности в «новом мире». Работа не претендует на роль учебника по криминологии. Это всего лишь девиантологический очерк социолога на заданную тему. Учебное пособие может быть дополнительным источником для изучения современной науки о преступности, которое вводит в научный и учебный оборот новое знание, накопленное зарубежной, отечественной криминологией применительно к высокотехнологичной эпохе постмодерн.

Первое издание учебного пособия «Интегративная криминология: девиантологический очерк» 2016 года получило хорошую апробацию в учебном процессе в Казанском, Барнаульском, Уфимском юридическом институтах; в Омской, Нижегородской, Волгоградской академиях и Краснодарском университете МВД России.

По итогам ежегодного всероссийского конкурса публикаций, проводимого Российским обществом социологов, в 2017 году учебному пособию «Интегративная криминология: девиантологический очерк» присуждено почетное 2-е место в номинации «Учебники и учебные пособия».

Предлагаемое читателям второе издание книги, сохраняя основное содержание, включает исправления, а также существенное дополнение текста актуальным эмпирическим материалом и новыми обобщениями. Так, параграф «2.4. «Моральная статистика» и измерение преступности» дополнен новым статистическими данными ГИАЦ МВД России, характеризующими объем, динамику и структуру преступности по 2017 год включительно. В параграфах «2.6. Девиантность и киберпреступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма» и «2.7. Преступность в мире и России: основные тенденции, технологические вызовы и прогнозы» нашли отражение технологический футурошок, новые вызовы и тренды в развитии криминальной активности. В частности, раскрыта специфика киберугроз, связанных с распространением онлайн-банкинга, преследованием несовершеннолетних детей в рамках кибербуллинга, и другие формы девиантной активности, обусловленные технологическим прогрессом.

Таким образом, учебное пособие «Интегративная криминология: девиантологический очерк» хорошо дополняет традиционный уголовно-правовой дискурс в криминологии, характерный для российской правовой науки, девиантологическим. Учебный материал апробирован и может быть продуктивно использован при реализации образовательных программ, федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по специальностям 40.05.01 — Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 — Правоохранительная деятельность, а также по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре 40.07.01 — юриспруденция, по научной специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Завершая предисловие к тексту, считаю своим долгом выразить признательность за оригинальное оформление книги кандидату педагогических наук, доценту Суфии Загитовне Еникеевой, а за корректуру текста Наталье Александровне Климановой и кандидату педагогических наук, доценту Ольге Николаевне Хрусталевой.

Приношу искреннюю благодарность за труд по изучению книги и ее позитивную оценку рецензентам:

Салману Умаровичу Дикаеву, доктору юридических наук, профессору, начальнику кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России;

Марии Вячеславовне Талан, доктору юридических наук, профессору, заведующей кафедрой уголовного права юридического факультета Казанского (Поволжского) федерального университета;

Владимиру Ефимовичу Шинкевичу, доктору социологических наук, профессору кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России;

Роману Борисовичу Иванченко, кандидату юридических наук, доценту, начальнику кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России;

сотрудникам кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

*Не существует общества, не сталкивающегося
с проблемой преступности...
Эмиль Дюркгейм
(Rules of Sociological Method)*

1. Социальные и правовые нормы: генезис, природа, контекстуальность

1.1. Нормообразование: от протоморали к праву

Хорошо известно, что не все люди отличаются поведением, которое согласуется с общепринятыми социальными нормами. В обществе во все времена вместе с законопослушными гражданами существуют и девианты: воры и грабители, насильники и убийцы, наркоманы и алкоголики, лудоманы и проститутки.

В ряду девиантных проявлений преступность всегда более всего беспокоила людей, общество и государство, интересовала отцов церкви, мыслителей, ученых и практиков. Преступность занимает центральное место среди наиболее важных социальных проблем, поскольку от ее специфики, структуры, динамики и масштабов распространения зависит обеспечение не только правопорядка, но и социального порядка в целом, состояние и перспективы развития социума.

К пониманию, объяснению и противодействию преступности существуют различные подходы: теологический, философский, юридический, антропологический, психологический, социологический. В рамках последнего в настоящее время активно развивается девиантологический взгляд на преступность как форму негативной девиантности. Девиантологическое понимание преступности требует прояснения ряда понятий, таких как «социальная норма», «девиантное поведение», «девиантность», «преступность».

Генезис и конструирование социальных норм анализируются разными авторами¹. М. Лайне коротко определяет норму как основное

---

¹ Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966; Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984; Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. Хельсинки, 1994; Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М., 1995; Шипунова Т.В.

социологическое понятие следующим образом: «норма представляет собой правило поведения, созданное общиной или обществом»¹. Для девиантологии определение социальной нормы — центральный вопрос, поскольку с помощью этого понятия формулируется девиантное поведение. Очевидно, что, не зная, что является нормой, нельзя определиться с ее нарушением.

Согласно политической антропологии, ранние социальные нормы, как универсальное социальное явление, изначально присущи обществу². Нормы, определяющие поведение человека в группе или обществе в целом, контекстуальны, поскольку имеют социально-историческую обусловленность. Они — результат генезиса социума и его культуры.

В доисторический период в обществах охотников и собирателей, когда зарождаются первые элементы политической организации и ранних социальных норм реальность бытия состояла, прежде всего, в совместной добыче пропитания, в продолжении рода, в защите соплеменников и территории. Появление первых социальных запретов носило надбиологический характер и служило укрощению природной агрессивности, слепых зоологических побуждений отдельных индивидов, составлявших общность. Социальные ограничения несовместимые с инстинктом самосохранения, распространялись на всех членов общины, а не только слабых, как в животном стаде. Люди искусственно сохраняли и поддерживали жизнь вопреки всем естественным законам и, прежде всего, естественного отбора для многих биологически неполноценных индивидов. В дикой природе забота о старых, слабых, больных, если они не способны бороться за жизнь, не только бессмысленна, но и вредна. Слабые — пища хищников и обуза стаду.

Для человеческой культуры наличие и сбережение стариков — настоятельная необходимость для передачи знаний, социального

Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2012; Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012; Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013.

¹ Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. Хельсинки, 1994. С. 12.

² Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 242.

опыта, исторического наследия. Этот факт подтверждают антропологические находки в погребении Ля Шапеллье и иракской пещере Шапидар.

Для всех первобытных людей родоплеменной общины устанавливаются два самых древних табу, призванные подавить зоологические влечения: «не убивай своих родных» и «не вступай в половую связь со своей матерью и ее детьми-сестрами»¹. Возникновение первых социальных норм показывает, что гоминиды, антропоиды (предчеловеки) постепенно превратились в людей — существ не только биологических, но и социальных. Ранние социальные нормы-запреты сделали общины более сплоченными, адаптивными, конкурентоспособными.

Со временем из первых ограничений и табу, а также повторяющихся успешных взаимодействий соплеменников складывались правила-требования должного поведения в первобытной общине, которые можно назвать протоморалью. Эти правила были основаны на повседневном опыте, на знаниях которые позволяют выжить племени в суровых условиях дикой природы. Протомораль фиксировала ключевые нормы и предписания, которые определяли взаимоотношения участников родоплеменных сообществ. Нормы протоморали позволяли людям успешно действовать сообща сначала на охоте, при защите соплеменников, а затем в скотоводстве и земледелии, то есть во время коллективного труда. Базовые из них: «не убивай своих соплеменников», иначе ослабишь племя; «подчиняйся старшему», поскольку у него больше знаний и опыта; «не укради у равного себе» (равенство физической силы); «помоги соплеменнику, если ему угрожает смерть»². Нарушителей этих правил вождь и его дружина, а то и все племя безжалостно подвергают ostracism, изгоняя вон, или накладывают другие санкции. Отвергнутые, как нарушители норм протоморали, в первобытных обществах и были первыми девиантами.

Процесс социализации транслирует обыденные знания о нормах поведения от поколения к поколению. В результате протомораль постепенно воспринимается как объективный элемент социального порядка в общине. «Опривычивание» («хабитуализация») норм прото-

---

¹ Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М., 1995; Честнов И.Л. Указ.раб. С. 249.

² Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2012. С. 78.

морали постепенно абстрагирует нормативную систему от трудовых отношений. С развитием рефлексизирующих способностей человека и языка общения происходит осмысление и осознание норм-запретов и норм-требований, их вербализация. Получив словесное оформление, нормы протоморали начинают восприниматься людьми как чьи-то субъективные предписания (вождя, колдуна, жреца, богов), за отступление от которых последует кара — «боги накажут».

Со временем по мере исторического развития и усложнения социальных отношений табуирование или одобрение определенных моделей поведения, то есть создание норм протоморали, вычленяется из синкретической практики человеческого бытия и превращается в относительно самостоятельную сферу деятельности — в социальное нормотворчество. С этого момента социальные нормы и, прежде всего, нормы права приобретают статус всеобщих регуляторов социальных отношений и начинают действовать во всех сферах человеческого общежития. Следовательно, в конечном счете, процесс «опривычивания» или «хабитуализации» норм поведения человека в общине порождает становление или институционализацию социального порядка.

От эпохи к эпохе с развитием культуры и науки меняется понимание социальной нормы. Так, в средневековье христианское представление о норме соответствует морали долга (перед богом, для которой нравственная жизнь — это жизнь во спасение или перед обществом, общиной: общественные интересы — выше личных).

В Новое время с расцветом естественнонаучного и социологического знания (позитивизм) и развитием капитализма распространяется мораль свободных убеждений. Она опирается на индивидуалистические установки личности (личные интересы — выше общественных).

В конце XIX века позитивистом Э. Дюркгеймом дается объективистская интерпретация нормы в понимании предписания религии, морали и права, которые выступают как формы коллективного сознания и каждый индивид находит их (нормы) готовыми и вынужден соотносить с ними свое поведение.

В рамках позитивизма понимание юридической нормы рассматривается как мера, требование определенного должного поведения, соблюдение которого обеспечивается санкциями со стороны государства. Право как совокупность наиболее важных социальных норм — правил поведения, регулирующих отношения между людьми

ми, и мораль изменяются с переходом общества от одного социального типа к другому, а также эволюционируют в пределах общества одного и того же типа, если подвергаются изменениям культура и условия жизни этого общества¹.

И.Л. Честнов показывает, что право, как совокупность социальных норм, зарождается в эгалитарных сообществах охотников и собирателей. В потестарных общинных и племенных образованиях, союзах племен (вождествах) складывается древнее примирительное право. В ранних государствах формируется архаичное древнее право. Эпохе модерна соответствует право как форма обменных отношений². Формирование законов связано, прежде всего, с санкционированием обычаев, другой путь выражается в развитии прецедентного права, третий состоит в оформлении властных велений правителя. Появление законодательства придает праву новые черты: формальную определенность (писаная форма), объективность (нормативный акт относится, в принципе к неопределенному адресату), обеспеченность государственным принуждением. Однако не все законодательство отражает право³.

Правоведы и сегодня «ломают копья» по поводу того, что считать правом. Наиболее распространенным является нормативистское представление о праве как о системе общих юридических норм (нормативно-правовых актов — законов, указов, постановлений), установленных государством и опирающихся на возможность организованного им принуждения к их исполнению⁴. Для юридического позитивизма характерны два элемента для определения понятия права: надлежащее или авторитетное установление права и его социальная действенность (эффективность). Сторонники непозитивистского подхода включают наряду с перечисленными выше элементами еще и моральную составляющую.

Если установленная законом правовая норма не соответствует моральным представлениям данной культуры, она остается недей-

---

¹ Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966.

² Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 245.

³ Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 298-299; Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Чеснова. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015.

⁴ Гревцов Ю.И. Социология права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 82.

ственной. М. Лайне приводит пример на эту тему, описывая опыт христианских миссионеров на островах Тихого океана. Проповедники, выступая перед аборигенами, ужаснулись непринужденной наготы коренных жителей. Миссионеры потребовали, что бы все женщины, посещающие проповеди, носили блузки. Они изумились еще больше, когда на следующий день все женщины не послушались нового приказа, но вырезали дырки в блузках так, чтобы груди обязательно были видны всем¹.

Иногда под правом понимают и более широкий круг правовых явлений, включая юридические институты, правовой персонал, нормы объективного и субъективного права.

Во второй половине XX века на исходе эпохи модерн по мере ускорения социальных процессов ускользает стабильность социальных феноменов и снова меняется представление о социальной и правовой норме. Понимание социальных норм и норм права получает дальнейшее развитие в рамках субъективистского подхода, который разрабатывают криминологи феноменологической и конструктивистской ориентации, а также постмодернисты. Детальная разработка основных категорий в феноменологической перспективе была выполнена П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности» (1966)².

Феноменологический взгляд на социальные и правовые нормы на тот или иной тип правопонимания — есть сложившийся в пространстве жизненного мира образ должного поведения и права, который представляет собой синтез теоретических конструктов и социальных практик. Феноменология открывает право как мир значений, который тематизируется активностью действующего, понимающего и говорящего субъекта. Благодаря феноменологической редукции, описывающей любой фрагмент бытия как феномен или значение, подлежащее объяснению, право обретает свое единство. Оно не является в феноменологической перспективе хаосом правовых фактов и прошлых представлений о праве, а предстает в виде модели, все элементы структуры которой способствуют выражению значимости права в жизни общества.

---

¹ Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. Хельсинки, 1994. С. 12.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.

Непозитивистская феноменологической традиции в девиантологии и криминологии стимулирует развитие субкультурного подхода. А. Коэн, анализируя феномен фрустрации статуса, рассматривает норму как ожидаемое типичное поведение. В процессе социализации агенты интеракции должны предвидеть ожидания других людей и вести себя в соответствии с этими ожиданиями. Субъективистский контекст ожидания определяется социальной зрелостью личности, уровнем ее интеллектуального развития и культуры, психологическими особенностями, мировоззрением.

И.Л. Честнов, развивая постмодернистский, постклассический подход, рассматривает право как «контекстуально (исторически и социокультурно) обусловленное, многомерное, включающее нормы, действия и ментальные образы, постоянно изменяющееся человекоцентристское право»¹. В его авторской концептуализации важно то, что это диалогичное по своей сути право, в котором бинарные оппозиции (должное и сущее, материальное и идеальное, объективное и субъективное и т.д.) взаимополагают и взаимообуславливают друг друга.

Конструкционисты и постмодернисты считают, что логика нормообразования состоит в том, что социальные нормы конструируются в результате социальных интеракций, диалога — речевого дискурса на основе научного или обыденного знания. Так, с их точки зрения, поступают современные законодатели, совершенствуя кодексы путем конструирования новых правовых норм и санкций.

1.2. Социальные нормы: понятие, свойства, типы

Социальная норма — дискуссионный термин. И сегодня это понятие уточняется исследователями. Так, по девиантологической версии Т.В. Шипуновой, «социальная норма предстает как спонтанно сложившаяся в обычаях, и традициях и/или сознательно установленная субъектом, имеющим соответствующие полномочия мера обязательного, дозволенного или запрещенного поведения и дея-

---

¹ Честнов И.Л. Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Правоведение. 2001. № 3; Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2; Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 366.

тельности людей и социальных систем»¹. Социальные нормы тем самым складываются как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества.

По Я.И. Гилинскому, «социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций»². В этой трактовке чрезвычайно важны указания на время действия нормы («исторически сложившиеся» и тип культуры или общества «в конкретном обществе»), в котором она сформировалась.

Как следует из определения, та или иная социальная норма зависит от исторической эпохи, периода и типа общества, культуры, частью которой она является. Иначе говоря, следует еще раз подчеркнуть, что социальные нормы, в том числе и нормы права, контекстуальны — они имеют историческую и социокультурную детерминацию. Социальные нормы обладают рядом атрибутивных свойств.

Во-первых, социальные нормы релятивны (относительны) и их рассмотрение и девиантологическое исследование имеет смысл в конкретном историческом (временном) и социокультурном контекстах. Поведение будет расцениваться как нормальное при одном наборе культурных установок и ненормальным девиантным при другом. Например, полигиния — норма в исламской культуре, поскольку соответствует законам Шариата (состоятельному мужчине можно иметь одновременно на законном основании (официально) до четырех жен и фактически неограниченное число неофициальных жен (наложниц) при условии их равного материального обеспечения и содержания. В христианской культуре доминантным моральным императивом выступает моногамия — в одно и то же время можно иметь только одну законную супругу. Потребление наркотиков (например, каннабиса) вполне допустимо во многих азиатских странах с исламской культурной традицией. В тоже вре-

---

¹ Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2012. С. 81.

² Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013. С. 31.

мя в христианских Европейских странах, в России действует норма запрета или ограничения (в Голландии) на курение марихуаны.

С переходом к рыночной экономике и развитием частного бизнеса из Уголовного кодекса России исчезли нормы, запрещающие под страхом уголовного преследования коммерческое посредничество (перепродажа или спекуляция — 153 статья), которые «работали» в советский период.

Во-вторых, социальные нормы конвенциональны. Они результат договоренностей или соглашения большинства членов общества или их законных представителей. Так, во многих штатах Америки согласно закону допустимо приобретение, хранение и ношение короткоствольного огнестрельного оружия. В России эта практика запрещена законом. Это результат конвенции или соглашения, договоренности относительно нормы, к которому пришли законодатели.

В-третьих, социальные нормы — это социальные и языковые конструкции. Примером конструирования правовых норм может служить работа законодателей, например, криминализирующих или декриминализирующих незаконный аборт, потребление ряда наркотиков или добровольный гомосексуализм взрослых партнеров.

По мере социальной значимости нормы делятся на нормы правила и нормы ожидания. Нормы правила — это формализованные, кодифицированные нормы, за нарушение которых предусмотрена жесткая санкция, например уголовное наказание. Нормы правила включают в себя юридические нормы, которые являются продуктом правотворчества законодателей.

Нормы ожидания — это неформализованные, некодифицированные нормы, за нарушение которых не наступает жесткая санкция. Как правило, это нормы морали, этикета, общечеловеческие. Они не имеют текстуального оформления, и не предполагают стопроцентную обязательность и строгость санкций.

По способу регулирования социальные нормы классифицируются на запрещающие, обязывающие и дозволяющие. Запрещающие нормы табуируют определенные действия. Например, покушение на здоровье или жизнь человека, на собственность или нарушение общественного порядка. За их нарушение предусмотрено обязательное применение правовых или общественных санкций. Обязывающие нормы указывают на требуемые от субъекта действия, на его обязанности, нарушение которых тоже подвергается санкциям.

Дозволяющие нормы указывают на те эталоны поведения, которые не запрещены, но они часто желательны для развития общества, но не всегда обязательны для исполнения.

Социальные нормы изменчивы, но соответствуют базовым ценностям общества. Большинство из них — это нормы ожидания, которые закреплены в положениях морали, принципах общежития, в культурных обычаях и традициях, возникших в ходе общественного развития.

По критерию фундаментальности социальные нормы делятся на безусловные и условные. Безусловные социальные нормы формируются в процессе различных форм трудовой деятельности и закрепляются в ходе социальной эволюции, составляя фундамент в регуляции социальных отношений. Это запрет на убийство, кражу, разбой, изнасилование и др. Безусловные нормы относительно неизменны и характерны всем обществам. Законодатели придают им правовое оформление с конвенциональным определением (конструированием) той или иной меры наказания.

Условные нормы как образцы поведения, характерны конкретным обществам и определенным историческим периодам в их развитии. По истечении времени они могут рассматриваться как патологические или изжившие себя. Условные нормы характеризуют социально-культурное различие, своеобразие обществ. Типичным примером условности социальных норм является запрет на производство и потребление алкоголя, например, в Турции и других странах с сильной мусульманской традицией. Первого курильщика табака в Европе — матроса из команды Колумба и аборигенов из «Нового света», чуть было не сожгли на костре инквизиции, если бы не было заступничества со стороны испанского короля. Хотя спустя некоторое время в европейских армиях стали солдатам в качестве пайка выдавать табак. Безусловные и условные нормы делятся на две части: в одну входят официальные нормы, в другую неофициальные. Официальные нормы — это условные или безусловные нормы, которые оформлены в виде правовых предписаний, соблюдение которых контролируется правоохранительными органами. Неофициальные нормы — это условные или безусловные нормы, которые не оформлены юридически и со-

блюдение которых контролируется неформально общественным мнением. Например, нельзя ходить в костюмах Адама или Евы в публичных местах.

Чрезмерное расширение поля официальных норм в целях тотального правового регулирования ведет к блокировке спонтанного социального творчества и, следовательно, снижает границы поиска адаптивных форм поведения в быстро меняющемся обществе на этапе постмодерна.

Официальные правовые нормы могут быть социально адекватными, если они способствуют прогрессу, не сдерживают социальные изменения в обществе. Социально-неадекватными нормы являются тогда, когда по воле законодателей или в силу идеологического давления они сдерживают социальные изменения, выступая преградой на пути прогресса.

1.3. Уголовно-правовые нормы: на пути к девиантологическому пониманию

Весьма любопытна история возникновения официальных правовых норм в сфере противодействия преступности. Первые правовые кодексы возникли, по крайней мере, четыре тысячи лет назад, определяя содержание наиболее значимых преступных деяний и наказания за них. Таким правовым памятником, начиная с 2270 года до н.э., является свод законов вавилонского царя Хаммурапи. Примером положения, направляющего поведение вавилонян, выступает следующая норма: «Если человек украдет вола или овцу, осла или свинью....., то он должен заплатить тридцать раз...».

Научному осмыслению феноменологии уголовного нормообразования способствовали античные мыслители, опиравшиеся в поисках истины о норме и патологии на философскую рефлексию и диалектический метод. Древнегреческий философ Гераклит Эфесский (родился около 544–540 до н.э.) видел движение вещей и общественных явлений как закономерный процесс, порождаемый единством и борьбой противоположностей (день и ночь, жизнь и смерть, добро и зло). Аристотель (384–322 до н.э.) причины девиантности в форме распри и войн находил в несовершенном устройстве общества, в имущественном неравенстве, в нарушении меры справедливости.

Идеи античных философов о добре и зле, норме и патологии, государстве и обществе, социальной справедливости нашли отражение в правотворчестве. Так, римская империя создала уникальный социально-правовой памятник — римское право (от свода законов двенадцати таблиц до дигестов Юстиниана), отражающее социальную, в том числе девиантную реальность этой величественной эпохи. Оно выступает как вполне определенное писанное право, единое для всех территорий и сословных групп, способное регулировать самые сложные аспекты как в области властных отношений между государством и гражданином (публичное право), так и имущественных отношений между частными лицами (частное право).

Как пишет Л.И. Спиридонов о римском праве, «государство, правоохранительные органы еще не развились, и поэтому преследование почти всех преступлений — дело самих потерпевших. Лишь преступления, которые непосредственно затрагивают интересы всего общества и которые сегодня мы назвали бы политическими, в принципе подлежат суду государственной власти. Да и уголовное право в современном смысле слова еще не существует. Во всяком случае, хоть сколько-нибудь точных определений того, что преступно и за что может быть назначено определенное наказание, пока нет. Исключения составляют убийство, поджог, нарушение межевых знаков ..... за которые XII таблиц предусматривали единственное наказание — смертную казнь»¹.

С падением Рима и развитием христианства в Европе правовая и протодевиантологическая мысль средневековья развивается в русле богословия. Ранние идеологи христианства во многом наследуют римскую трактовку естественно-правовых норм и отклонений. Естественное право на жизнь и собственность рассматриваются как данные Богом. Преступность и девиантность трактуются в контексте греховного поведения.

Социальные доктрины через понятие Бога развивают Аврелий Августин, Фома Аквинский, Уильям Оккам и другие теологи. Августин (354–430 н.э.) обосновывает социальное неравенство в обществе тем, что оно имеет божественное происхождение, а земная иерархия есть отражение иерархии небесной. При этом люди, населяющие «Град земной», приверженцы всего греховного (алчные, жестокие, самолюбивые, думающие лишь о телесных нуждах, забывшие Бога

---

¹ Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М.: Юрид. лит., 1986. С. 75.

девианты). Аквинат (1224–1274 гг.) также решительно выступает против социального равенства, считая сословные различия вечными. Равенство людей возможно лишь перед Богом. Религиозные представления находят отражение в правовых документах средневековья.

Правовые запреты и ограничения, сопряженные с религиозными представлениями раннего сословного общества, находят отражение в законах датского короля Кнута, в Русской Правде, в англосаксонском Common law, в хартии английских вольностей Magna carta, в Салической правде франков, и других историко-правовых документах древности. Так, нормы о запрете убийства, насилия над женщинами, а также об области имущественных отношений, представлены в законах датского короля Кнута (1017–1035 гг.). В положениях «Русской Правды» — сборнике писаных русских законов начала XI века собраны нормы о преступлениях, именуемых «обидами», и наказаниях. Уголовно-правовые нормы закрепились и англосаксонских статутах и ассизах при формировании общего права (common law). В Великой хартии вольностей (Magna Charta Libertatum) (1215 г.), отражены реалии английской сословной монархии с ограничением власти короны и провозглашением прав и свобод подданных. В салической правде (конец V века н.э.) описаны нормы и порядок престолонаследия, судопроизводства и заключения сделок, перечислены правовые запреты, преступления и наказания, отражены элементы нового общественного строя, связанного с растущим социальным расслоением.

К освобождению от религиозной зависимости в осмыслении нормообразования и преступления привела эпоха Просвещения. С ее приходом утвердился культ разума, укоренились представления о способности человека к познанию Вселенной, использованию природы в своих целях, о пользе наблюдений и умозаключений для поиска истины, о критическом восприятии и анализе социальной действительности.

В философских работах Т. Мора, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ф. Бэкона, Б. Спинозы, исходя из решения вопроса о природе человека и общества, были сформулированы более реалистичные представления о сути и генезисе общества, и государства, социальных, правовых норм и отклонений. Так, еще в «Утопии» Томаса Мора (1478–1535 гг.) были высказаны конкретные соображения о причинах преступности и целесообразности наказаний. Англий-

ский философ Томас Гоббс (1588–1679 гг.) сформулировал светский вариант теории «естественного права» и концепцию общественного договора. Люди, созданные Творцом, равны, у них одинаковые возможности и ничем не ограниченные «права на все». Однако, по мнению философа, догосударственное «естественное» состояние человеческого общества характеризуется как «война всех против всех» в условиях абсолютного равенства и ничем не ограниченной свободы. В сочинении «Левиафан» Гоббс поднимает проблематику нормообразования, порядка и стабильности. В пессимистической перспективе он негативно оценивает человека как эгоистическое, завистливое и ленивое существо — источник девиантности конфликта в силу соперничества, недоверия, жажды славы. Отсюда люди, чтобы избежать самоуничтожения, обеспечить мир и безопасность, вынуждены заключить «общественный договор» — контракт о создании государства, передав ему часть своих прав. Гоббс превозносит роль государства в форме абсолютной монархии.

Джон Локк — представитель английского эмпиризма и либерализма (1632–1704 гг.), так же, как и Гоббс, исходит из предположения о «естественном» догосударственном состоянии общества, организованного на принципах равенства, справедливости, независимости друг от друга. В таком социуме отношения между людьми регулируются нормами морали и религии, а не права. Однако по мере роста населения и неравномерного накопления собственности усиливаются девиантогенные факторы и нарастают конфликты. Так возникает состояние войны «всех против всех». Отсюда в поисках выхода люди приходят к идее «общественного договора» или согласия относительно образования государства, которому делегируются полномочия силой обеспечить мир и защитить собственников. Государство как продукт общественного договора — гарант естественных прав (свобода, равенство, собственность). Концепцию общественного договора Локк развил положением о том, что граждане не должны лишаться всех или большинства своих прав, а власть концентрироваться в одних руках или одной властной структуре. Однако Локк, в отличие от Гоббса, убежденный сторонник конституционной монархии, в которой единственным истинным основанием власти суверена является согласие народа.

Французский просветитель Жан-Жак Руссо (1712–1778 гг.), разделяя идею общественного договора, иначе, чем его английские

предшественники, объясняет причины создания государства и системы норм права. Как мыслитель-гуманист, он утверждал, что человек по своей природе добр, милостив, создан для счастья, но общество его «портит». Согласно Руссо, общество создано общей волей людей, а законы общества являются выражением этой воли. В трактате «Об общественном договоре» Руссо рисует картину идеального общества. В естественном догосударственном состоянии человек находится в гармонии с природой. Однако рост населения и географические факторы приводят к возникновению соперничества. Естественное неравенство сил и дарований людей с появлением частной собственности ведет к политическому неравенству, к конфликтам могущественных и обездоленных, к распространению девиантных проявлений и практик среди людей. Восстановлению гражданского мира и согласия после свержения абсолютизма должно служить создаваемое по общественному договору демократическое государство, опирающееся на ненасильственные, воспитательные средства, которые в полной мере отвечают изначально миролюбивой природе человека.

Согласно Руссо, свободой обладает не личность, а государство и люди пользуются свободой лишь как его полноправные граждане. В результате человек теряет естественную свободу, но приобретает свободу гражданскую. Ее условием выступает равенство, и не только политическое, но и имущественное. Государство не должно допускать поляризации людей на бедных и богатых.

Руссо демонстрирует социологическое мышление, обращая внимание на социальное неравенство, наличие классов, конфликтов и перемен, роль демократического государства в обеспечении гражданского мира и в снижении масштабов девиантности. Идеи юснатурализма и естественных прав были закреплены в работах англо-американского политического активиста и теоретика Томаса Пэйна (1737–1809 гг.).

Мыслители Нового времени не только раскрепостили и развили философскую и политико-правовую мысль, но и проложили рациональный путь к пересмотру вечной темы «преступления и наказания». Они подвергли острой критике религиозные модели уголовного права и преступления. «расколдовали» процесс нормообразования и понимания преступного.

В религиозной интерпретации, право выражает клерикальные нормы, а преступность как проявление зла считается порождением человеческой порочности, греховности. Основная криминологическая идея теологов: преступное поведение — результат того, что человек либо отвернулся от бога (безверие), либо оказался во власти дьявола (сатанизм). И если индивид совершил преступление, то ему полагается жестокая кара на земле и ад в загробной жизни.

Под влиянием идей Просвещения с развитием метафизического, умозрительного подхода, доминировавшего в философии и юриспруденции той поры, преступление все чаще рассматривается как индивидуализированная форма зла, продиктованная рациональным, свободным выбором индивида. В итоге в криминологии и уголовном праве сформировалась классическая школа (Ч. Беккариа, И. Бентам, Д. Говард, П. Фейербах и др.).

В 1764 году итальянский криминолог Чезаре Беккариа (1738–1794 гг.) опубликовал свою фундаментальную работу «О преступлениях и наказаниях». Он первым дал сокрушительную оценку современной ему юстиции, особенно тех судей, которые накладывали произвольные и чрезмерные наказания. Цель наказания, по мысли гуманиста, должна состоять в сдерживании, предупреждении преступного поведения, а не мести. Он полагал в духе времени, что люди оценивают свои поступки рационально, осознавая боль и похвалу. Согласно Беккариа, сама боязнь наказания заставляет людей вести законопослушный образ жизни. При этом он требовал, чтобы мера наказания в большей степени исходила из того вреда, который преступное действие причиняет обществу, а не потерпевшему. Беккариа различал три типа преступлений: против безопасности государства, против граждан и их собственности, против общества. Согласно его взглядам, уголовное право и наказание должны соответствовать типу преступления. Так, воровство должно наказываться штрафом, и только за тяжкие преступления против государства предполагается применение смертной казни.

По мере развития общества уголовное право исторически выделяется из гражданского права и рассматривается как формальный механизм поддержания социального порядка в государстве.

Теоретики, развивавшие идею общественного договора и консенсусный подход к праву (Э. Дюркгейм, Э. Росс, У. Самнер, Е. Эрлих и др.), отмечают, что уголовное право имеет народные корни — обы-

чаи или нормы морали. Нравственные установления постепенно с течением времени превращаются в формальные социальные нормы. Закон тем самым выражает неформальные интуитивные стандарты относительно правильного (непреступного) и неправильного (преступного) поведения. Следовательно, уголовное законодательство отражает ценностный консенсус, когда социальная структура общества становится достаточно сложной и социальный контроль за поведением его членов уже не может быть реализован с помощью неформальных механизмов народных обычаев или норм морали.

Конфликтологи В. Бонгер, Д. Волд, О. Терк и другие отрицают ценностный консенсус в обществе и фокусируют внимание на значимости противоборства, противоречий, конфликтов в формировании норм уголовного права. В рамках конфликтологической традиции считается, что уголовный закон содержит политическое, экономическое и социальное выражение несовпадающих интересов социальных групп и классов. Так, например, британский устав о бродяжничестве 1349 года был первым сводом законов, который отражал классовый конфликт, возникший из-за развития торговли и первых индустриальных производств. По нормам этого устава было преступным давать пищу или кров любому здоровому безработному, поскольку они защищали экономические интересы торговцев и предпринимателей, остро нуждавшихся в дешевой рабочей силе в условиях быстро развивающейся экономики.

Большая часть английских законов в XVI–XVII веках (в стране высокими темпами и эффективно развивался капитализм) отражала расширение конфликтных коммерческих интересов, угнетение рабочих и безработных, что, в конечном счете, предопределяло конструирование новых уголовно-правовых норм и составов преступлений. Уголовное право в период Нового времени в странах Европы обеспечивает защиту и рационализацию торгового бизнеса и формирование монополистического капитализма. С развитием колониализма в европейских странах происходит дальнейшее развитие коммерции и производства. В результате усиливается несоответствие интересов имущего и неимущего классов, что создает предпосылки для хищений продовольственных, промышленных товаров и разбоя. В ходе развития буржуазного общества, считают конфликтологи, содержание уголовного права полностью предопределяется классовыми интересами собственников капитала.

Бурное развитие капитализма в Европе и Америке способствовали расцвету формализма и рационализма в развитии уголовного права.

Возникновение в последующем биологического и социологического позитивизма предопределило дальнейшее развитие уголовного права и науки о преступности, уголовного законодательства в обществе модерна, этапы и специфика которого хорошо описаны в отечественной и зарубежной юридической литературе. Для девиантологической оценки здесь важно то, что правоведы и криминологи-позитивисты предприняли попытку осмысления пути постижения истины на основе эмпирических методов. Они повели борьбу с умозрительными системами и доказательствами получения криминологического и уголовно-правового знания.

Опора на позитивизм позволила субъекту права уже с конца XIX века принимать уголовно-правовые меры контроля, на основе объективного изучения причин преступности, эмпирической оценки причинно-следственной связи и факторов, детерминирующих деликты. Нормы уголовного права стали одним из главных сюжетов — «великим планом усиления контроля» в капиталистической системе отношений.

Наряду с позитивистским подходом на развитие уголовного законодательства заметное влияние оказывают непозитивистские, феноменологические, конструктивистские и критические теории второй половины XX века. В этот период развиваются различные направления в науке, складываются поликонцептуальность и методологический плюрализм, нарастает соперничество научных школ, усиливается критика позитивистского направления в науке уголовного права и криминологии. На развитие представлений об уголовно-правовом регулировании в сфере противодействия преступности существенное влияние в Западном мире оказывают критические теории: конструктивизм, неомарксизм, феминизм и, особенно, постмодернизм. Во второй половине XX века многообразие теоретических конструкций и подходов далеко выходит за предметные рамки позитивистской юриспруденции: формируется девиантология и ее наиболее развитая часть криминология как социология преступности. Девиантологический, в частности, постмодернистский дискурс об уголовном нормообразовании представлен в научных и учебных

работах не в полной мере, на что и делается больший акцент в данной работе.

Постмодернизм как философско-социологическое течение в науке о социальных отклонениях меняет повестку дня и дискурс о преступности, уголовном праве, социальном порядке, контроле и власти в обществе. Постмодернисты опираются на положения постструктурализма и семиотики, широко используют методологию деконструктивизма. В юридическом контексте, по Ж. Деррида, деконструировать значит «освободить, открыть закон, сделать его более гибким, внутренне доступным пересмотру и улучшению...»¹. Постмодернистское направление как критический дискурс по отношению к позитивистской науке о преступности и уголовном праве представляют Б. ДиКристина, Э. Янг, Дж. Фэррел, К. Хейворд, П. Мэннинг, М. Ланье, С. Генри, Д. Милованович.

Постмодернисты обращаются к критическому переосмыслению классической позитивистской рациональности, универсальности, объективности норм уголовного права. Это неслучайно, поскольку позитивистское уголовное право, соответствующее ему законодательство в новых социальных условиях реально не обеспечивают должный правопорядок и эффективный социальный контроль над криминалом. Многие ведущие европейские и американские, российские криминологи эпохи постмодерн Н. Кристи, Т. Матисен, Дж. Альбанезе, Я. Гишинский, С. Милоков, Д. Шестаков и другие осознают социальную неэффективность традиционных средств социального контроля в рамках возмездной юстиции (*retributive justice*) и определяют ситуацию в уголовной политике и практике как «кризис наказания» или полицейского контроля². Неэффективность, считает Я.И. Гишинский (более того, минусовая, отрицательная эффективность, наличие негативных последствий), наказания хорошо известна³.

---

¹ Цит по: Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 33.

² Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 404-410; Гишинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Ежегодник уголовного права, 2013. СПб., 2014. С. 42-58.

³ Гишинский Я.И. Очерки по криминологии. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 106.

На фоне ускорения социальных изменений, вызванных компьютерной революцией и технологическими инновациями XXI века, глобализацией стремительно трансформируется девиантность и преступность. Наблюдается, наряду с разрастанием насильственной преступности и преступности «белых воротничков и элиты», диффузия криминальной активности в Интернет-пространство. В этот период особенно острой выглядит критика криминологами-постмодернистами легального формализма и рационализма в позитивистском уголовном праве на основе положений постструктурализма и семиотики (П. Мэннинг, С. Генри, Д. Милованович). Постмодернисты отрицают рационализм уголовного права на том основании, что он ограничен коммуникативными возможностями языка. Другая часть критических возражений состоит в неспособности легального формализма к адекватному развитию уголовно-правовой теории и практики в новых быстро меняющихся социальных условиях. Д. Милованович раскрывает релятивизацию научного знания и доказывает, что дискурс в критических правовых исследованиях с его разнообразием в теоретических перспективах, все еще остается полем «постоянных поисков теории»¹.

Постмодернисты обращают внимание на релятивный и конвенциональный характер норм уголовного права. С их точки зрения, нормы права, преступность и контроль над ней не могут быть отделены от всеобщего социоструктурного и культурного контекста, в котором они продуцируются в ходе дискурса. Деконструкционист П. Мэннинг убедительно показывает, что уголовно-правовые нормы релятивны и не могут соответствовать большинству культурных ценностей и ориентиров членов общества постмодерна в связи с ростом миграции, развитием мультикультурализма и иных глобальных процессов. Отсюда делается вывод о том, что сомнительна и ценностная нейтральность, и объективность уголовного законодательства, выстроенного только на позитивистской основе.

Эвристический пафос постмодернистской криминологии и уголовного права находит выражение в критических криминологических исследованиях, в выдвижении новых замещающих теоретических конструкций более релевантных обществу постмодерна².

---

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 176–179.

² Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 562.

Согласно современным девиантологическим представлениям, наука о преступности и уголовном праве, как результат эволюции этой области знания, полипарадигмальна. Наряду с традиционной позитивистской парадигмой она включает в себя и непозитивистские, критические подходы, конкурирующие и одновременно дополняющие друг друга.

Критика «узких мест» позитивистской криминологии и науки уголовного права — источник для совершенствования норм современного уголовного законодательства и моделей социального контроля над преступностью в обществе постмодерна, быстро меняющем свой облик. Можно сказать, перефразируя Деррида, что деконструкционизм применительно к уголовному законодательству способен освободить, открыть его, сделать более гибким, внутренне доступным пересмотру и улучшению.

Непротиворечивые «старые» теории и новые критические дискурсы составляют теоретико-методологическую основу объяснительных моделей и практик социального контроля, что позволяет научному сообществу правоведов и законодателей совершенствовать нормы уголовного законодательства, опыт его применения в мире постмодерна.

Таким образом, нормы уголовного права с девиантологической точки зрения — есть изменчивый, релятивный, конвенциональный социальный конструкт, имеющий контекстуальную природу. Это официальные нормы правила — результат исторического генезиса, развития общества и его культуры. Уголовно-правовые нормы как вид официальных формализованных социальных норм сконструированы законодателем. Они определяют, какие деяния признаются в данном обществе на современном этапе его развития общественно опасными, устанавливают меры наказания за их совершение и условия их исполнения, а также порядок освобождения от уголовной ответственности. Если уголовно-правовые нормы социально адекватны, то они наилучшим образом способствуют минимизации преступности путем пресечения, контроля и предупреждения этой социально опасной формы негативной девиантности.

2. Преступность — форма негативной девиантности

2.1. Подходы к определению девиантного поведения, девиантности и социального контроля

Социальные и уголовно правовые нормы — фундаментальная «культуральная» основа для определения девиантности и преступности. Сторонники «культуральной криминологии», считают, что не только преступность есть порождение культуры, данного общества, но и средства, методы социального контроля над ней.¹

Девиантность и преступность, как и социальные, правовые нормы, своими корнями глубоко уходят в «культурную почву».

Если путешественник или исследователь, социализация которого прошла в цивилизованном мире — в мире постиндустриального капитализма, оказывается на территории племени Йономаме в дождливых лесах амазонской сельвы в Бразилии, то контакт с «лесными людьми» создает ему эффект, который можно назвать «культурным шоком», вызванным несовпадением культур и базовых социальных норм. Так, антрополог Наполеон Шегнон делится впечатлениями, полученными в 1977 году от подобных контактов с индейцами, живущими по канонам примитивного общества «охотников и собирателей»:

«Всего через несколько моментов я должен был встретить своего первого индейца из племени Йономаме..... Я оторвал глаза от мутной воды и моего каноэ.... и задохнулся удушливой волной от зловония и вида людей его испускавших, когда увидел, что дюжина больших, голых, грязных, отвратительных мужчин уставилась на меня. Огромные комки зеленого табака торчали между их нижними зубами и губами, заставляя их выглядеть еще более отвратительно. Темно-зеленая слизь вытекала из их носов. Все мужчины были заняты разжевыванием и вкушением галлюциногенного зелья.

Ситуация была угнетающей и я пожалел о том, что стал антропологом. Вскоре мое лицо измазали красным пигментом в знак приветствия.....

---

¹ Ferrel J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008.

Индейцы продолжали протирать зеленую слизь запястьями рук, пальцами, а потом втирали остатки жижи в свои волосы. Воспринимая меня как диковинку, они тщательно исследовали мое лицо, руки, ноги, волосы и..... содержание моих карманов. Я сказал (на их языке), что у вас грязные руки. Индейцы, отреагировали на мои слова привычным для себя образом: выплюнули в ладоши большое количество зеленой табачной слизи, снова растерли ее в руках и продолжили свою экспертизу...»¹.

Девиантологи и криминологи используют термин «девиация» (от лат. *deviatio* — отклонение), чтобы обозначить любое нарушение социальных норм, принятых в той или иной культуре, обществе. Причем неважно является ли оно незначительным как, например, небольшое превышение скорости движения автомобиля, или жестокое убийство, или шокирующее столкновение Шегнона с людьми племени Йономаме.

Как видим, то, что нормально, социально приемлемо в одной культуре — или в одной группе в пределах большого общества — является отклонением (девиацией) для другой культуры или другой группы в пределах того же самого общества. Этот принцип лежит в основе девиантологического определения преступности как формы девиантности, поскольку в этом случае речь идет о нарушении официальных социальных норм — норм правил, которые закреплены в уголовном законодательстве.

Термин «девиация» чаще всего характеризует акт единичного отклонения в поведении, выходящий за рамки одной или нескольких социальных норм. Для социологов и криминологов социологической ориентации важно оценить не только единичное действие по отношению к норме, но также и поведение как внешне наблюдаемые проявления деятельности индивида, последовательность его действий и поступков.

Традиционно девиантологи пользуются понятием «девиантное поведение» (*deviant behavior*). *Девиантное* (отклоняющееся) поведение проявляется как результат несоответствия поступков, действий, видов деятельности людей не только правовым, но и моральным, а также иным социальным нормам, которые отражают обычаи,

---

¹ Henslin J. *Essentials of sociology: a down-to-earth approach*. 5-th ed. Allyn and Bacon. Boston, 2004. P. 137–138.

культурные традиции, образ жизни, социальные ожидания, принятые в данной общности или обществе в целом.

Отсюда девиантное поведение есть отступление, отказ постоянно следовать, совершая поступки, общепринятым социальным нормам¹.

Девиантное поведение рассматривается и как характеристика поведенческого акта индивида, и как объективный социальный феномен.

В научной литературе существуют различные подходы к интерпретации девиантного поведения.

Функционализм. Функционалисты (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон, А. Коэн, Р. Айкерс, Н. Смелзер и др.) исходят из того, что девиантное поведение — объективный социальный феномен, присущий человеческой природе, который может быть как функциональным (адаптивным, инновационным), так и дисфункциональным (дезадаптивным, разрушающим равновесие социальной системы). При этом одни функционалисты при определении девиантного поведения используют социальные нормы как эталоны, образцы нормативного поведения, другие предпочитают *ожидания* (экспектации) соответствующего или принятого в данном сообществе поведения. Так, по Н. Смелзеру девиантное поведение — это «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя»². А. Коэн считает, что это «поведение, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы»³.

В рамках функционализма существуют и такие трактовки отклоняющегося поведения, которые в качестве точки отсчета рассматривают не только нормы и ожидания, но и социальные роли, то есть типичные образцы поведения⁴. Нормативно-ролевой подход к определению девиантного поведения в современной криминологии

---

¹ Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: КЮИ МВД России, 2006. С. 30.

² Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М., 1994. С. 652.

³ Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX / пер. с англ. М.: Прогресс, 1965. С. 520–521.

⁴ Palmer S., Humphery J. Deviant Behavior: Patterns, Source and Control. N.Y. - L.: Plenum Press, 1990. P. 3.

и социологии разделяют: Р. Мертон, Р. Айкерс, А. Лиска, А. Тио, М. Клиnard, Р. Меер и другие. В работах Р. Харре делается вывод о том, что «девиантное и нормативное поведение – две равноценные составляющие социально-ролевого поведения»¹.

Я.И. Гилинский, обобщая, определяет *девиантное поведение как поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям*². При этом под «официально установленными» понимаются формальные, правовые нормы или нормы правила, а под фактически сложившимися — нормы морали, обычаи, традиции или нормы ожидания.

Символический интеракционизм, конструктивизм. Интеракционисты (Э. Шур, Э. Леммерт, Г. Беккер, Ф. Зак и др.) интерпретируют девиантное поведение как «реагирующую конструкцию», как следствия стигматизации и чрезмерного социального контроля, когда на поведение личности общество и государство реагируют чрезмерно негативными санкциями. Они считают, что девиантное поведение — не внутренне присущее тому или иному действию качество, а следствие соотнесения действия с правилами применения санкций к нарушителю.

Конструктивисты в девиантологии и криминологии Дж. Курра, Е. Гууде, Н. Бенегуда, Д. Петрович, С. Генри и другие, опираются на феноменологическую традицию. Феноменология считает предмет своего исследования, прежде всего, обыденные представления людей о добре и зле, о судьбе и загробной жизни, о норме и патологии.

Феноменологи выделяют интересубъективные значения обыденных представлений, которые образуют, по их мнению, сущность человеческой деятельности. Через анализ интересубъективных значений они определяют объективный смысл поведения многих индивидов, в том числе и девиантов. Феноменологическая девиантология рассматривает девиантность и преступность так же, как

---

¹ Harre R. The ethogenetic approach: Theory and practice//Experimental social psychology. N.Y.- L., 1977. Vol. 10. P. 283–314.

² Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013. С. 24.

социальные и правовые нормы в значении социальных конструктов, поскольку они выступают в качестве субъективно понимаемого опыта по систематическому нарушению социальных и правовых норм, накопленного тем или иным субъектом.

Девиантная социализация позволяет накопить фонд значений и смыслов, принятых в «преступном мире». Он обеспечивает девиантам и преступникам готовую систему значений и ориентиров. Восприятие делинквентом преступной среды как повседневности является механизмом, с помощью которого его жизнь обретает вполне понятный и постижимый смысл.

По мнению криминологов-интеракционистов Г. Гесса и С. Шерера, такая форма девиантного поведения, как преступность, не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер¹. Преступность — искусственный конструкт, — результат принятия политических или правовых решений, продукт дискурса в ходе тематизации той или иной острой криминальной проблемы во властных структурах, в СМИ и обществе в целом. Этот подход широко используется в современной постмодернистской девиантологии и криминологии.

В зарубежных и российских источниках, наряду с понятием «девиантное поведение» широко используется термин «девиантность» (*deviance* – отклоняемость) в значении социальной характеристики общества, в котором наряду с конформизмом имеет место и такое массовое явление как девиантное поведение.

Я.И. Гилинский определяет *девиантность как социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям*².

В определениях девиантного поведения и девиантности всеми авторами используется ключевой концепт «социальная норма», ко-

---

¹ Цит. по книге: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 37.

² Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013. С. 30.

торая контекстуальна, поскольку зависит от времени (исторической эпохи, периода) и типа общества, культуры, частью которой она является. Следовательно, фундаментальные свойства социальных норм (релятивность, конвенциональность, сконструированность) переносятся на девиантное поведение и девиантность во всех ее проявлениях. Так, теракты недавнего прошлого в Косово, Чечне, Дагестане, Египте, Сирии; трагедия 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке с захватом воздушных лайнеров и террористической атакой на Нью-Йоркский центр международной торговли, здание Пентагона, а также недавние акции террора в Париже, Брюсселе, совершенные исламистами-смертниками, свидетельствуют о релятивности, конвенциональности, сконструированности терроризма как негативной девиантности.

С одной стороны, теракты радикальных ревнителй ислама названы международным сообществом преступлением против человечества. С другой, как считают исламисты, шахиды пожертвовали собой и совершили подвиг, полагая, что смерть в миссии самоубийства дает им пропуск в рай¹. Как справедливо заключает В.С. Овчинский, «преступление как деяние лежит полностью в сфере социально-правовых оценок»².

По своим последствиям девиации, девиантное поведение, девиантность, как формы социальной активности, могут иметь в механизме социальных изменений и социального равновесия двойное значение. Одни из них служат, прежде всего, прогрессивным инновациям и переменам. Это — позитивная девиантность: научное и художественное техническое и социальное творчество. Работы постановочного плана по социологии позитивной девиантности в отечественной литературе подготовлены Я.И. Гилинским, Ю.А. Клейбергом, И.Л. Честновым и другими исследователями³.

Наибольшее внимание ученых сосредоточено на феноменах негативной девиантности (преступность, терроризм, алкоголизм, наркотизм, проституция, суицидальное поведение, гемблинг, эска-

---

¹ Комлев Ю.Ю. Основы социологии для юристов: курс лекций. Казань: КЮИ МВД России, 2009. С. 162–163.

² Овчинский В.С. Криминология и биотехнологии. М.: Норма, 2005. С. 8.

³ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013. С. 468–482; Творчество как позитивная девиантность. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015.

пизм). Они функциональны, но находятся на противоположной стороне процесса социальных изменений: чаще всего влекут за собой дезорганизацию, упадок, разрушение, гибель.

Девиантное поведение (девиантность) заявляет о себе в реальных поведенческих актах, в практической деятельности людей. В социальной системе девиантность в различных своих проявлениях институализирована, поэтому *выполняет явные или неявные социальные функции*.

На двойственный характер девиаций обращали внимание Э. Дюркгейм и П. Сорокин. *Так, преступность как наиболее опасная форма девиантного поведения* является не только нормальным социальным явлением в значении, предложенном Э. Дюркгеймом, но и функциональным, необходимым. Преступность приносит много бед, вреда, горя, мук, материальных утрат, но она выполняет и позитивные функции. Первым к этому выводу пришел Дюркгейм, который выделил три позитивные функции преступности. В их числе:

1. Интеграция. Криминальные акты укрепляют социальное единство. Наказание виновных в преступлении укрепляет социальную идентичность, принадлежность к группе, обществу. Логику сплочения выражает старая финская поговорка: «никто не объединяет народ лучше, чем его убийцы».

2. Укрепление норм. Преступление как отклонение от норм закона указывает на нарушение границы дозволенного/недозволенного и подтверждает нормы.

3. Инновация. Отклонение от норм закона способствует социальным изменениям. В некоторых случаях деликты заставляют пересмотреть законодательство и, в конечном счете, модернизировать все общество.

С девиантологической точки зрения, функциональна не только преступность, но и другие формы девиантности: коррупция, наркотизм, алкоголизм, проституция, гемблинг и даже суицид. Иначе бы они давно сошли с социально-исторической сцены за ненужностью.

Девиантное поведение и девиантность как социальные феномены дуалистичны — с одной стороны, это объективные, функциональные поведенческие акты, с другой — релятивная (относительная), конвенциональная, социальная конструкция.

Анализ различных проявлений девиантного поведения и девиантности имеет смысл лишь в конкретном историческом (временном), социокультурном и правовом контекстах (конкретная нормативная система «здесь и сейчас»). Поведение может определяться как позитивная девиация или конформизм при одном наборе культурных установок и правовых установлений и негативным отклонением — в другом. Значения определяются исторической и социокультурной контекстуальностью.

Девиантное поведение — результат социального соглашения большинства членов общества или их законных представителей относительно того, что считать, а что не считать девиантным.

Исходя из контекстуальности и функциональности девиантного поведения, следует вывод, к которому пришел Э. Дюркгейм, о принципиальной невозможности искоренить девиантность как социальный феномен во всех его проявлениях. Проблемой для социальной системы выступает превышение определенных порогов допустимости девиантности тогда, когда по отношению к социальному целому она выступает разрушающим фактором.

Общество и государство всегда стремились контролировать соблюдение принятых в нем ценностей и норм поведения, поддерживать определенный правовой и социальный порядок, так как социализация никогда не бывает идеальной, а форм негативной девиантности не становится меньше.

В отечественной юридической литературе социальный контроль обычно трактуется как совокупность норм, институтов и отношений, направленных на обеспечение поведения людей в соответствии с охраняемыми обществом, государством, социальными группами нормами поведения, выражающими их интересы. По оценке Р. Айкерса, социальный контроль включает в себя «нормативную систему, состоящую из правил о том, как люди должны и не должны себя вести, и систему формальных и неформальных механизмов, использующихся для противодействия девиантным формам поведения и поиска согласований с этими нормами»¹.

Девиантологическое толкование социального контроля дает Я.И. Гишинский, считая, что это «механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и под-

---

¹ Akers R. Criminological theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles, 1997. P. 137.

держания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего — девиантного поведения»¹.

В более узком значении социальный контроль представляет собой совокупность средств и методов воздействия общества и государства на негативные формы девиантного поведения с целью их минимизации до социально приемлемого уровня. Проблема социального контроля есть в значительной степени проблема социального порядка, сохранности общества как целого.

Надо ли подчеркивать, что для нашей страны проблема эффективной социальной реакции для обеспечения социального порядка и правопорядка является архиважной. Тем более это важно, поскольку Россия занимает лидирующие позиции в мире по уровню тяжких насильственных преступлений, самоубийств, коррупции, алкоголизации населения. При этом деятельность институтов социального контроля в обществе постмодерна требует радикальных изменений. Эмпирические исследования, проведенные в КЮИ МВД России (2015–2016 гг.), свидетельствуют, что издержки «контроля сверху» за работой сотрудников полиции в России сегодня столь велики, что на собственно полицейскую работу нередко не хватает людских и временных ресурсов. Поэтому многие коллективы работают не ритмично, а в режиме периодических штурмов, «завалов», когда нужно выдавать «палочные» показатели или готовиться к очередной проверке.

Неформализованный опрос, проведенный в группе «Резерв» (слушатели из резерва на замещение должностей начальников территориальных районных, городских ОВД от Смоленска до Магадана) показал, что резервисты выделяют следующие проблемы ОВД: а) бумаготворчество и бюрократизация управления (типичные высказывания: «бумажный оборот, поэтому нет времени для работы с населением», «двойной документооборот», «бумажная работа», «бюрократия, поэтому нехватка личного состава», «в полиции принято считать, что без заполнения бумаг сотрудники ничего не делают»); б) клановость и круговая порука (типичные высказывания: «нет ротации руководителей», «неграмотное назначение личного

---

¹ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013. С. 30.

состава»); в) гипертрофированный контроль сверху и отсутствие контроля снизу (типичные высказывания: «тотальный контроль», «заседаем больше, чем работаем с населением»); г) низкая служебная эффективность — ориентиры на средние показатели (типичные высказывания: «несвойственные функции», «в ОВД широко применяется управление по типу «кнута и экономического пряника», «многие сотрудники выполняют работу на «хорошо» или «удовлетворительно», лишь для того, чтобы не попасть под наказание») «палочная система», «неграмотное сокращение личного состава»). Все эти «свидетельства» указывают на наличие ряда управленческих, организационных проблем в работе полиции как важнейшего института формального социального контроля.

В.С. Овчинский, описывая отставание отечественной системы социального контроля, в частности органов дознания, пишет, что «в скором времени мы можем оказаться в ситуации, когда преступники будут использовать квантовые исчисления, а мы по-прежнему прокалывать дыркой и подшивать многотомные уголовные дела»¹.

2.2. Криминология как социология преступности

Не только классики юридической и социальной науки в целом, но и современные исследователи традиционно больше внимания уделяют изучению преступности как социального явления — формы негативной девиантности.

Российская наука о преступности конца XIX — начала XX вв. была представлена блестящими исследователями-правоведами. Среди них: М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий, С.В. Познышев, М.Н. Гернет, С.К. Гогель, Д.А. Дриль, Н.Н. Полянский и другие. В работах этих талантливых криминологов-позитивистов более ста лет назад немалое значение придавалось изучению социальных причин преступности. Весьма существенную роль в «социологизации» проблемы преступного поведения и широком применении социологических методов по изучению преступности и других девиаций имели яркие труды М.Н. Гернета: «Социальные факторы преступности» (1905), «Общественные причины преступности. Социологи-

---

¹ Овчинский В.С. Преступность недалекого будущего. [Электронный ресурс]. URL: <http://a.mospravda.ru>

ческое направление в науке уголовного права» (1906), «Наркотизм, преступность и уголовный закон» (1924).

В советский период преступность была наиболее изучаемым видом негативного девиантного поведения. Вплоть до 60-х гг. социальные аспекты преступности исследовались преимущественно в рамках науки уголовного права (А.А. Пионтковский, М.Д. Шаргородский, Е.Г. Ширвиндт, Б.С. Утевский и др.). Отечественная криминология как самостоятельная наука активно развивается в рамках правоведения с середины 60-х годов прошлого столетия в период «хрущевской оттепели». Она выступает общетеоретической дисциплиной для наук криминального цикла (уголовного, уголовно-исполнительного права, уголовного процесса, криминалистики, ОРД, судебной психологии). В 60-е, 70-е, 80-е, 90-е годы стали выходить фундаментальные криминологические работы В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, А.А. Герцензона, Л.В. Франка, П.С. Дагеля, П.С. Тоболкина, В.М. Когана, А.М. Яковлева, Г.М. Миньковского, Ю.М. Антоняна, Г.А. Аванесова, Ю.Д. Блувштейна, С.Е. Вицина, Я.И. Гилинского, В.Е. Квашиса, Г.Ф. Хохрякова, В.Д. Ривмана, К.Е. Игошева, Н.Ф. Кузнецовой, А.И. Долговой, Б.В. Волженкина, В.В. Лунеева, Д.А. Шестакова и других отечественных исследователей.

В советской и российской криминологии выделился ряд относительно самостоятельных направлений исследования и отраслей, такие как: преступность несовершеннолетних, насильственная преступность, прогнозирование и профилактика преступности, виктимология, пенитенциарная криминология, экономическая криминология, семейная криминология, криминология политической преступности.

Обращение ученых юристов «социологического направления» к осмыслению проблем науки уголовного права и криминологии происходит еще в 70-е годы прошлого века. Первой такой работой следует считать монографию А.А. Герцензона «Уголовное право и социология» (1970). В 1986 году вышла монография Л.И. Спиридонова «Социология уголовного права», в 1988 году — работа А.М. Яковлева «Социология экономической преступности».

К середине 80-х годов прошедшего столетия в СССР сложилась группа социологически ориентированных криминологов. В своих рассуждениях они далеко вышли за рамки официальной советской науки о преступности для которой характерны постулаты: преступ-

ность — чуждое советскому народу явление; его причины — капиталистическое окружение и «пережитки капитализма» в сознании людей; нужно «усилить борьбу», чтобы «земля горела под ногами хулиганов» и тогда преступность будет ликвидирована. Это Л. Спиридонов, А. Яковлев, В. Коган, Г. Забрянский, А. Лепс, Э. Раска, Ю. Блувштейн, В. Юстицкий, А. Добрынин, Я. Гишинский и другие.

В современной российской науке, параллельно с юридическим направлением, активно развивается социологический взгляд на криминологию. Социально-экономическую детерминацию преступности анализировал один из основателей современной российской криминологии академик В.Н. Кудрявцев, который еще в советский период поддерживал социологически ориентированных криминологов и социологическую линию исследований социально-правовых явлений¹. Авторы фундаментальной монографии «Социальные отклонения», выдержавшую несколько изданий, В.Н. Кудрявцев, С.В. Бородин, Ю.В. Кудрявцев, В.С. Нерсесянц одними из первых рассуждают о феномене девиаций, рассматривая преступность как негативное социальное отклонение во взаимосвязи с другими формами девиантности: алкоголизмом, наркоманией, суицидами, социальным паразитизмом, бюрократизмом². Лидер российской криминологической ассоциации А.И. Долгова в 3 главе учебника «Криминология» (1999) с вполне девиантологических позиций пишет, что «преступность подлежит рассмотрению и как часть такой более общей для нее системы (но менее общей, чем общество в целом), как негативные социальные отклонения»³.

Широкий социологический ракурс при изучении семейной преступности, экстремизма и терроризма, других проявлений криминальной активности характерны многим современным санкт-петербургским криминологам: Д.А. Шестакову, С.У. Дикаеву, А.Л. Сморгуновой. Социологически ориентированы многие криминологические работы В.С. Овчинского, в которых раскрываются методологические вопросы прикладных криминологических исследований, анализируются проблемы превенции преступности несовершеннолетних, противодействия организованной преступности,

---

¹ Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003. С. 12.

² Кудрявцев В.Н., Бородин С.В., Кудрявцев Ю.В., Нерсесянц В.С. Социальные отклонения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1989. С. 242.

³ Криминология / под общей ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 78.

феноменология высокотехнологичной преступности. Социологические воззрения на преступность как социальное явление характерны отечественным криминологам Д.А. Ли, С.Г. Олькову, Э.Г. Юзихановой.

Вместе с тем, социологический дискурс наиболее продуктивно структурирован в работах Я.М. Яковлева «Социология преступности (криминология). Основы общей теории» (2001), «Социальная структура общества и право» (2009) и Я.И. Гилинского «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль» (2002, 2009), Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» (2007, 2013), «Социальное насилие» (2013) и другие.

С точки зрения Я.И. Гилинского, выстраивается следующая иерархия наук: социология — девиантология — криминология. При этом криминология сохраняет и находится во взаимосвязи со многими другими науками и научными направлениями. Она теснейшим образом связана с юридическими науками криминального цикла: уголовным правом, уголовным процессом и уголовно-исполнительным правом. Криминология является базовой наукой для этих дисциплин, поскольку призвана объяснить социальную — в широком смысле интегральную — природу преступности, обусловленность преступлений социальными и иными факторами, охарактеризовать субъектов индивидуального преступного поведения и вскрыть его механизм, определить пути и методы социального контроля над преступностью на том или ином этапе общественного развития.

Очевидна связь криминологии с психологией, поскольку в механизме любого индивидуального поведенческого акта, в том числе преступного, входят психологические составляющие (интеллект, воля, эмоции, личностные особенности, психопатологии). На развитие криминологии, начиная с ее образования, влияют достижения современной антропологии и биологии. С криминологией взаимодействуют экономическая наука и политология и даже культурология. Все эти связи указывают на междисциплинарный, мультидисциплинарный, интегративный характер криминологического знания.

Отечественную криминологию как социологию преступности — раздел девиантологии сегодня развивает ленинградская-санкт-петербургская школа во главе с Я.И. Гилинским. Этой же точ-

ки зрения придерживаются казанские девиантологи Н.С. Фатхуллин, А.Л. Салагаев, Ю.Ю. Комлев, И.Г. Ясавеев и др.

Зарубежная, прежде всего, самая большая в мире по числу публикаций и ученых, наиболее развитая англо-американская криминология на протяжении всей своей истории развивается как социология криминального поведения¹. В науке о преступности в США традиционно доминирует социологическая парадигма и социологическая методология, хотя и используются достижения других областей знания². О влиянии социологически ориентированных криминологов, носителей докторских степеней по социологии свидетельствует персональный состав авторов фундаментального учебника «Криминология», подготовленного под редакцией Дж.Ф. Шели и изданного в переводе в Санкт-Петербурге в 2003 году. Девиантологический подход к изучению преступности также широко представлен среди значительной части европейских криминологов, разделяющих основные идеи англо-американской школы. Из работ европейских криминологов социологической ориентации хорошо известны российским читателям труды Нила Кристи и Матти Лайне³.

Криминология XXI века активно развивается как в мире, так и России. Наука о современной преступности упрочила свой полипарадигмальный статус, в ее методологическом арсенале все чаще используются поликонцептуальность и методологическое разнообразие: статистические, количественные и качественные социологические методы. Ее предметная область активно расширяется за счет новых тем и актуальных криминологических исследований, пограничных с преступностью социальных явлений и форм негативной девиантности, за счет образования новых отраслей и теорий

---

¹ See: Conklin John E. *Criminology*. 4 edition N.Y., 1992; Akers R. *Criminological Theories*. Los Angeles, 1997; Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. N.Y-L.: Garland Publishing, Inc., 1997; Barkan S. *Criminology: A Sociological Understanding*. N.J, 1997; Downes D., Rock P. *Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking*. 3-rd ed. Oxford University Press, 1998; Schmallegger F. *Criminology today: an integrative in-troduction*. N.J., 1999; Barak G. *Integrating criminologies*. Allyn & Bacon. 1998; Barak G. *Criminology: An Integrated Approach*. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefeld Publish-ers Inc., 2009.

² Сморгунова А.Л. *Современная зарубежная криминология: критическое направление: монография*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. С. 16–19.

³ Кристи Н. *Пределы наказания*. М., 1985; Лайне М. *Криминология и социология отклоненного поведения* / пер. с фин. Хельсинки, 1994.

преступности. Прогресс криминологии прежде всего обязан развитию новых подходов и теоретических перспектив, более адекватных наступившей эпохе постмодерна.

Многообразие подходов к изучению преступности не исчерпано. Усложнение этиологии преступного поведения в постиндустриальном, постмодернистском мире требует новых подходов, нового понятийного аппарата и новых теорий. Один из таких продуктивных подходов, сформировался на социологической почве. Исследователи именуют его — девиантологическим. Он состоит в том, что понятия «преступное поведение» и «преступность» органично вписываются в объем таких более общих терминов, как «девиантное поведение» как отдельный феномен и девиантность» как массовое социальное явление¹. Отсюда криминология выступает как наиболее развитая часть девиантологии — более общей науки о социальных отклонениях.

Включение преступности в девиантологический ракурс исследования позволяет увидеть ее естественные связи с другими проявлениями разрушительной для личности и общества негативной девиантности, таких как: алкоголизм, наркотизм, проституция, порнография, суициды, гемблинг, компьютерный эскапизм и другие. Девиантологическое изучение преступности позволяет анализировать не только взаимосвязи преступного поведения и других проявлений девиантности, но и наиболее общие причины, генезис и закономерности всех форм преступного поведения не только в правовом, но и более широком социальном контексте. Девиантологический подход позволяет интегрировать современные научные знания о био-психо-социальной природе преступности. На его основе можно более продуктивно осмыслить процессы конструирования и деконструирования норм уголовного права и преступности, криминализации и декриминализации в нормотворчестве, отправлении правосудия. Он имеет немалый эвристический потенциал для разработки и реализации мер превенции и репрессивного противодействия в системе институтов формального социального контроля и исправления преступников в пенитенциарной системе.

---

¹ Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 20.

2.3. Преступность: девиантологическая интерпретация и свойства

С одной стороны, преступность, как форма девиантности, — наиболее изученный социальный феномен. Это базовое понятие криминологии и девиантологии. С другой стороны, со времени формирования Ч. Беккарией и И. Бентамом основ европейской криминологии и по сей день, в эпоху постмодерна стремительно меняется мир и научное знание, происходит расширение предмета криминологии, а термин «преступность» — все еще остается дискуссионным и не вполне определенным понятием.

Одни ученые исследуют и интерпретируют преступность в контексте дезорганизации общественной системы. Другие находят преступность функциональной в определенных социально приемлемых масштабах, что служит совершенствованию уголовного права, укреплению правопорядка и власти над ним определенных социальных групп. Третьи изучают преступность как результат дискурса, как языковой и социальный конструкт. Иные исследователи считают преступность следствием стигматизации и усиления репрессивных начал в системе социального контроля или интерпретируют преступность в контексте классового или политического конфликтов¹.

В первом советском учебнике по криминологии отмечается, что «преступность включает в себя всю совокупность конкретных преступлений, совершенных в определенный период времени в данном обществе, но не является простой суммой этих преступлений»². Понятие «преступность» криминологами советского периода чаще всего употреблялось в значении определенной статистической совокупности, когда речь шла о множестве преступлений. При этом в криминологических работах этого периода подчеркивается социальный характер преступности. Так, Н.Ф. Кузнецова писала в конце 60-х годов, что «преступность — это относительно массовое, исторически изменчивое, социальное, имеющее уголовно-правовой характер, явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем го-

---

¹ Криминология / под ред. Дж.Ф. Шелли / пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. С. 45.

² Криминология / под ред. А.А. Герцензона, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева. М., 1966. С. 55–57.

сударстве в определенный период времени»¹. Социологически ориентированный криминолог А.М. Яковлев еще в 70-е годы прошлого века указывает на то, что преступность как социальное явление «существует в обществе, благодаря обществу и в связи с условиями этого общества»². Позднее академик В.Н. Кудрявцев обращает внимание на то, что преступность включает в себя всю совокупность совершенных преступлений и наступивших общественно опасных результатов³.

В отечественной криминологической литературе (Б.В. Коробейников, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский и другие) долгие годы доминировало идеологически нагруженное понимание преступности как: «исторически проходящего социально-правового явления классового общества...». В политизированном толковании преступности тех лет проявлялось влияние советской эпохи, не допускавшей плюрализма мнений и заимствований из зарубежной криминологии как буржуазной лженауки.

В постсоветской России появляются идеологически нейтральные и более корректные определения преступности. В 1994 году в учебнике по криминологии под редакцией Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского уточняется, что «преступность — это исторически изменчивое, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой систему преступлений...»⁴. Криминология под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова преступность трактует как «отрицательное социально-правовое явление, существующее в человеческом обществе, имеющее свои закономерности, количественные и качественные характеристики, влекущие негативные для общества и людей последствия, и требующее специфических государственных и общественных мер контроля за ней»⁵. А.М. Яковлев приходит к вполне девиантологическому выводу о том, что преступность предстает как единство объективного (социальные действия, поведенческие акты) и субъективного (оценивающая деятельность законодателей, что находит отражение в уголовном законе) начал⁶.

---

¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1968. С. 173.

² Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М., 1971. С. 40.

³ Кудрявцев В.Н. Причины преступлений. М., 1976.

⁴ Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994. С. 63–65.

⁵ Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.А. Эминова. М., 1995. С. 22.

⁶ Яковлев А.М. Социология преступности. М., 2001.

Позднее А.И. Александров вопрошает: «Что такое преступность?» и дает ответ, видимо, под впечатлением событий лихих 90-х, когда многие люди просто прокормиться не могли, работая за мизерную зарплату, что «это массовое решение людьми своих проблем с нарушением уголовного запрета»¹. А.И. Долгова уточняет, что преступность это «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета»². Как видим, в работах криминологов 90-х годов общим местом является указание на то, что преступность определяется легалистски, исходя из нарушения уголовного запрета (закона).

Представители ленинградской — санкт-петербургской криминологической школы дают более социологичные определения преступности как свойства общества. Например, в понимании Л.И. Спиридонова «преступность — это момент, состояние социального организма.... Преступность как социальное явление представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма»³. С точки зрения Д.А. Шестакова, преступность — «свойство общества воспроизводить множество опасных для человека деяний, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов»⁴.

Обзор различных интерпретаций преступности позволяет сделать вывод, что чаще всего исследователи опираются в своих определениях, в оценке Я.И. Гилинского, на разноплановые критерии, которые конструируются по разным основаниям: «1) общественной опасности, реального вреда и 2) предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* – нет преступлений без указания о том в законе)⁵. С одной стороны, это объективный вред, реальные

---

¹ Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. М., 2003. С. 179.

² Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 7.

³ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 35-36.

⁴ Шестаков Д.А. Криминология: учебник для вузов. СПб., 2006. С. 136.

⁵ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 36.

последствия от преступности и, с другой, криминализация деяния в законе, который отражает субъективное решение законодателя, что считать, а что не считать преступным.

Зарубежные исследователи преступности также подчеркивают многозначность этого понятия. Явную девиантологическую трактовку преступному поведению дает Джон Хаген (1985), определяя преступление как «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом»¹. Джон Конклин (1992) рассматривает генезис неформальных социальных норм, их превращение в юридические нормы, а преступление трактует как акт девиации, который «нарушает уголовное право, что наказывается государством»². Матти Лайне (1994) также рассматривает преступление девиантологически как вид отклонения. С его точки зрения, это «умышленное действие, которое по уголовному или другому законодательству является наказуемым и дает государству право наказания»³. Неомарксист Р. Куинни (1970), подчеркивая идеологический контекст, считает, что «преступление как правовое определение человеческого поведения создается агентами господствующего класса в политически организованном обществе». Преступление — это «использование накопленных и доступных альтернативных стратегий поведения для удовлетворения потребности в собственности, власти, сексе или престиже» — отмечают Айнштадтер и Хенри (1995)⁴.

В постмодернистской перспективе анализа криминальный акт рассматривается как социальный конструкт, рекурсивная продукция, созданная в ходе социального процесса, в который вовлечен преступник, его жертва и общество. Преступность — интегральная часть общества, вызванная социальной структурой и идеологией, разделяющими отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии⁵.

---

¹ Hagan J. *Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control*. N.Y., 1985. P. 49.

² Conklin John E. *Criminology*. 4 edition. N.Y., 1992. P. 5–6.

³ Лайне М. *Криминология и социология отклоненного поведения* / пер. с фин. Хельсинки, 1994. С. 19–20.

⁴ Barak G. *Integrating criminologies*. Allyn and Bacon. 1998. P. 171–180.

⁵ *Ibidem*. P. 216–232.

Ф. Шмаллегер в книге «Криминология сегодня» (1999) перечисляет различные трактовки преступления в англоязычной литературе в зависимости от избранного «профессионального» подхода. Он выделяет: юридическое (легалистское) толкование — «преступление есть нарушение закона»; политическое — «преступления суть акты, воспринимаемые властью как прямая или косвенная угроза ее интересам»; социологическое — «преступление есть такой антисоциальный акт, который естественно вызывает репрессию или предполагает необходимость защиты существующей социальной системы»; психологическое — «преступление есть форма социального неумения приспособиться к окружающей среде, которое может быть определено как более или менее резко выраженные затруднения, которые индивид испытывает при реагировании на влияние/стимулы своего окружения»¹.

Г. Барак, далеко выходя за рамки традиционного юридического подхода, еще более выпукло подчеркивает многозначность термина «преступление» с учетом постмодернистских интерпретаций в работе «Интегративная криминология» (1998). С его точки зрения, преступление может интерпретироваться очень широко, как: «форма нормального поведения нарушение поведенческих норм; нарушение уголовного закона; форма девиантного поведения; поведение, определяемое законом; всеми осуждаемое поведение; нарушение прав человека; социальный вред; форма неравенства; ограничение возможности инакодействия; историческое изобретение; социальный конструктор»².

Как видим, ни отечественные, ни зарубежные криминологи и по сей день не выработали «правильного» определения преступности как главного предмета своих исследований. И это не случайно, поскольку преступность — вид негативной девиантности, сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ. С одной, объективной стороны — это социальная проблема, социальная практика, реальность с онтологически опасными последствиями, а, с другой, субъективной стороны — это социальная конструкция, определяемая по воле господствующих политических сил законодателем в процессе правотворчества.

---

¹ Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey, 1999. P. 30–40.

² Barak G. Integrating criminologies. Allyn and Bacon. 1998. P. 12–17.

Я.И. Гишинский, опираясь на мировой и отечественный опыт, девиантологически определяет преступность как «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемое законодателем в уголовном законе»¹.

Девиантологический взгляд на преступность открывает перспективу выявления новых признаков этого социального феномена.

Свойства преступности. Преступность как форма негативной девиантности сохраняет все свойства, присущие девиантному поведению. Среди них:

1. *Релятивность (относительность).* То, что еще «вчера» в советскую эпоху определялось в УК РСФСР как преступление, например, бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни (ст. 209) в современной России декриминализовано. С другой стороны, лжепредпринимательство (ст. 173) и фиктивное банкротство (ст. 197) УК РФ определялись как преступные деяния, в УК РСФСР этих составов просто не было.

2. *Конвенциональность.* Так, к примеру, в одних штатах США законодатели «договорились» и закрепили в законодательстве запрет на продажу огнестрельного оружия, в других же такое соглашение не состоялось, поэтому нет и соответствующей прогибиционистской нормы.

3. *Сконструированность.* Преступность политически и исторически обусловленный социальный конструкт. Криминологи конструктивисты и постмодернисты (Л. Хулсман, Н. Хесс, С. Шерер, Д. Гордон и др.) определяют преступность как социальную конструкцию, а не онтологическую реальность. Они рассматривают ее как продукт криминальной политики, поскольку криминализация деяний в законе один из способов искусственного социального конструирования — приписывания поступкам определенных значений. Так, Л. Хулсман пишет, что «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»². Я.И. Гишинский в своих работах часто приводит дока-

---

¹ Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 45.

² Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. № 10. P. 63–80.

зательный пример относительно этого положения на примере убийства. По сути, убийство — это насильственное лишение жизни человека, но на войне в отношении врага этот акт конструируется как проявление доблести, героизма, в случае необходимой обороны он определяется как не преступное деяние. В мирной жизни «умышленное причинение смерти другому человеку» — есть убийство, тяжкое преступление (ст. 105 КУК РФ).

4. *Функциональность*. Преступность необходима, — писал Э. Дюркгейм, — она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции права и морали¹. Преступность институализирована и выполняет ряд социальных функций. Так, ее наличие служит поддержанию (сохранению) властных отношений; социальной адаптации, удовлетворению ряда потребностей в богатстве и собственности.

5. *Массовость*. Преступность как социальный феномен чрезвычайно распространена. Наблюдается абсолютный и относительный рост преступности как регистрируемой, так, особенно, латентной ее части, на это справедливо обращает внимание В.Н. Кудрявцев². В глобальном мире преступность имеет характер глобальной проблемы.

6. *Иррегулярность*. Преступность отличается неопределенностью, непредсказуемостью. Преступления совершаются хаотично, независимо друг от друга.

7. *Изменчивость*. Это свойство определяется тем, что преступность реагирует и адаптируется к историческим и социальным изменениям.

8. *Относительная статистическая устойчивость*. К перечисленным выше свойствам Я.И. Гилинский относит способность преступности меняться плавно и закономерно³.

Преступность как социальный феномен и социальная конструкция специфична для каждого общества, культуры и может

---

¹ Дюркгейм Э. Норма и патология // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 86.

² Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003. С. 12–14.

³ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 46.

существенно меняться в ходе смены исторических эпох. В среде современной политической элиты и среднего класса имеет место распространение «беловоротничковая преступность». В мире ультрасовременного капитализма, где во все сферы социальной жизни проникают новые информационные технологии и Интернет, никто не застрахован от киберпреступности. Культурой обусловлены не только характер и способы совершения преступлений, но и применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание. Так, никому в голову не придет в современных развитых странах применять публичную казнь, способом колесования и сожжением, как это было принято в средние века.

2.4. «Моральная статистика» и измерение преступности

Эмпирическое измерение преступности стало возможным благодаря развитию «моральной статистики». Из письменных источников известно, что еще в эпоху эллинизма периодически составлялись данные о населении. Переписи населения в пятилетний период проводились в древнем Риме¹. Сбор статистических данных в том или ином виде осуществлялся на всем протяжении истории человечества. Однако научные выводы о социальных явлениях и процессах, основанные на статистике народонаселения, ученые стали делать лишь в последние 220 лет. Так, в 1798 году английский экономист Томас Мальтус опубликовал очерк «Основы народонаселения и их влияние на будущее улучшение общества», в котором рассчитал по статданным тенденцию постоянного роста численности людей на Земле, что приведет к уменьшению необходимых ресурсов, особенно продуктов питания. Отсюда в будущем неизбежны будут конфликты, преступления и голод по всему миру.

Под влиянием Мальтуса ученые и практики в Европе начали сбор «моральной статистики» для измерения уровня преступности и конфликтов в различных сообществах, в разные периоды времени. Первые статистические данные об уровне преступности появились во французской газете «Compte generale» в 1825 году, а затем в лондонском периодическом издании «Gazette» в 1828.

---

¹ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction .2nd ed. New Jersey, 1999. P. 48.

Одним из первых использовал криминальную статистику Андре Мишель Герри, который подсчитал уровень преступлений на душу населения по всем провинциям Франции. Герри обнаружил, что с 1825 по 1830 годы на севере Франции совершались в основном имущественные преступления, а на юге — преступления против личности. По мнению исследователя, подобные различия в структуре преступности могли быть вызваны такими объективными социальными причинами, как неодинаковая плотность населения, различный жизненный уровень людей, отличающиеся у различных категорий французов качество образования и воспитания.

Вскоре взаимосвязи между различными видами преступлений и экономическими условиями стали рассчитывать и другие ученые. Так, на основании изучения английских статистических данных за период с 1810 по 1847 годы Джозеф Флетчер пришел к выводу, что случаи тюремного заключения увеличиваются с повышением цен на пшеницу. Немецкий автор Георг фон Меер за период с 1836 по 1861 годы обнаружил, что уровень краж в Баварии увеличивается с ростом цен на рожь¹. Статистические наблюдения, сравнение данных «моральной статистики» по картам или диаграммам в рамках позитивистского подхода получило название статистического, или картографического метода.

В 1835 году бельгийский математик Ламбер Адольф Жак Кетле (1796–1864 гг.), который по праву считается и социологом-позитивистом и криминологом, впервые опубликовал всесторонний статистический анализ преступлений в ряде европейских стран, включая Бельгию, Францию и Голландию. Кетле обратил внимание на зависимость уровня преступности от климата, половой принадлежности и возраста. Он заметил, что количество совершаемых преступлений меняется в зависимости от времен года. Так, в летние месяцы растет доля насильственных преступлений. Количество краж имущества возрастает в зимний период. Кетле назвал эту зависимость «тепловым законом».

Проводя свои статистические наблюдения за различными социальными явлениями и процессами, независимо от Огюста Конта, Кетле формировал основы позитивистской социологии. Одна из его заслуг состоит в том, что он стал разработчиком первой соци-

---

¹ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction . 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 49.

ологической теории преступности на основе данных «моральной статистики». Географические обзоры совершенных преступлений позволили Кетле выдвинуть гипотезу о том, что концентрация преступности может находиться во взаимосвязи с «моральным климатом» отдельного региона, что и легло в основу его теории. Используя данные, полученных с помощью статистического метода, он вводит понятие «среднего человека», рассматривает феномен преступного поведения социологически: не с позиций индивида, его патологий, а в рамках социоцентризма.

А. Кетле обнаружил, что число совершаемых преступлений и девиантных проступков из года в год на определенной территории остается почти неизменным. В целом стабильна и структура преступности. Статистически аргументированные и доказательные социологические выводы Кетле привели его к убеждению, что преступления не являются механической суммой произвольных «свободных» деяний, а представляют собой нечто социальное целое, подчиненное определенным, объективным законам. В фундаментальной работе «Социальная система и законы, ею управляющие», вышедшей в 1848 году, Кетле убедительно доказывает, что в мире, где многие упорно видят хаос, существуют всемогущие и неизменные законы, что практически все социальные явления взаимосвязаны, причем одни факторы обуславливают другие.

Стремление Кетле к объективному знанию было замечательно еще и потому, что он одним из первых на основе статистических наблюдений сделал весьма радикальное для своего времени обобщение о тщетности избавления от преступности с помощью мер строгого наказания — репрессии. По его мнению, необходимо исследовать и выявлять объективные законы развития преступности и лишь на этой основе, реформируя социальную систему, добиваться благоприятных для общества перемен.

Э. Дюркгейм, М. Гернет придавали большое значение качественному сбору и осмыслению «моральной статистики». Социологи Первой Чикагской школы и многие другие исследователи изучая преступность, широко пользовались статистическим методом.

В настоящее время для статистического измерения преступности используется ряд основных индикаторов (показателей): объем преступности, уровень преступности, структура преступности, динамика преступности.

1. Объем преступности — абсолютное количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени. Например, по данным ГИАЦ МВД России, объем зарегистрированной преступности в стране в 2000 г. составил 2 952 367 преступлений, в 2011 году — 2 404 807, в 2017 — 2058476. При этом заявлений о преступлениях, административно-правовых нарушениях и происшествиях фиксируется более 29 миллионов.

2. Уровень преступности — количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени, в расчете на какое-либо количество жителей этой же территории (обычно — в расчете на 100 тыс. человек, хотя возможен расчет и на 10 тыс., и на 1000 человек).

3. Структура преступности — внутренний состав преступности по видам преступлений. В 2011 году краж в России было зарегистрировано 43,2% от всех преступлений; разбоев и грабежей — 6,1%; тяжких преступлений против личности — 2,4%. В 2017 году краж зафиксировано 38,3%; разбоев и грабежей — 3,2%; тяжких преступлений против личности — 1,8%. Эти пропорции, как и во времена А. Кетле, отличаются относительной стабильностью. Доля каждого структурного элемента преступности исчисляется в процентах и обычно называется удельным весом. Так, в приведенном примере удельный вес краж составляет 43,2%.

4. Динамика преступности — изменение вышеназванных показателей (объема, уровня, структуры) во времени. Например, динамика уровня преступности (на 100 тыс. человек населения) в России с 1999 по 2017 г. следующая (см. табл. 1):

Таблица 1

1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
2051,4	2028,3	2045,6	1760,5	1926,2	2007,2	2477,6	2700,7	2519,0	2260,0
2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
2110,0	1852,0	1683,3	1609,3	1539,1	1507,9	1633,0	1476,8	1402,2	

Помимо основных статистических показателей применяются и другие количественные индикаторы преступности и ее отдельных видов, лиц совершивших преступления. Среди них: индекс судимости (число лиц, осужденных к уголовным наказаниям по вступив-

шим в законную силу приговорам, на определенной территории за определенный промежуток времени в расчете на 100 тыс. жителей); индекс латентности преступности (отношение незарегистрированного объема преступности к зарегистрированной ее части); коэффициент криминальной активности (отношение определенной социально-демографической группы населения в числе лиц, совершивших преступления, к доле этой же группы в населении); уровень раскрываемости преступлений (отношение раскрытых преступлений к зарегистрированным); уровень виктимности (отношение доли определенной социально-демографической группы населения в числе жертв преступлений к доле этой группы в населении) и другие, а также интегративные показатели, учитывающие одновременно количество преступлений, их тяжесть и другие характеристики.

Весьма перспективным в эмпирическом анализе показателей преступности и девиантности является использование возможностей методов математической статистики и теории вероятностей. Так, в современном поляризованном «новом мире», разделенном на бедных и богатых, на «исключенных» и «включенных» весьма важно оценить корреляционную связь между степенью социального и экономического неравенства по специальным индексам (коэффициент дифференциации, коэффициент концентрации доходов — индекс Джини) и показателями насильственной преступности. Коэффициент дифференциации — это соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения. Коэффициент Джинни показывает степень неравенства в распределении доходов населения.

В работах И.С. Скифского, С.Г. Олькова с использованием математических методов убедительно доказано, что экономическая дифференциация населения в современной России ведет к росту преступности, особенно насильственной, самоубийств и других проявлений негативной девиантности. По официальным данным в 2005 году за чертой бедности в стране находилось 30,9% населения. Индекс Джинни в начале нынешнего столетия в России составлял 0,45, как в Боливии, Иране, Камеруне. Для примера в благополучной Европе он существенно ниже: в Бельгии — 0,25, Германии — 0,28, соответственно и заметно меньше показатели насильственной преступности в этих странах.

В трудах С.Г. Олькова заложены основы теории многомерных оценочных пространств, выстроены математические модели поли-

тических режимов и различных видов юридической ответственности. Криминологом установлены ряды статистических тенденций и закономерностей конкретных структурных составляющих преступности, выявлены закономерности ее распределения в современном мире и России, описаны концентрация и дифференциация преступности, что отражено в основательных работах «Юридический анализ: исследовательская юриспруденция» (2003), «Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии» (2006), «Аналитическая криминология» (2007).

Традиционное изучение преступности статистическим методом в современных условиях дополняется методом формализованного опроса, что позволяет накопить не только официальные статданные о преступности, но и систематизировать «субъективную» статистику преступности со слов жертв преступлений. Для этого разрабатываются специальные индикаторы, которые позволяют уточнить с учетом латентной составляющей объем, уровень, структуру и динамику преступности, а также другие характеристики криминального поведения и других проявлений негативной девиантности на определенной территории за определенный период времени.

2.5. Криминал: проблемы эмпирической оценки

Изучение криминальных проблем, преступности в целом и во всех ее проявлениях, равно как любых иных проявлений девиантности, требует тщательной разработки и использования эмпирических индикаторов (показателей), описывающих этот феномен. Качественно-количественная оценка преступности — одна из главных задач криминологии. В чем состоят проблемы эмпирической оценки преступности? Следует выделить следующие аспекты этого вопроса.

Во-первых. Уголовное законодательство большинства современных государств, Россия не исключение, выстроено таким образом, что очень многие деяния и не только общественно опасные криминализованы. Какая-то часть из них под влиянием текущих политических и экономических изменений реконструируется или декриминализуется полностью. И, тем не менее, практически все или почти все взрослые граждане в течение жизни совершают проступки пусть незначительные, но такие, что в рамках уголовного кодекса их вполне можно квалифицировать как преступления. При этом далеко не все «преступники» бывают уличены в содеянном. Это состояние за-

конодательства определяется как *избыточность уголовного закона*. Полицией регистрируется за отчетный период времени лишь меньшая часть всех совершаемых преступлений на определенной территории. Незарегистрированные преступления составляют латентную преступность.

Во-вторых. Зарегистрированная (учтенная) преступность не вполне представительна для всей совокупности преступлений. Потерпевшие не всегда подают заявления о совершенных против них преступлениях. Многое зависит от характера деликта: полиции редко становятся известны факты изнасилования или сексуальных домогательств, физического насилия и побоев в семье или в иных бытовых условиях, коррупции, мошенничества, рэкета, преступлений против природы. Весьма латентны правонарушения, связанные с производством и реализацией фальсифицированных товаров и услуг.

В-третьих. Селективность (избирательность) полиции и уголовной юстиции при выявлении, регистрации и раскрытии преступлений. На этот аспект проблемы обращают внимание многие криминологи, особенно неомарксистской и постмодернистской ориентации (Р. Куинни, Ф. Зак, Я. Гишинский и др.). Полицейские силы больше внимания уделяют учету и раскрытию традиционных «общеуголовных» преступлений и меньше выявляют деликты в области «респектабельной» преступности «белых воротничков» и элиты.

В-четвертых. Уголовное право, выражая национально-культурное своеобразие тех или иных стран, по-разному квалифицирует криминальные деяния. Так, в США, по данным Джона Конклина (1992), уголовное законодательство фиксирует четыре главных вида преступлений:

1) Традиционные преступления

а. насильственные преступления

– убийство;

– изнасилование;

– грабеж;

– нападение;

б. преступления против собственности

– взлом;

– хищение имущества;

– угон автотранспортных средств;

– мошенничество;

- поджог;
- вандализм
- 2) «Беловоротничковая» преступность
- 3) Организованная преступность
- 4) Преступления без жертв
  - а. незаконное использование наркотиков;
  - б. азартные игры;
  - в. проституция;
  - г. порнография¹.

Большинство американских криминологов придерживаются этой стандартизированной типологии преступлений. В официальных данных полиции и ФБР зарегистрированные преступления агрегируются по признакам опасности и распространенности, образуя «индексные преступления».

В современной российской криминологической литературе и уголовном праве также выделяются насильственные преступления — криминальное насилие (преступления против личности) и преступления против собственности (корыстные преступления)². При этом структура преступлений против личности и корыстных преступлений в США и России заметно различается в силу существенных различий правовых конструкций в уголовном законодательстве этих стран.

Типологии преступлений российскими криминологами выстраиваются по различным основаниям: по уголовно-правовому критерию — убийства (умышленные, неосторожные); по субъектному признаку (пол: мужская женская преступность; возраст: преступность несовершеннолетних, молодежи, лиц зрелого возраста и т.п.); по признаку сферы жизнедеятельности (политические, экономические преступления); по основанию «мотивация» (корыстные и насильственные преступления)³.

Обращает на себя внимание типологизация Я.И. Гилинского, в рамках которой криминологическому анализу, наряду с традиционными насильственными и корыстными преступлениями, подверга-

---

¹ Conklin John E. Criminology. 4 edition N.Y., 1992. P. 29.

² Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С.201–262.

³ Криминология / под общей ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 438.

ются преступления, составившие топ-лист наиболее злободневных социальных проблем в современной России и мире. Это организованная преступность; преступность «белых воротничков»; профессиональная преступность; подростково-молодежная преступность; преступления, связанные с наркотиками, а также компьютерные преступления в ряду других типов делинквентности¹. Я.И. Гилинский выделяет такие относительно новые формы насильственной преступности как «преступления ненависти» (hate crimes) по мотивам национальной, расовой, религиозной вражды, ксенофобии, которые в «новом мире» приобрели характер вездесущей и острой социальной проблемы. В России наблюдается рост таких преступлений, особенно в последние полтора десятилетия. Он также обращает внимание на возрождение в глобальном масштабе такой криминальной проблемы как торговля людьми («human trafficking»), особенно женщинами и детьми.

Не вдаваясь в подробности традиционных проявлений преступности, охарактеризуем более подробно так называемую «беловоротничковую преступность» и ее специфические проявления. Преступность «белых воротничков» распространена повсеместно, во всех странах. Однако проблематика должностных преступлений и коррупции чрезвычайно актуальна для современной России. Преступность «белых воротничков» весьма характерна российским чиновникам от рядовых клерков, градоначальников, глав регионов до федеральных министров.

В зарубежной криминологии теория должностных преступлений стала развиваться в работах Эдвина Сатерленда. В 1939 году он обосновал основные положения выдвинутой им гипотезы о существовании в современном деловом мире такого явления, как «преступность белых воротничков». В условиях постмодерна во всех развитых и тем более развивающихся странах фиксируется рост «преступности белых воротничков», как неотъемлемого элемента государственной управленческой машины.

Однако в криминологических работах даются различные определения данного общественного явления, зачастую резко контрастирующие друг с другом. Так, Джеймс Колеман определяет «беловоротничковую» преступность как «нарушение закона, совершенное лицом или группой лиц в процессе выполнения законной профес-

---

¹ Гилинский Я.И. Указ.раб. С. 263–279.

сиональной деятельности или финансовой активности»¹. В более поздней работе Френка Шмаллегера, под проявлением «беловоротничковой преступности» понимается любой незаконный акт, совершенный respectable лицом с высоким социальным статусом, обладающим широкими должностными полномочиями и наказуемый уголовной санкцией»².

Главным аспектом данного определения считается то, что высоко статусное должностное преступление должно быть уголовно наказуемо. Другой вывод, вытекающий из данного определения, состоит в том, что должностные преступления совершаются в процессе осуществления законной деятельности по исполнению возложенных корпорацией или государством обязанностей. Некоторые криминологи рассматривают случаи должностных преступлений не только высокопоставленных лиц, но и клерков сравнительно низкого социального статуса, таких как банковские кассиры и государственные служащие в аппарате управления. Чаще всего к ним относят: растрату средств, доверенных должностному лицу; укрывание доходов; ложную рекламу; тайный сговор, направленный на установление единых цен и раздел рынка сбыта; биржевое и страховое мошенничество; противозаконная посредническая деятельность и др. Присвоение или растрата средств, вверяемых наемному работнику, могут быть направлены и против государства, и против фирмы. Укрывание доходов (с целью выплаты меньшего количества налогов) частной фирмы или кампании тоже может рассматриваться как одна из разновидностей должностных преступлений. Все они по-разному определяются в уголовных кодексах, а резонанс в обществе имеют огромный, поскольку должностные преступления могут повлечь потерю денежных средств у большого количества ни в чем не повинных людей (например, у обладателей банковских депозитов или дольщиков при строительстве жилья).

Преступность белых воротничков многолика и не укладывается в какой-либо раздел Уголовного кодекса РФ. При всех различиях составов преступлений этого типа, например, против личности — неоказание помощи больному, против конституционных прав и

---

¹ Coleman J. The Criminal Elite: The sociology of White Collar Crime. N.Y., 1985. P. 5.

² Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey, 1999. P. 393.

свобод, против природной среды и экологии их объединяет с преступлениями в сфере экономики и против государственной власти, интересов службы субъект. Этот субъект, как правило, чиновник — «белый воротничок», исполняющий свои должностные обязанности. Преступность «белых воротничков по российскому УК объединяет экономическую преступность, должностную преступность, политическую преступность¹.

Преступность белых воротничков во всех своих проявлениях и, прежде всего, в форме коррупции представляет собой одну из самых сложных проблем современной России. Как видим, на примере преступности «белых воротничков» в США и России ее проявления конструируются различно. При этом опасность этого вида криминальной активности чрезвычайно велика как для развитого, так и развивающегося социумов.

Таким образом, не только в разных странах, но и в субъектах одного государства в разные периоды времени криминологи, законодатели и полицейские могут по-разному конструировать и детализировать в качестве преступных различные деяния. Отсюда возникают определенные терминологические и методологические проблемы при изучении и сопоставлении данных о преступности.

В-пятых. В мировой практике сложились и «работают» достаточно эффективные системы эмпирической оценки преступности. Одна из наиболее развитых систем учета, изучения преступности и других проявлений девиантности сложилась в Соединенных Штатах. Она реализует комбинацию исследовательских стратегий, которые позволяют на основе нескольких дополнительных друг по отношению к другу систем учета совершенных преступлений получить максимально полную картину преступности с учетом ее латентной составляющей. В нее входит официальная полицейская (прокурорская, судебная) статистика. Система эмпирической оценки преступности формируется по разным критериям: по числу возбужденных уголовных дел, по числу арестов подозреваемых, по числу зарегистрированных преступлений.

В США программа единых отчетов о преступности Uniform Crime Reporting стартовала 1929 году. Ее целью было получение более на-

---

¹ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 295.

дежных и соизмеримых данных о преступности, поскольку до этого момента в разных штатах и даже в различных правоохранительных органах в пределах одного штата определения одних и тех же преступлений имели различия. Терминологические разночтения были основным препятствием для получения единых обобщенных статистических данных о преступности.

Для повышения сопоставимости данных уголовной статистики в рамках ЕОП были разработаны и введены единые операциональные определения преступности и ее составляющих. Все преступления были разделены на две группы. В первую относят не все зарегистрированные преступления, а лишь наиболее опасные/распространенные, иначе говоря «индексные преступления». По данным Френка Шмаллегера, полиция и ФБР в США фиксируют в рамках отчетов UCR (часть 1) такие «индексные преступления» против личности как: убийство, изнасилование, грабеж, нападение при отягчающих обстоятельствах, а также преступления против собственности: берглери (незаконное проникновение в здание или жилище с криминальными целями), кражи, автоугоны, поджоги. В США за 1996 год зафиксировано 13.562.500 «индексных преступлений». По данным UCR, в стране совершаются: каждые 27 минут убийство, каждые 6 минут изнасилование, каждые 59 секунд грабеж, каждые 30 секунд нападение, каждые 13 секунд незаконное проникновение в жилище (берглери), каждые 4 секунды кража, каждые 23 секунды угон автомобиля¹.

Индексные преступления — отличный материал для сравнительных криминологических исследований.

Ко второй группе отчета UCR (часть 2) относятся данные о менее опасных, но не менее многочисленных девиациях различной юрисдикции, о которых жертвы преступлений обычно не сообщают. Среди них по итогам 1996 года выделяют: простое нападение (1.329.000), подделка (121.600), мошенничество (456.000), растрата (15.700), присвоение украденной собственности (151.100), вандализм (320.900), незаконное ношение оружия (216.200), проституция и связанные с нею правонарушения (99.000), сексуальные преступления — изнасилование и другие формы сексуального насилия (95800), наркопреступления и другие нарушения закона о наркоти-

---

¹ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 51.

ческих средствах (1.506.200), гемблинг (21.000), семейные правонарушения (149.800), вождение автомобиля под влиянием (алкоголя, наркотиков) (1.467.300), нарушения алкогольного законодательства (677.400), пьянство в общественном месте (718.700), нарушение общественного порядка (842.600), бродяжничество (27.800), нарушения комендантского часа (185.100), бегство из дому (195.700), все другие нарушения законов штатов и местных законов (3.743.200). Сумма всех перечисленных выше проявлений преступности и девиантности составляет 8.606.900 единиц.

Будет ли криминальное происшествие зафиксировано в статистических отчетах, как преступление, зависит от ряда важных обстоятельств. Это и вопросы определения деликта, квалификации его опасности, и влияние субъективного фактора со стороны потерпевшего (величина ущерба), и воздействие фактора собственно полицейской деятельности (внесение криминального происшествия в отчет нередко зависит только от усмотрения полисмена). Нельзя не учитывать и влияние политических условий. Органы правопорядка в любой стране существуют в определенном социально-политическом окружении. Число указанных в статистических сводках правонарушений может быть воспринято и как показатель эффективности антикриминальных мер, и как признак того, что органы правопорядка не контролируют проблему преступности. В США, как и других странах с демократической политической системой, выделение дополнительных ассигнований на противодействие преступности зависит от того, насколько сильно общество озабочено этой проблемой. Ее артикуляция в общественном мнении и во власти опирается на данные уголовной статистики и опросов виктимизации.

Имеет значение и методологический фактор. Общее число преступлений определяется по специальным правилам подсчета и составления единых отчетов о преступности. Так, в отчет вносится только наиболее тяжкое преступление, имевшее место в ходе серии уголовно наказуемых событий. Тяжесть преступления определяется в соответствии с порядком их расположения в списке индексных преступлений. Например, злоумышленник проник в частный дом, похитил фотокамеру и, столкнувшись с хозяином дома, угрожал ему пистолетом, а потом украл его машину. Как видим, совершен целый ряд индексных правонарушений. Однако в отчет будет вне-

сено лишь наиболее серьезное из них — ограбление. Единственным исключением из этого правила является поджог. Это преступление учитывается независимо от того, какие еще правонарушения были совершены правонарушителем в указанный момент.

Официальные данные полицейских учетов не учитывают латентную составляющую преступности и поэтому отличаются существенной неполнотой. В США и других экономически развитых странах официальные статистические данные дополняются данными субъективной статистики, собранными в ходе виктимологических опросов населения. Виктимологические опросы или опросы жертв преступлений обычно реализуются в рамках общенациональных или региональных опросов общественного мнения. Респондент отвечает на группу вопросов относительно события преступления, его квалификации, времени и места совершения за определенный период, предшествующий исследованию обычно за год или полугодие/квартал.

В США результаты виктимологических опросов (National Crime Victimization Survey — NCVS) образуют второй по важности источник сведений о преступности, наряду с полицейской статистикой в рамках UCR.

Виктимологические опросы позволяют приблизить к реальности картину преступности по основным составам преступлений, сформировать более объективное представление и о тенденциях преступности. По методике исследования опросные данные подразделяют на два типа: сведения об уголовных преступлениях и жертвах преступлений. В первом случае фиксируется количество криминальных эпизодов. Во втором суммируется число людей, против которых были совершены преступления¹.

Для уточнения масштабов преступности в США используется еще один опросный метод — самообследование (Self-Report Survey — SRS). Он заключается в анонимном выборочном анкетировании населения по месту жительства с целью выяснить: совершал ли респондент уголовно наказуемые деяния за определенный период времени. Самообследование основано на самоанализе, на субъективной оценке криминальной действительности правонарушителем².

---

¹ Более подробно этот вопрос обсуждается в 5 главе.

² Schmallegger F. *Criminology Today: An Integrative Introduction*. New Jersey, 1999. P. 121.

Самообследования (самоотчеты) реализуются в ходе социологических опросов нарушителей правопорядка или представителей групп риска криминального поведения. Методологические основы самоотчетов были заложены в работах криминологов Дж.Ф. Шорта, Ф.И. Ная. Это альтернативная методика, не связанная с составлением единых отчетов о преступности или опросами жертв преступлений. Самоотчетам свойственны все сильные и слабые стороны, присущие опросным методикам.

Характерно, что самоотчеты правонарушителей, как правило, не ведутся по унифицированной анкете. Отсюда ее индикаторы остаются сильно варьируются. Кроме того, отмечаются существенные различия при описании объекта опроса и построении выборочной совокупности. Для оценки уровня делинквентности при заполнении анкеты респондентам предлагается заполнить контрольную таблицу форм делинквентного поведения. Исследователем обычно фиксируется гендерный, семейный, образовательный, социально-экономический статус респондента. Наряду с анкетным, опрос правонарушителей может проходить в формате интервью. В состав выборки обычно включают заключенных или лиц, фигурирующих в полицейских отчетах, а также учащихся старших классов, имевших проблемы с полицией. В этом состоит основное отличие самоотчетов от уголовной статистики и обзоров виктимизации.

Самоотчеты являются эффективным способом изучения этиологии совершения преступлений. Они позволяют исследователям получить подробную информацию о правонарушителях: не только зафиксировать их демографические данные, но и оценить особенности семейного воспитания респондентов, свойства личности, интересы, мотивацию к достижению успеха, отношение к соблюдению религиозных ритуалов.

В современных социологических исследованиях преступности на основе самоотчетов измеряются специальные криминологические индексы. Среди них следует выделить такие, как: *уровень инцидентности* преступлений (среднее число преступлений, приходящихся на одного человека, или число преступлений, приходящихся на некоторое количество населения) и *уровень распространенности* (доля респондентов, сообщивших об одном или более правонарушениях, относящихся к определенной категории за определенный промежуток времени)¹.

---

¹ Криминология / под ред. Дж.Ф. Шели; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. С. 117–119.

В-шестых. В зарубежных криминологических исследованиях наряду с официальной статистикой, регистрируемой по программам (UCR, NCVS, SRS) дополнительно используются различные исследовательские стратегии в рамках специальных эмпирических исследований преступности и девиантности. В их числе следует отметить стратегии, разработанные на основе сравнительного, исторического, биографического методов, когортного анализа, контент-анализ документов, экспериментов, прямого наблюдения, экспертных опросов, математического моделирования и непротиворечивой комбинации исследовательских методов и процедур¹.

Сравнительный и исторический методы позволяют исследовать генезис составов преступлений в различные периоды времени, сравнивать взаимосвязи преступности с такими факторами ее детерминации как уровень развития экономики, степень урбанизации, а также влияние процессов глобализации. Исторический метод дает возможность оценить то, как трансформировалась преступность, и какой была реакция на нее общества и государства в различные периоды времени в контексте социальных и политико-экономических изменений.

Биографический метод широко используется для исследования девиантных и криминальных карьер отдельных преступников. Когортный анализ применяется для изучения причин девиантного поведения, взаимосвязей ювенальной делинквентности и криминальных карьер. В последние годы в американской криминологии в связи с развитием интегративных подходов значительно чаще в различных вариантах используется методологическая триангуляция для сбора данных о преступности и девиантности.

В российской исследовательской практике при изучении преступности чаще всего используются подходы, основанные на использовании официальной криминальной статистики по линии МВД России, материалов уголовных дел, а также данных, полученных с помощью количественных (опрос, прямое наблюдение) и качественных (изучение случаев и девиантных карьер, фокус-группы, неформализованные интервью) социологических методов.

---

¹ Conklin John E. Criminology. 4 edition N.Y. 1992. P. 15–24.

2.6. Девиантность и киберпреступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма

Технологии меняют жизнь человечества не впервые. В XX веке потребовалось 50 лет, чтобы электричество стало доступным для 25% населения. Персональному компьютеру, чтобы войти в жизнь современного человека, понадобилось 16 лет, интернету – 7 лет, для социальных сетей этот срок укладывается в 5 лет — не более. Еще быстрее смартфоны потеснили мобильные телефоны, сочетая в себе достоинства повсеместно доступной сотовой связи с функционалом персонального компьютера на основе высокопроизводительной операционной системы и памяти, исчисляемой десятками и сотнями гигабайтов. Голосовая и видеосвязь, почта, новости, данные о погоде, фото- и видеокамера, обработка данных, интернет, сетевое общение в режиме онлайн в одном устройстве за несколько лет коренным образом изменили социум. Никогда еще процессы инновационных технологических изменений не развивались такими высокими темпами, как в начале третьего тысячелетия — периода в обществе постмодерна, который характеризуют как high-tech-эпоха.

По терминологии И. Масуды, в «информационном обществе» компьютерные способы обработки данных и их сетевого распространения приобрели качество ключевого ресурса эпохи, сравнимого с такими природными ресурсами, как нефть, газ, уголь, золото. Под воздействием высокотехнологических нововведений в обществе, культуре и социальной практике произошли и происходят стремительные, фундаментальные социальные изменения. В настоящее время за экспансией смартфонов и планшетов последовали разработки новых квантовых компьютеров, ДНК-компьютеров, нейронных сетей, искусственного интеллекта и чудес робототехники. Новым мировым трендом стало быстрое распространение технологии распределенного реестра или блокчейна (blockchain) для хранения и обработки данных. Эта технологическая инновация впервые была применена при реализации криптовалюты биткоин.

По прогнозам экспертов на Всемирном экономическом форуме 2018 года в Давосе, в ближайшие годы технология блокчейн станет «сердцем» будущей мировой финансовой системы. 80% банков активно ведут разработки своих онлайн-продуктов на базе

распределенного реестра. Пилотные проекты с использованием блокчейна разработаны ВЭБом и Сбербанком, запущены Минэкономразвития России в сфере госзакупок. Технологические решения на основе блокчейна разрабатываются и внедряются не только в кредитно-финансовой сфере, но и в госуправлении, страховании, транспортной логистике и в других областях, что сулит ряд новых и неизбежных социальных изменений. Нетрудно предположить, что и кибермошенники не дремлют и ищут пути проникновения в мир распределенных данных.

Человек в обществе постмодерна окружил себя высокотехнологичными «девайсами» и новыми технологиями обработки и хранения данных, изменил нормы и способы общения, производства и потребления. При этом существенно усилились новизна, динамизм, риски и неопределенность социальных изменений.

Как известно, американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер еще полвека назад в книге «Шок будущего» описал нарастающую скорость перемен в мире под все более усиливающимся давлением новых знаний, науки, техники, различного рода информации¹. Он предсказал рост психологических нагрузок — футурошок как утрату чувства реальности, умения адаптироваться и ориентироваться в жизни, вызванный страхом перед неопределенным грядущим.

Гипотезу Э. Тоффлера во многом подтвердило время, поскольку люди, чем дальше, тем больше испытывают фобии в «новом мире». Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, в странах Северной Америки и Европы каждый десятый житель сталкивался в 2014 году с диагностируемыми психическими отклонениями и заболеваниями такого рода («болезнями перемен»). В городах с населением более миллиона человек эта цифра достигла 30% против 10% в 80-е гг. прошлого века. В Соединенных Штатах, по данным американской психиатрической ассоциации, депрессией страдают 9% населения, а согласно оценкам ведущих центров изучения общественного мнения — от 20% до 25%. В России, согласно социологическим опросам, проведенным в 2015 году среди выпускников

---

¹ Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

высших учебных заведений в Москве и Санкт-Петербурге, более 40% респондентов испытывает страх перед будущим¹.

Редактор журнала Nature Клиффорд Линч в 2008 году ввел в научный оборот термин «big data» — «большие данные», характеризуя взрывной рост мировых объемов информации. Отсюда другой отличительной чертой футурошока являются нарастающие информационные перегрузки как состояние, при котором объем потенциально полезной и актуальной информации превышает возможность ее обработки средним человеком. Определение «информационная перегрузка» было впервые дано Дэвидом Боуденом в исследовании 2008 года на тему «Темная сторона информации: перегрузка, тревожность и другие парадоксы и патологии». Наглядным примером информационной перегрузки являются данные главы Alphabeth Эрика Шмидта, в соответствии с которыми от начала цивилизации и до 2003 года было создано около 5 экзабайт (5 000 000 000 Гб) информации. Сегодня же человечество продуцирует такой объем данных всего за 2 дня². При этом лавинообразное нарастание количества информации характеризует не только прогресс информационных технологий, но и рост психологических, когнитивных проблем человека как участника высокотехнологичных коммуникаций.

Есть и еще одно пока малозаметное измерение футурошока, которое вызвано настоящей и особенно грядущей массовой роботизацией рабочих мест. Автоматизацией охвачены любые производства и процессы, требующие выполнения одних и тех же рутинных операций. Еще вчера это были только конвейерные линии на автомобильном и иных сборочных производствах. Однако в настоящем почти половина всей торговли на мировой бирже — это сделки, которые совершаются между роботами. Такие крупные инвестиционные банки, как Goldman Sachs и Morgan Stanley, во многом уже заменили свои трейдинговые подразделения на роботов.

В высокотехнологичном мире происходит развитие sharing есопоту (модели, основанной на общем использовании товаров и услуг, аренде и бартере вместо владения) с помощью онлайн-платформ на основе Uber или Uber for X. Они получили широкое применение там, где людям нужна быстрая помощь с выполнением

---

¹ Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017. С. 19.

² Там же. С. 20.

определенных задач, за которые они не могут взяться сами, и где классические сервисные компании оказываются слишком неповоротливыми, чтобы быстро удовлетворить потребности клиентов. «Юберификация» оказалась весьма эффективной в приложениях Uber-такси, в логистике при доставке больших и мелких грузов и посылок. «Яндекс-такси» в России намерен выстроить на идее юберизации «персональный общественный транспорт» как альтернативу личному автомобилю, автобусам или метро.

Роботизация и развитие систем искусственного интеллекта активно проникают в транспортные перевозки. Например, Google ищет партнеров в автомобильной индустрии для совместной работы над беспилотным автомобилем, Toyota планирует, что ее собственная беспилотная модель будет ездить по дорогам уже к 2020 году. Не только мировые автогиганты, но и отечественные КаМАЗ и НАМИ уже тестируют автомобили-беспилотники. Вероятно, очень скоро отпадет надобность в профессии водителя.

Совсем недавно, по открытым данным интернет-источников, на одной из китайских фабрик в Дунгуане несколькими десятками роботов заменили 90% сотрудников. Мак-Кинзи — одна из самых крупных консалтинговых компаний в мире — подсчитала, что 45% своих работников в ближайшие 15–20 лет она сможет заменить системами искусственного интеллекта. По прогнозным оценкам специалистов, около 45% рабочих мест в США могут стать полностью автоматизированными. В Британии порядка четверти миллиона госслужащих в ближайшее время могут быть заменены интеллектуальными системами. Значительная доля людей трудоспособного возраста может выйти из состава рабочей силы в мировом масштабе благодаря росту массовой кибернетизации и роботизации.

В структуре российского рынка труда весомую часть занимают люди, занятые производственной или служебной рутинной работой. Это охранники, вахтеры, контролеры, сотрудники ОТК, водители и многие другие. Армия отечественных «синих воротничков» в 2–3 миллиона человек может в одночасье под давлением технологического прогресса остаться без работы. Риск безработицы очевиден и для представителей интеллектуальных профессий при неизбежном пришествии роботов. В Сбербанке робот уже пишет стандартные искивые заявления в суд о взыскании с должников задолженности по потребительским кредитам. Яндекс создал нейронную сеть, которая пи-

шет музыку. Поисковые системы, электронные платежи – это тоже обучаемые определенным алгоритмам интеллектуальные системы. Интернет-банкинг широко используется в мире и внедряется крупными кредитными организациями России, что быстро вытеснит с насиженных рабочих мест тех служащих, которых нелицеприятно характеризуют неологизмом «офисный планктон».

Эксперты подчеркивают, что граница между тем, что могут делать машины, и тем, что подвластно только людям, постепенно смещается. И если рутинные операции на рабочем месте подвергаются алгоритмизации и программированию, то очень скоро оно неизбежно будет замещено роботом. Вне всякого сомнения, что рутинная работа у роботов будет получаться значительно быстрее, лучше, дешевле, с полным исключением ошибок, вызванных «человеческим фактором».

Технологическая революция, информатизация, кибернетизация, интернетизация и роботизация социума эпохи постмодерна спровоцировали процесс его дальнейшей девиантизации. Инновации, увы, создают не только прогрессивные социальные изменения, порождая новый тип общества, культуры и уровень благосостояния, но и продуцируют технологически детерминированные формы фобий, девиантности и преступности¹.

В ускользающем настоящем быстро распространяются и начинают доминировать такие новые формы девиантного поведения, как киберпреступность, интернет-зависимость, смартфон-аддикция, шопинг-аддикция, кибербуллинг и другие отклонения.

Компьютерный век породил виртуальную реальность как симуляцию, как замещение реального мира в киберпространстве компьютерных сетей. Киберпространство постоянно заполняется всевозможными фантазийными мирами, которые затягивают не только детей и подростков, «подсевших» на компьютерные игры, но и вполне взрослых людей.

С распространением Интернета во всем мире глобальным явлением стал рост социальных сетей. Социальные сети стали формироваться как интерактивные многопользовательские веб-сайты,

---

¹ Панфилова Е.И., Попов А.Н. Компьютерные преступления. СПб., 1998. Комлев Ю.Ю. Преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник ВЭГУ. 2013, № 1. С. 33-38; Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь. («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017.

контент которых наполняется самими участниками виртуального общения¹. О признаках сети свидетельствует наличие блогов — интернет-дневников, где люди представляют себя, объединяются в сообщества по интересам. Более 30 процентов пользователей российского интернета сегодня имеют свои блоги. Рост числа сетевых пользователей происходит по экспоненте. Так, в марте 2007 года их было 500 млн, в октябре 2011 пользователей Facebook — уже около 1,5 млрд. Другим сетевым гигантом является сетевой ресурс Youtube. Количество страниц с видеозаписями только на этом ресурсе уже перевалило за 1 трлн. Ежемесячно этот сайт посещает около 450 млн пользователей. Согласно результатам мониторинга в открытых интернет-источниках, в мире насчитывается более 2,5 млрд аккаунтов в различных социальных сетях.

По данным компании World Wide Web Size, на 644 с лишним млн сайтов размещается более 8 млрд интернет-страниц, в том числе и создаваемых самими пользователями. В конце 2017 года общий объем информации в мировой сети составлял около 1,8 зеттабайта². В настоящее время социальными сетями пользуются 82% от всех интернет-пользователей.

Посещение социальных сетей — самая популярная в мире интернет-активность. Тревожным сигналом, по оценкам девиантологов, является рост интернет-зависимости среди юных пользователей. Так, 70% российских детей ежедневно заходят в интернет (около трети имеют свои профили), а 10% детей страдают выраженной интернет-зависимостью.

Многие аналитики считают, что именно в сетевом направлении интернет и будет развиваться в ближайшем будущем. Социальные сети — это новый глобальный технологический и культурный феномен high-tech эпохи. Высокий уровень сетевой экспансии отражает один из главных трендов глобальной сети — как только люди подключаются к интернету, они незамедлительно начинают сетевое общение.

За последние несколько лет количество часов, которое интернет-пользователи провели в социальных сетях, увеличилось втрое.

---

¹ Девиантность в обществе потребления: коллективная монография / под ред. Я.И. Гилянского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 278.

² Что такое WEB 2.0 [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.bistro-site.ru/articles/web2>

Использование сетевого общения стало самым массовым занятием интернет-аудитории. Увеличение времени на обращение к социальным сетям, произошло за счет уменьшения частоты обращений к электронной почте и мессенджерам.

Самой популярной в мире социальной сетью является Facebook. Ее посещают 55% интернет-пользователей. На конец 2011 года доля сетевой интернет-аудитории колеблется от 53% в Китае до 98% в США (в КНР выход в Facebook заблокирован властями). В 41 стране из 43 этот уровень превышает 85%. В России сетевой сегмент составляет 88%. Не менее популярным в последние годы становится использование микроблоговых платформ. Так, каждый десятый пользователь интернета имеет аккаунт в Twitter. Среди других быстро набирающих популярность микроблоговых платформ следует назвать китайскую SinaWeibo¹. Экспансия сетевого общения продолжает расти, вызывая массовую сетевую зависимость и интернет-аддикцию в целом.

Девиантологи обращают внимание на развитие новых девиантных практик, опосредованных технологиями. Это не только сетевая аддикция, но и компьютерный эскапизм. Если природа сетевой зависимости в интернет пространстве связана с дефицитом человеческого общения в современном урбанизированном мире, с его симуляцией технологическими средствами, то природа компьютерного эскапизма состоит в «бегстве от повседневной действительности». Компьютерные симуляции и Интернет предложили человеку новый способ ухода от действительности, не сопряженного ни с тяготами путешествий, ни с внутренней напряженностью религиозного опыта или медитации, ни даже с интенсивным эстетическим переживанием произведения искусства. Погружение эскейперов в виртуальный мир: это нередко бегство от неудач, скуки и «гнета повседневности», это и протест против запрограммированности и рутины повседневной жизни.

Виртуальный мир, создавая яркие и привлекательные образы и сильные ощущения, зачаровывает своих посетителей. К сожалению, некоторые эскейперы, погружаясь в виртуальное пространство, могут дойти до «точки невозврата», — такого момента, когда путь назад в обыденность, становится затруднительным или нежеланным,

---

¹ Социальные сети в 2011 году: исследование comScore [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.cossa.ru/articles/149/11382/>

а человек утрачивает способность различать между «первичной» и «виртуальной» реальностью. Виртуальная реальность Интернета на некоторых субъектов действует как наркотик, вызывая зависимость, которая получила название «синдром альтернативного мира». Как и любая другая аддикция, компьютерный эскапизм нередко приобретает патологические формы. В своем экстремальном выражении он может привести к изменению сознания, к заболеванию, к полному и окончательному уходу в форме суицида.

Исследования Бэйлорского университета показали, что у некоторых студентов формируются смартфон-аддикции. Они используют свой гламурный «чудо-телефон» от 8 до 10 часов в течение суток. В среднем около 94,6 минут уходят на набор текстовых сообщений, 48,5 минут на отправку и просмотр электронной почты, 38,6 минут на общение в социальных сетях, 34,4 минуты на посещение сайтов Интернета, 26,9 минут на прослушивание музыки. При этом 60% опрошенных студентов не скрывают, что зависимы от своих мобильных телефонов. Некоторые из них утверждают, что начинают переживать и волноваться, если не находят свой телефон в поле зрения. Некоторые приложения, например, Instagram и Pinterest, могут показать, насколько студент зависим от смартфона. При увеличении возможностей и функций мобильного телефона, зависимость к этому, казалось бы, незаменимому устройству становится все более реальной проблемой», — уверяет исследователь Джеймс Робертс¹. Смартфон-аддикция — это новый тип современной высокотехнологичной девиантности.

В киберпространстве Интернета, а затем и во всех остальных сферах деятельности (политике, экономике, сфере культуры, социализации и социального контроля), следуя логике виртуализации, происходит замещение социальных практик образами-симуляциями². Действительно, на современном рынке перед потребителем конкурируют бренды, а не реальные свойства товара; в политике потребитель политических услуг выбирает образ политика, а не его

---

¹ Студенты страдают зависимостью от смартфонов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.4pda.ru> Архив за 2014 год»8/31/173735

² Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000; Комлев Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 9-20; Иванов Д.В. Императив виртуализации: современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.

реальные качества и практики; в киберпространстве сети Интернет хакеры воруют не реальные банкноты, а их виртуальные аналоги. Девиантность и преступность перешагнули из социальной реальности в реальность виртуальную.

Как известно, радикальные изменения в технологиях, духовной и материальной культуре, образе жизни людей второй половины XX столетия в промышленно развитых странах позволили Дж. Гэлбрейту выделить в «новом индустриальном обществе» рост потребления как его базовую черту. Ж. Бодрийяр в работе «Общество потребления» (1970) постулировал новую роль потребления, которое охватывает все сферы жизни современного человека. Ж. Шор описала новый феномен сверхпотребления на этапе постмодерна в книге «Сверхрасходующие американцы» (1998). Массовое потребление товаров и услуг в постиндустриальном мире породило повседневную философию консьюмеризма как систему доминирующих идей и ценностей потребительского поведения. Однако эти перемены сформировали не только новые ценности и нормы потребления, но релятивизировали и транспонировали некоторые ценности индустриальной эпохи. В «обществе потребления» стало приветствоваться то, что осуждалось в пору индустриального капитализма.

В результате появилась еще одна новая форма негативной девиантности, связанная с гиперпотреблением — шопинг-аддикция. Шопингманы в определенные дни недели берут приступом гипермаркеты, ради товаров, продающихся по скидкам. С развитием информационных технологий гипертрофированное киберпотребление распространилось не только на информационно-телекоммуникационные услуги, но и сетевые товары. Многие люди проводят все свое свободное время в Интернет-магазинах ради поиска дешевых, как правило, модных (брендовых или гламурных), но не совсем нужных товаров. Кибершопинг-аддикция стала технологически возможной благодаря тому, что практически любой индивид имеет компьютер и не один, смартфон и постоянный доступ в Интернет. По оценке экономиста Д. Койл, доля высокотехнологичных сетевых товаров в общем объеме экономики постоянно растет, особенно в таких отраслях, как массовые коммуникации, сфера развлечения и финансов¹.

У. Бек (1986), описывая характеристики современного мира, вводит понятие «общество риска». У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман,

---

¹ Койл Д. Секс, наркотики и экономика, Нетрадиционное введение в экономику / пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 156.

С. Лаш, Б. Тернер обращают внимание на то, что рост благосостояния сопровождается напряжением и рисками на рынке труда (сокращаются рабочие места, необходимо постоянно менять профессии), в сфере экологии (загрязняется окружающая среда). Модернизация рассматривается не только как источник различных благ (богатства, плюрализма, либерализма и др.), но и как источник экологических, экономических, политических и иных рисков. В сфере девиантности размываются нормы, дифференцируются отклонения, растет преступность и армия девиантов. Причем в «обществе потребления» страховать от количественного и качественного возрастания рисков становится все сложнее. М. Фуко, анализируя роли дисциплинарных институтов (бюрократии, формального социального контроля) в постиндустриальном обществе, определяет его современное состояние как «дисциплинарное», где власть имущие поддерживают порядок с помощью институтов формального социального контроля и принуждения, «административного ресурса», в том числе над потоками информации.

Все эти перемены основательно отчуждают индивида от общества и государства, способствуя дальнейшей девиантизации и криминализации социума. Теоретики девиантности и социального контроля (Т. Матисен, Н. Кристи, Я. Гилинский и др.) поставили роковой диагноз дисциплинарному обществу массового потребления, обозначив его метафорой кризис «наказания» или полицейского контроля¹.

Современная Россия, как и другие страны, вошла в эру массовой информатизации. Российское общество, несмотря на кризисы, переживает потребительский бум, что еще 15-20 лет назад было трудно представить. По мысли Д.В. Иванова, вследствие развития феномена виртуализации в информационном обществе и сверхпотребления определенной его части на этапе постмодерна стал формироваться современный глэм-капитализм². Глэм-капиталисты не живут по заповедям индустриального общества. Они в каждом новом проекте капитализируют броские образы гламура, превращая их в новый технологичный источник баснословных доходов. Сверхновые буржуа

---

¹ Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013. С. 522–523.

² Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб: Петербургское востоковедение, 2008.

или «бобосы»), как только источник дохода теряет максимальную отдачу, тотчас переходят к другому перспективному глэм-проекту. Эти новые капиталисты как правообладатели изобретений, бизнес-идей, текстов, музыки, контролируя самые притягательные бренды, быстро сколачивают состояния. Их бизнес — создание продукта, привлекательного для лидеров консьюмеризма — шопингманов. Они ориентируются на «потогонное» потребление, а не на трудовую этику традиционных буржуа, описанную М. Вебером. Отсюда, глэм-капиталисты — лучше других занимаются «созидательным разрушением», ниспровергая социальные нормы индустриального общества. В современном постиндустриальном, потребительском, дисциплинарном, информационном обществе, переходящем, следуя логике сверхпотребления, информационно-технологического детерминизма и виртуализации, в глэм-капитализм, негативная девиантность в форме сетевой аддикции, компьютерного эскапизма, шопинг-аддикции и, особенно, киберпреступности стала не только трудно отличимой от нормативности, но и малоизученной и трудно контролируемой формой социального бытия.

Эпоха HIGH-TECH, консьюмеризма и глэм-капитализма постоянно синтезирует и воспроизводит новые технологически и культурно обусловленные практики социальных отклонений и деликтов. Неслучайно ряд зарубежных и отечественных девиантологов (С. Спитсер, Д. Доунс, П. Рок, Ф. Шмаллегер, Г. Барак, Я. Гилинский, Я. Костюковский, Ю. Комлев и др.) исследуют эти метаморфозы обращают внимание на масштабы и проблематику различных проявлений девиантности и преступности. Криминализация ряда деяний в России, связанных с правонарушениями в компьютерной сфере, произошла только с принятием УК РФ 1996 года (гл. 28). В 1997 году было зарегистрировано 33 преступления, а в 2005 — 10214, то есть их количество выросло в 310 раз¹.

Понятие «киберпреступность» как разновидность девиантности включает различные формы преступной активности не только в связи с использованием компьютеров или в «компьютерной сфере», но и деликты, совершаемые в киберпространстве, благодаря повсеместному использованию интернета, умных мобильных устройств

---

¹ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 376.

и новых технологий в повседневной жизни людей. Киберпреступность принимает много форм. Она включает: хищение идентификационных данных, интернет-мошенничество, нарушение законов об авторском праве, «взламывание» компьютерных систем, создание и распространение полиморфных вирусов и DDoS-атаки, распространение спама, фишинг, создание порнографических сайтов с сексуальным насилием против несовершеннолетних, киберсталкерство и кибербуллинг и другие.

Современные исследователи киберпреступности в рамках интегративного междисциплинарного подхода все больше концентрируются на изучении ряда новых проблем:

- использование инновационных технологий хранения данных в киберпространстве (например, при хищении криптовалюты);
- влияние распространения социальных сетей на киберпреступность;
- использование сетевого фактора в кибертерроризме;
- изучение поведения жертв и преступников в киберпространстве;
- разработка политики и инструментов по обеспечению кибербезопасности;
- защита инфраструктуры от киберпреступности¹.

Незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного преступника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений — 4%. Иными словами, киберпреступность — это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность². Неслучайно в последние годы при существенном сокращении уличной, насильственной преступности, как в мире, так и России, криминальная активность никуда не исчезла, а постепенно сместилась в виртуальную сферу интернет-пространства, где «чувствует себя хорошо», поскольку там практически не работает принцип неотвратимости наказания.

---

¹ Cybercrime: interdisciplinary approaches to cutting crime and victimisation in cyber space [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Cybercrime>

² Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.

Велик и постоянно растет ущерб от киберпреступлений. Так, федеральное управление уголовной полиции Германии зарегистрировало около 60 000 киберинцидентов в 2010 году. Совокупный ущерб от сетевых киберпреступников в этой стране — одной из самых развитых экономик мира составил в указанный период, по оценкам полиции, 61,5 млн. евро¹.

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков. По оценкам экспертов, ежегодные потери мировой экономики в результате действий киберпреступников в настоящее время могут достигать 500 миллиардов долларов. Для сравнения, годовой ВВП Швейцарии в 2017 году оценивался в 659 миллиардов долларов. Для защиты глобального киберпространства в Давосе было заявлено о создании Глобального центра кибербезопасности, целью которого является учреждение первой международной платформы для правительств, компаний, специалистов и правоохранительных органов, предназначенной для сотрудничества по преодолению проблем кибербезопасности².

Таким образом, понадобилось всего тридцать высокотехнологичных лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера до уровня массовых киберпреступлений, который выступает сегодня как новая глобальная криминальная угроза.

Анализ зарубежных и отечественных источников позволяет сделать ряд констатаций и обобщений, характеризующих современную кибердевиантность и киберпреступность:

1. Девиации и преступления широко распространились в информационной сфере. Незаконный доступ к информации — легкий путь к обогащению и недобросовестной конкуренции при использовании патентов на новые продукты, на химический состав инновационных и эффективных лекарств, на корпоративные маркетинговые стратегии и бренды, на финансовые ресурсы корпораций. Преступность в информационной сфере приобретает все более изощренные и слабо контролируемые формы. Достаточно сказать, что в Европе каждый десятый покупатель в целях экономии на лекарственных препаратах

---

¹ Девиантность в обществе потребления: коллективная монография / под ред. Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 276.

² ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/491033.php>

пользуется интернет-магазинами, где каждые 9 из 10 разрекламированных лекарств являются подделками. Этот результат — явное следствие незаконного доступа преступников к конфиденциальной информации фармацевтических компаний.

2. Похищение программных продуктов. Использование несанкционированного доступа к базам данных и серверам компаний разработчиков программных продуктов и аппаратных гаджетов — еще один путь к девиантности и нелегальному обогащению. Широко известно, что в одной из компаний Силиконовой долины, специализирующейся на разработке операционных систем, программист взломал защиту, используя номера телефонов, введенные в компьютер. Программа, скопированная злоумышленником, обошлась компании в несколько миллионов долларов. Реализация ее «пиратских» копий нанесла огромный урон разработчикам и законным владельцам программного продукта.

3. Похищение конфиденциальной информации. Девиации с использованием девайсов (сканеров и декодеров), разработанных по военным заказам для сканирования электромагнитного излучения, могут практически на любом расстоянии от компьютера снимать информацию при обработке и чтении цифровых данных. Этим не преминули воспользоваться девианты от хайтека.

4. Уничтожение или изменение приватных или конфиденциальных корпоративных данных с целью компьютерного хулиганства. Некоторые девианты-хакеры преднамеренно уничтожают или изменяют данные в персональных компьютерах, в информационных сетях своей компании или в компаниях-конкурентах. Как известно, первый прецедент по заражению компьютера бывшего работодателя вредоносной программой (вирусом) был создан в 1988 году американцем Дональдом Барлесоном с целью «насолить» своему бывшему боссу. Создание и распространение разрушительных компьютерных программ-вирусов («червей»), макро- или полиморфных вирусов) получило массовое распространение.

5. Технологические инновации и развитие сети Интернет послужили толчком для бурного развития компьютерной преступности и незаконной деятельности хакеров. По оценкам аудиторской фирмы Ernst & Young, стоимость компьютерных преступлений в такой высокотехнологичной стране, как США, еще в 1996 году составляла от 3 млрд до 5 млрд долларов в год. Впрочем, реальные финансовые

потери бизнеса от преступников в мире компьютеров существенно далеки от экспертных данных¹. Хакеры сегодня могут атаковать не только информационные системы банков или военных ведомств, но и активировать управляемую компьютером «радионяню», чтобы шпионить за семьями. Киберворы анализируют посты социальных медиа, чтобы подготовить домашние вторжения. Киберсталкеры эксплуатируют GPS по смартфонам, чтобы отследить каждое движение их жертв. Современные киберпреступники могут обнулить банковские счета, стереть содержание компьютерных серверов. До настоящего времени нет компьютерной системы, которую невозможно взломать.

6. Киберсталкеры. В отечественной литературе, кроме работ Я.И. Гилинского, практически нет упоминаний о девиантах сталкерах и киберсталкерах (stalkers — упорные преследователи, «охотники»), в отличие от публикаций зарубежных психиатров и криминологов². Речь идет о девиантах, преследующих кого-либо с использованием различных, в том числе современных технологических средств, прежде всего, сети интернет и сотовой связи. Потенциальными и реальными жертвами сталкеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья), а также сослуживцы, коллеги по профессии. Нередко это явление рассматривают как результат психических расстройств. Суть сталкерства определяется как постоянное преследование жертвы, вызванное местью, ревностью, завистью с помощью современных технологий, коммуникативных средств и иных приемов с целью вызвать у нее чувство страха. В прежние времена сталкеры пользовались слежкой, почтовыми отправлениями, прессой. Арсенал современного сталкера включает интернет-ресурсы, телефонные звонки, SMS-сообщения, звонки и сообщения с помощью Skype, обычные и электронные письма, граффити, сообщения в печатных и электронных СМИ. Сталкер может постоянно напоминать о себе в сетевом общении, с помощью электронной почты. Он может приблизиться к жертве, или обозначить свое присутствие, или следовать за ней,

---

¹ Schmallegger F. *Criminology Today: An Integrative Introduction*. New Jersey, 1999.

² Meloy J.R. *The psychology of stalking*. In: *The Psychology of Stalking: Clinical and Forensic Perspectives*, Meloy J.R., ed. San Diego: Academic Press, 1998. P. 2–23. Mullen P., Pathé M., Purcell R. *Stalkers and their Victims*. Cambridge University Press, 2000; *Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention*. Stockholm, 2006.

или держать ее дом под видеонаблюдением с размещением информации в e-mail отправлениях. Преследование может проявляться и как заказ товаров от имени жертвы в интернет-магазине, отправка незапрашиваемых материалов, инициирование поддельных судебных исков (Маллен, 1999). Преследование нарушает частную жизнь жертвы и вызывает у нее непреодолимый страх перед насилием. Такие страхи оправданы, поскольку угрозы, материальный ущерб и нападения происходят слишком часто в процессе преследования. По данным зарубежных исследователей, жертвами сталкеров являются от 1 до 2% женщин. Физическое насилие происходит приблизительно в каждом третьем случае.

7. Новой разновидностью киберсталкерства стал кибербуллинг, обращенный, как правило, к детям и незащищенным социальным группам. Он осуществляется в форме травли, оскорблений или угроз, распространяемых путем рассылки сообщений в социальных сетях, по e-mail или СМС. Любое унижительное, оскорбительное или угрожающее сообщение, отправленное в электронной форме, является кибербуллингом. Кибербуллинг — один из самых губительных типов онлайн-атак. С широким вовлечением детей и подростков в виртуальный мир социальных сетей и смартфонов быстро распространился этот новый вид высокотехнологичного социального насилия. В детской среде кибербуллинг проявляется в отправке жертве сообщений с угрозами публикации унижающих достоинство жертвы фотографий и видео в социальных сетях или даже в создании поддельных веб-сайтов, нацеленных на унижение и оскорбление жертвы. Информационные технологии позволяют сохранить анонимность кибербуллеру и вытекающую из этого безнаказанность. Дети — получатели месседжей, не могут определить, кто является источником их мучений, боятся мести за привлечение к проблеме родителей и учителей. Отсюда абсолютно каждый юный владелец смартфона или планшета, использующий Twitter, WhatsApp, Snapchat, Facebook, YouTube или любую другую программу, создающую социальную сеть, может стать мишенью для кибербуллинга. Последствия же кибербуллинга нередко имеют печальный психологический или даже фатальный исход в форме суицида.

8. Преступниками стали вредоносные вирусные программы, созданные для автоматизации киберпреступлений. Они могут действовать как программы-вымогатели, которые зашифровывают пер-

сональные данные и заставляет пользователей сети платить. Они могут способствовать краже или поломке автомобиля, поскольку современная машина на колесах во многом работает под управлением бортового компьютера. Современный автомобиль, сошедший с конвейера в последние несколько лет, имеет более 200 микрочипов. Бортовой компьютер посредством программного обеспечения контролирует радиоприемник, GPS, подушки безопасности, систему круиз-контроля, спидометр. По заданию хакера он может быть взломан с преступной целью. Бот-сети из тысяч зараженных компьютеров, могут быть использованы хакерами против банков, компаний и правительств. Времена, когда преступления в Интернете совершались опытными одиночками, первыми программистами-хакерами, уже прошли. Сегодня любой нездоровый преследователь или киберсталкер, недовольный работник или начинающий террорист может купить вредоносную программу, чтобы взломать компьютер, смартфон или счет в банке. Эта угроза распространяется в мире постмодерна с геометрической прогрессией. Это значит, что и, находясь в тюрьме, оснащенный преступник может совершать безнаказанно киберпреступления.

9. Несанкционированное копирование и тиражирование программных продуктов. Как свидетельствует отчет компании Software Publishing Association (SPA), глобальные потери от компьютерного пиратства в 1996 году составили 11,2 млрд долларов, поскольку на мировом рынке программных продуктов почти каждая вторая разработка является пиратской копией. Некоторые развивающиеся страны имеют особенно высокий уровень незаконного использования. Так, например, из всех компьютерных программ, используемых во Вьетнаме, 99% скопированы незаконно¹.

9. Телефонный фрикинг как форма незаконного доступа к сотовому телефону практикуется уже несколько десятков лет. С развитием сотовой связи этот вид девиации получил массовое распространение, включая кражу или нелегальное использование сим-карт сотовых телефонов вызываемых абонентов и кодов доступа с целью обогащения за чужой счет. В настоящее время широко используются взломы голосовой почты. Частные голосовые почтовые ящики, используемые для хранения вербальных сообщений, стали объектами преступной деятельности телефонных фрикеров.

---

¹ Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.

Фрикер-воровство и мошенничество стало острой проблемой в современной России в связи с массовым распространением смартфонов на платформе Андроид. Фрикеры заражают смартфоны специальными программами и списывают деньги с банковских счетов своих жертв, поскольку в памяти смартфонов хранится множество важных личных данных: от баланса банковской карты до паролей и логинов.

10. Кибермошенничество в банковской сфере. Преступники пользуются тремя основными приемами хищений при использовании интернет-банкинга.

Первый способ осуществляется с помощью СМС-банкинга. Вирусная программа в этом случае перехватывает все СМС, приходящие на мобильный телефон. Затем преступник переводит денежные средства себе на счет с помощью программы «Мобильный банк». При этом хозяин смартфона не получает уведомлений о том, что с его счета в банке списана сумма. Обычно это мелкие и средние хищения.

Второй способ — использование кибермошенниками фишинговых сайтов. При использовании фишинга клиент банка может быть введен в заблуждение с помощью муляжа web-сайта банка. Псевдосайт практически не отличается от оригинала. Он разработан так, чтобы выманить личные регистрационные данные, с помощью которых осуществляется доступ к счетам и финансовым средствам. Например, одна из наиболее опасных кибератак этого типа может выглядеть следующим образом.

Фишер, воспользовавшись широко доступными базами web-адресов, рассылает сообщение, в котором под благовидным предлогом предлагается подтвердить клиенту банка ту или иную персональную информацию. Подтверждение данных делается по гиперссылке, через которую якобы иницируется соответствующий диалоговый интерфейс. На экран компьютера клиента при этом выводится изображение, идентичное тому, которое воспроизводится при работе с кредитной организацией через интернет-браузер. Однако адресная строка, которую видит клиент, представляет собой фальшивый элемент изображения. Он формируется Java-Script'ом и накладывается на изображение настоящей адресной строки, в которой теперь стоит (но не виден) адрес сайта фишера, с которым реально имеет дело клиент. Для убедительности в адресной стро-

ке преступником имитируется наличие защищенного соединения (<https://>), на изображении присутствует программная кнопка «Переход» («Со»), а в фальшивой адресной строке при желании можно впечатать настоящий адрес банка. Клиент, ничего не подозревая, вводит свой логин и пароль, а преступник, получая эти данные, переводит деньги на свой счет.

Это лишь один из немногих недавно изобретенных вариантов кибермошенничества. По статистике, на эту уловку попадают примерно 5% клиентов интернет-банкинга.

В третьем случае фриеры используют Google Play. Поддельное окно появляется каждый раз, когда держатель мобильного телефона заходит в это популярное приложение и там же он указывает данные своей карты в случае интернет-покупки приглянувшейся программы. Практически во всех указанных случаях киберворы и мошенники остаются безнаказанными.

11. Девиантная киберпанк-субкультура криминальных хакеров и фриеров. Компьютерные преступления и хулиганства совершаются в виртуальной реальности киберпространства, которое конструируют информационные high-tech технологии и психология человека, взаимодействуя в электронной сети. Киберпространство — это место, где компьютеры и человеческие существа сосуществуют и взаимодействуют друг с другом, удовлетворяя потребность в симуляциях реального мира, которые активно стимулируют своими сверхпотребительскими проектами глэм-капиталисты. Виртуальная среда дает возможность бесконечных анонимных межличностных контактов, ролевых игр, общения, наслаждений и сделок. Рост числа эскейперов, киберпреступников и других пользователей сети Интернет, разделяющих ценности девиантной киберпанк-субкультуры, формирует в условиях релятивизации базовых норм индустриального капитализма тенденцию увеличения количества компьютерных девиаций и преступлений. Среди них: воровство и пиратское тиражирование компьютерных программ, бесплатные междугородные телефонные переговоры, несанкционированный доступ к компьютерам, мошенничество с кредитными картами (денежные авансы и несанкционированные закупки товаров), создание и тиражирование компьютерных вирусов.

12. В киберпространстве получают все более широкое распространение крупные электронные платежи виртуальными деньгами,

существующими в виде битов на компьютерах сервис-провайдеров банков. Взлом защиты компьютера снабжает хакеров информацией, которая помогает быстро и легко отправлять большие суммы денег в любую точку мира. Несмотря на многомиллиардные «электронные» сделки, происходящие каждый день в мире бизнеса, не существует точных данных в отношении убытков, понесенных в таких операциях компаниями и частными лицами. Они отсутствуют из-за того, что высокотехнологичный уровень преступников настолько эффективен, что не позволяет даже установить момент утечки крупных денежных сумм.

13. Девиантологи считают совокупность компьютерных преступлений хакеров, фрикеров, стalkerов — новой формой преступности «белых воротничков». Действительно, их объединяет то, что:

- киберпреступления совершаются без использования насилия с помощью высокотехнологичного оборудования;
- последствия этих преступлений в глазах общественного мнения выглядят как менее опасные, чем деликты с применением физического насилия;
- преступники имеют доступ к компьютерам, информационным технологиям и технические навыки;
- их действия обычно связаны с манипуляцией информацией, которая прямо или косвенно создает прибыль или убытки;
- киберпреступления могут быть совершены одним человеком или несколькими людьми в сговоре, в том числе организацией;
- киберпреступления крайне латентны, их трудно обнаружить;
- для предотвращения таких высокотехнологичных преступлений требуется сочетание правовых, технических, социально-психологических знаний, а также знаний из области безопасности, аудита, менеджмента.

14. Типология high-tech-девиантов. Одна из самых простых классификаций может быть построена на основе психологических характеристик хакеров и фрикеров, стремящихся к девиантному самовыражению или к получению компенсации за чувство личной неполноценности. Среди них можно выделить:

- *пионеров* — лиц, которые используют новейшие компьютеры, технологии сотовой связи и Интернета;
- *хулиганов*, обуреваемых чувством обиды;

- *гедонистов* — тех, кто получает удовлетворение от вскрытия защиты новых компьютерных систем. Чем дальше такая система удалена географически от хакера, тем больше уровень удовольствия от взлома;

- *вандалов* — злоумышленников, которые намеренно стремятся причинить вред без видимой выгоды для себя;

- *наркоманов* или *компьютерных «ботаников»*, у которых сформировалась аддикция, поэтому жить без взломов компьютерных программ они не могут.

В эпоху постмодерна, в мире high-tech технологий, консьюмеризма и глэм-капитализма носители девиантного и криминального поведения изошренно используют в своих целях все новые технологические возможности. Современные девианты и преступники широко применяют не только огнестрельное оружие, телефон, лекарственные препараты, транспорт, но и компьютеры, сотовую связь, Интернет. Незаконная деятельность на основе современных технологий столь же разнообразна, как и сами технологии.

2.7. Преступность в мире и России: основные тенденции, технологические вызовы и прогнозы

В работах, посвященных преступности в мире постмодерна и криминологии «today» нередко выделяются и анализируются наиболее опасные и новые по составу проявления преступности. Так, Фрэнк Шмаллегер обращает внимание на терроризм (terrorism), государственно-организованную преступность (state-organized crime), преступность «белых воротничков» (white-collar crime), в том числе корпоративную преступность (corporate crime), организованную преступность (organized crime), наркопреступность (drug abuse and crime), а также преступность в сфере высоких технологий (high-tech crime), в том числе киберпреступность (computer crime)¹.

Глобальные и локальные перемены в мировой экономике и обществе постмодерна влекут за собой, с одной стороны, гентрификацию и рассеивание преступности, с другой — ее геттоизацию (концентрацию и интенсификацию)². Эти тренды заявляют о себе

---

¹ Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey, 1999. P. 377–494.

² Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998.

не только в экономически развитых, но и в развивающихся странах с преимущественно сырьевой экономикой и высоким уровнем расчленения населения, таких, как Россия и другие страны постсоветского пространства.

Криминологический анализ мировых и отечественных тенденций преступности дан в превосходных работах В.В. Лунева, Я.И. Гилянского и других криминологов¹. Как показывает В.В. Лунев, после Второй мировой войны основной тенденцией в мире является абсолютный и относительный (в удельных показателях) рост зарегистрированной преступности. Этот вывод следует из официальных данных и обзоров (1975, 1980, 1985 и 1990 гг.) ООН по статистике преступлений.

Устойчивый рост зарегистрированной преступности фиксируется при значительно более высоком уровне преступности в развитых странах по сравнению с развивающимися. Так, в развитых странах в 1985 году уровень преступности (на 100 тыс. населения) составил 6800, в развивающихся — 1300.

Консьюмеризация сознания и жизнедеятельности приводит к «гуманизации преступности» (В.В. Лунев). Наблюдается преобладание корыстной преступности, как «уличной» (кражи, грабежи, разбой), так и «беловоротничковой» (экономической, должностной, коррупционной), то есть сокращение доли насильственных преступлений в общем объеме преступности. Это общемировая тенденция.

«Общество потребления» характеризуется и некриминальными, но негативными способами обогащения — от проституции до «теневой экономики». При этом провести четкую правовую границу между нелегальным предпринимательством и неформальной экономической деятельностью практически невозможно².

По данным В.В. Лунева, с конца 1990-х — начала 2000-х годов происходит снижение количества и уровня преступлений во всем мире³. Наиболее наглядно эти изменения происходят в динамике

---

¹ См. подробнее: Лунев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005; Гилянский Я.И. Очерки по криминологии. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 90-92; Гилянский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 59–87.

² Гилянский Я.И. Современное состояние и перспективы российской криминологии // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4.

³ Лунев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005.

убийств — наименее латентного вида преступлений. Аналогичная картина наблюдается в динамике преступлений в России, но с 2006 года, а по ряду преступлений с 2001. Объяснения этому феномену даются в работах Я.И. Гилинского¹. В частности, интересна гипотеза ученого о переходе криминальной активности молодежи, как основного субъекта «уличной преступности», в киберпространство Интернета, где чрезвычайно высока степень латентности преступлений. Я.И. Гилинский одним из первых обращает внимание на то, что имеет место дальнейшая «переструктуризация» преступности, когда обычную преступность теснят малоизученные и почти не регистрируемые высоколатентные виды преступлений эпохи постмодерна, в частности киберпреступность².

Заслуживают внимания и выводы американских криминологов относительно того, что повальное увлечение компьютерными играми с элементами и демонстрацией жестокости отвлекает на себя часть потенциальных уличных преступников. Иначе говоря, распространение компьютерных игр («стрелялок») в киберпространстве имеет для общества в целом «оздоровительный эффект». Кроме того, часть зарубежных исследователей полагает, что снижению уровня преступности способствует и повышенная «секьюритизация» в обществе постмодерна и хайтека, как результат массового применения технических средств безопасности (видеокамеры, охранный сигнализация), то есть переход от технологии контроля к технологии слежения³.

В мире и России состояние преступности, особенно ее организованной составляющей, определяется процессами глобализации. Поскольку она основательно включена в бизнес и участвует как в нелегальном предоставлении и распределении товаров и услуг (секс-индустрия, гемблинг, торговля людьми и человеческими органами, продажа оружия и наркотиков и др.), так инвестирует и во вполне легальный высокодоходный бизнес.

Грозной социальной проблемой, вызовом обществу являются проявления экстремизма и терроризма, особенно на религиозной и идеологической почве. Концентрация бедности и богатства, рост

---

¹ Гилинский Я.И. Очерки по криминологии. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 93–95.

² Там же. С. 94.

³ Гилинский Я.И. Очерки по криминологии. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 94.

числа отчужденных от социальных перспектив молодых людей из числа «исключенных», рост напряжения между бедным Востоком и богатым Западом создает предпосылки, которые, будучи обернуты в оболочку этнических или религиозных различий, питают терроризм¹. Я.И. Гишинский справедливо обращает внимание в одной из своих статей-писем, что эту проблему, которую питают и «идеология насилия некоторых ветвей некоторых религий (скажем так...), и недостаточно адекватная политика властей, и идея мультикультурализма, пущенная на самотек, и неизбежно негативные последствия позитивной глобализации...». В мире постмодерна одной из современных разновидностей терроризма выступает такое и новое явление как кибертерроризм»².

Еще одно относительно новое измерение преступности состоит в развитии «преступлений ненависти» по мотивам национальной, расовой, религиозной вражды и других проявлений ксенофобии, как разновидность насильственной преступности. Термин «преступления ненависти» («hate crime») введен в научный оборот в 1985 году.

Проблемой номер один в России, да и многих других развивающихся и развитых странах мира (за исключением, пожалуй, Скандинавии, Исландии, Новой Зеландии) является преступность должностных лиц, прежде всего, коррупционная преступность. Россия, по данным Transparency International, в числе наиболее коррумпированных стран мира.

Наряду с преступностью в мире и России развиваются и другие острые формы социального неблагополучия и девиантности. Это различные проявления ретретизма (алкоголизм, наркотизм, суицидальное поведение).

В докладе экономиста К. Шваба — президента Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2016 года красной нитью проходит идея о том, что человечество стоит на пороге четвертой технологической революции, которая полностью изменит экономику и социальный мир. Ее суть в смешении технологий физического, цифрового и биологического мира, которое создает новые возможности и воздействует на политические, социальные и экономиче-

---

¹ Почему террор набирает обороты в развитом мире? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openrussia.org/post/view/16544/>

² Григорьев Н., Родюков Э. Террористические действия в виртуальном пространстве опасны // Независимая газета, 22.07.2016.

ские системы. Шваб видит три причины, по которым сегодняшние перемены следует считать не продолжением третьей промышленной революции, а началом четвертой. Это скорость, с которой происходят перемены; их размах и системный характер последствий¹.

На основе достижений этой революции состоится прорыв в области искусственного интеллекта, робототехники, интернета вещей, автономного транспорта, наноматериалов, биотехнологий, хранения энергии и квантовых компьютеров. Технологические сдвиги приведут к социальным изменениям в обществе по экспоненциальному закону. Этот прогноз обосновывают Р. Курцвейл, Дж. Рифкин, К. Андерсон. С одной стороны, технологии XXI века обещают создать мир беспрецедентного изобилия и процветания. С другой стороны — они, по предположениям футурологов, приведут к новой социальной стратификации. Влияние технологий на экономику раздвинет финансовую пропасть между инноваторами-капиталистами, инвесторами и супер-специалистами в области нового технологического знания, то есть теми, кто живет за счет капитала и средним классом традиционных профессионалов, то есть тех, кто живет за счет своего труда.

Очень скоро мир столкнется с новым социальным кризисом, поскольку развитие технологий в ближайшие годы, как было показано выше, за счет роботизации оставит без работы десятки миллионов людей. Эти и другие перемены, вызванные развитием технологий, неизбежно будут трансформировать девиантные практики и криминальную реальность.

Попытки представить картину преступности будущего, как результат развития технологий, предпринята в монографии бывшего полицейского аналитика М. Гудмана «Будущее преступности», которая стала зарубежным бестселлером 2015 года.

Ростки грядущих изменений в области преступности дают о себе знать и сегодня. Так, М. Гудман в книге «Будущее преступности» пишет, что, уже сейчас в общей сложности на долю транснациональной преступности приходится от 15 до 20% мирового ВВП. Кроме того, 25% легального оборота, контролируется преступными группировками. В целом преступные сообщества контролируют не менее трети, а скорее ближе к половине мирового оборота всех

---

¹ Всемирный экономический форум в Давосе 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economtermin.ru...jekonomiki...forum...davose-2016.html>

видов товаров, услуг, активов и финансов. С учетом того, что концентрация собственности в преступном мире гораздо выше, чем в легальном бизнесе, можно сделать вывод о том, что крупнейшими собственниками активов и держателями ресурсов на планете являются именно преступные синдикаты¹.

Гудман как практик полицейской работы в сфере новых технологий обращает внимание на колоссальные изменения в криминальной активности, вызванные новыми технологическими решениями в области робототехники, синтетической биологии, нанотехнологий, виртуальной реальности и искусственного интеллекта, беспилотных летательных аппаратов. Технологическая основа, на которой будет построено будущее, по мнению полицейского футуролога, создаст предпосылки для роста новой преступности, что сделает человека более уязвимым перед криминалом, чем когда-либо.

Гудман использует метафору для описания колоссального масштаба технологических изменений, согласно ей современный Интернет имеет размеры мяча для гольфа, Интернет будущего соразмерен солнцу. Интернет вещей, проживания, дыхания, глобальная информационная сеть, где каждый физический объект будет в состоянии онлайн. Большие возможности «мировой паутины» сопряжены с большими рисками предупреждает криминолог. Так, хакеры в недалеком будущем, считает Гудман, смогут дезорганизовать через Интернет вживляемые медицинские устройства, такие как кардиостимуляторы, чтобы спровоцировать смертельный скачок электричества, или взломать систему управления тормозами e-мобиля на высокой скорости. Уже сегодня высокие технологии служат наркокартелям, которые используют, например, парк дронов и транспортируют кокаин или героин через любые границы.

Несколько лет назад министр юстиции Германии для удобства расследования преступлений, пишет Гудман, активно добивался от немцев получения кодифицированных биометрических данных, идентифицирующих каждую личность. Из самых благих побуждений он хотел, чтобы все граждане страны сдали отпечатки пальцев. Однако сторонники неприкосновенности частной жизни в Германии и члены Chaos Computer Club выразили свое несогласие по этому вопросу. Активисты компьютерного клуба отсняли отпечатки паль-

---

¹ See: Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.

цев министра юстиции, оставленные им после посещения ресторана. Затем сделали снимок отпечатков, открыли его в фотошопе, отретушировали, после чего отпечатали в латексе на 3D принтере. Затем включили отпечатки в бесплатное приложение к их журналу Chaos Computer Club с аудиторией в 5000 человек, и предложили читателям оставлять отпечатки пальцев министра юстиции на местах преступления по всей Германии, что они и сделали. Этот пример показывает безграничные возможности современных технологий не только для совершения преступлений, но и для того, чтобы замести следы преступников. С помощью 3D принтера высокотехнологичные воры смогут произвести и копию АК-47.

Гудман считает, что и с развитием биотехнологий и ДНК как очередная операционная система обеспечения жизни, может стать объектом криминального взлома. С помощью синтетической биологии и генетики биопреступник может делать удивительные вещи. Например, в тиши лаборатории синтезировать наркотики растительного происхождения. Зачем выращивать и собирать растения с риском для криминального бизнеса. Достаточно взять ДНК марихуаны, мака или листьев коки, «вырезать и вставить» нужный ген и опустить его в дрожжи. Они и будут производить синтезированный кокаин, марихуану и прочие наркотики. Анализируя скорость развития биологии и биотехнологий можно предположить, что первые встречи с биопреступностью произойдут весьма скоро. Люди смогут создавать и печатать собственные биовирусы, например усовершенствованную версию вируса Эбола или сибирской язвы. Биотеррористы смогут распространить в своих целях смертоносные вирусы. И это не предел. Может быть создано персонализированное биооружие, воздействующее только на конкретные клетки конкретного человека.

Технологические достижения приносят не только пользу. Как видим, они имеют и зловещую сторону: технологии могут быть использованы преступным миром против каждого из нас. Между преступностью будущего и традиционной преступностью существует не только антагонизм, но и существенная разница в методах и организации преступных сообществ. Преступные организации постмодерна переходят от традиционных иерархических структур, характерных времени крестного отца дона Карлоне, к гибким и подвижным сетевым образованиям. Футурологи от криминологии

считают, что будущая преступность в мире пост-постмодерна будет иметь интеллектуальный облик.

В.С. Овчинский, опираясь на реализм, транслирует футурологический взгляд зарубежных специалистов на будущее развитие преступности в России. Криминолог справедливо подчеркивает, что преступность, как кривое зеркало, отражает технологические, социально-экономические и политические изменения и процессы. Анализируя новые работы футурологов и криминологов, криминальную ситуацию в стране, он выдвигает несколько предположений о развитии преступности в России¹.

Первое. Кризисные явления в экономике, сложности вхождения в новую промышленную революцию увеличат напряженность на рынках труда, в межнациональных отношениях, в мигрантской среде. Все это не может не повлиять негативным образом на рост как традиционных, так и нетрадиционных видов преступлений. Никуда не уйдет, а только будет возрастать доля корыстных и корыстно-насильственных преступлений в общей структуре преступности. Не только в ближайшие годы, но и в ближайшие десятилетия.

Второе. Правоохранительным органам в условиях дефицита финансовых средств на их существование придется вести борьбу на этих двух направлениях как традиционном, так и нетрадиционном. Причем, вся правоохранительная система будет постоянно запаздывать в своих ответных действиях на технологизацию преступного мира. Для того что бы преодолеть это отставание необходима коренная перестройка всей системы подготовки кадров правоохранительных структур, их набора. По существу в ближайшее десятилетие полиция должна стать киберполицией, использующей новейшие достижения в работе с большими данными в передаче информации, ее визуализации.

Третье. Следует при раскрытии преступлений совершенно изменить систему использования новых технических средств получения объективной информации о виновности того или иного подозреваемого лица. Использовать под врачебным и прокурорским надзором новейшие медицинские средства, которые в журналистской среде получили название «сыворотка правды». Активно применять детекторы лжи нового поколения, поскольку современная нейробиология

---

¹ Овчинский В.С. Преступность недалекого будущего [Электронный ресурс]. URL: <http://www.a.mospravda.ru>

уже сейчас позволяет практически на 100% устанавливать правдивость тех или иных показаний.

Четвертое. Должны уйти в прошлое архаичные, пещерные способы расследования уголовных дел, написание и чтение сотен томов этих дел, без машинной обработки, особенно по делам экономической направленности, организованной преступной деятельности.

Пятое. Необходима революция в экспертной деятельности. Уже сейчас новейшие открытия по целому ряду направлений науки требуют их использования в той сфере, которую мы традиционно называем криминалистической экспертизой.

Шестое. Не может оставаться без изменений и судебная система. Приговоры по конкретным делам должны одновременно основываться на глубоком психолого-психиатрическом исследовании всех обвиняемых с составлением прогнозов их индивидуального постпреступного поведения. И только на этой основе в XXI веке могут назначаться те или иные виды наказаний. Пока наше уголовное судопроизводство, система исполнения наказаний практически никак не сопряжены с новой и тем более с грядущей технологической реальностью.

Этот криминологический прогноз-рекомендацию разделяет и автор учебного пособия, считая целесообразным уже сегодня обсудить структуру и содержание учебных планов, программ и методов обучения будущих юристов-практиков полицейской работы на пороге новой технологической революции. Модернизация учебного процесса на юридических факультетах университетов, в ведомственных вузах системы МВД должна состояться с ориентацией не только на передовые теории и опыт правоприменения, но и на развитие междисциплинарных подходов и курсов на стыке права и девиантологии, криминологии и информатики, криминологии и генетики. При этом необходимо активно совершенствовать и образовательные технологии.

Традиционное образование, в том числе в высшей ведомственной школе, достаточно инертно и готовит курсантов и слушателей на примере кодексов и практик работы правоохранителей из прошлого, а там практически нет ничего про грядущее кибербудущее. Отсюда лучшие отечественные образовательные традиции нужно дополнять передовыми зарубежными, а также гибкими специализированными системами обучения, избегая при этом образовательного догматизма. Это, например, может быть тот или иной вариант

сетевого образования. Суть подхода в развитии динамичности учебного процесса — это устремленность в будущее, это необходимость постоянно и непрерывно учиться и переучиваться, используя все доступные способы, как классические, так и онлайн-образование.

Словом, перемены в организации учебного процесса должны произойти на тех прорывных направлениях в развитии науки о преступности, которые позволяют интегрировать новое знание с учетом технологических, культуральных и иных социальных изменений в трансформирующемся мире. Только на инновационном пути можно приблизить передовые рубежи криминологического знания, учебного процесса, отражающие технологические сдвиги, к практике подготовки профессиональных правоведов для правоохранительной системы.

3. Генезис теорий преступности: от позитивизма к постмодернизму

3.1. Позитивистская парадигма в криминологии

Первые десятилетия XXI века, продолжая эпоху постмодерна, открывают новые образы «ультрасовременного капитализма», который формирует новые формы преступности и «новый мировой порядок». В глобальном мире увеличивается армия «исключенных» из социальных перспектив, а значит, усиливается социальное неравенство и растет социальная база для всех проявлений преступности и негативной девиантности. Девиантизация социума, как и социальное доминирование, базируется уже не только на эксплуатации человеческого труда и социальном неравенстве, но и на технологических нововведениях: управление и манипуляции людьми средствами high-tech приобретают все более скрытый и целенаправленный характер. В новых механизмах создания девиантности и преступности, а также социального контроля над их проявлениями все более значительную роль играют Интернет, электронные масс-медиа, новые технологии, изменения в культуре «большого общества» и его субкультурах. На девиантность и криминальное поведение оказывают влияние многочисленные структурные, процессуальные переменные, технологические и культурные детерминанты, а также факторы интерсубъективности, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей.

Различные проявления девиантности в области семейного, гендерного насилия, социального неблагополучия в среде молодежи и несовершеннолетних, в контексте религиозных и межэтнических отношений, в сфере экономики, политики и управления, в киберпространстве требуют новых подходов к их осмыслению, а также освоения новых интегративных криминологических знаний, необходимых для совершенствования социального контроля. Ориентация на достижения мировой и российской науки, на прогрессивные идеи и критический пафос криминологии, сочетание теории и эмпирических исследований позволяют совершенствовать учебный процесс, лучше готовить кадры для правоохранительной системы.

Этот запрос не может не стимулировать интерес к изучению генезиса криминологической мысли.

Криминология активно развивается как в мире, так и России. Ее прогресс обязан, прежде всего, развитию новых направлений и отраслей, подходов, теоретических перспектив и теорий, более адекватных наступившей эпохе постмодерна и очередной технологической революции. Однако достижения зарубежных ученых весьма скромно представлены в русскоязычных переводах. Студентам и преподавателям доступны, пожалуй, лишь фундаментальный учебник «Криминология» под редакцией Дж.Ф. Шели (2003), а также книга Р. Блэкборна «Психология криминального поведения» (2004).

Систематизация классических позитивистских, непозитивистских, критических криминологических теорий и, особенно, новых теоретических перспектив, созданных зарубежными исследователями, еще недостаточно представлена в отечественной учебной и монографической литературе. Сложившаяся гносеологическая ситуация вызывает необходимость еще раз «разобраться» с темой генезиса структурированных криминологических знаний в форме теорий, а чаще в виде теоретических перспектив, сформированных на пути, пролегающем от эпохи модерн к постмодерну в мировой криминологии.

Выполненный автором ретроспективный анализ эмпирического материала, способствующий приближению к этой цели, опирается на качественный контент-анализ ряда фундаментальных зарубежных девиантологических и криминологических работ, еще не переведенных на русский язык¹. Результаты этих исследований в той или иной мере представлены в ряде изданий, не всегда доступных тем, кто интересуется и изучает криминологию как социологию преступности на юридических факультетах университетов и вузах системы МВД России².

---

¹ See: Akers R. *Criminological Theories*. Los Angeles, 1997; Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. N.Y - L.: Garland Publishing, Inc., 1997; Downes D., Rock P. *Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking*. 3-rd ed. Oxford University Press, 1998; Schmalleger F. *Criminology today: an integrative introduction*. New Jersey. 1999; Barak G. *Integrating criminologies*. Allyn & Bacon. 1998; Barak G. *Criminology: An Integrated Approach*. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

² Комлев Ю.Ю. *Теории девиантного поведения: учебное пособие*. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2014; *Современная девиантология: методология, теория, практика: коллективная монография / под ред. Ю.А. Клейберга и Kwati S. Darty*. Lon-don: UK Academy of Education, 2016.

Девиантологический подход к объяснению проявлений преступности, опирается на поликонцептуальность, полипарадигмальность, теоретический плюрализм и методологическое разнообразие в современных криминологических исследованиях. Он способствует выработке более адекватных, социально эффективных мер социального контроля в обществе постмодерна, и может служить одной из основ для совершенствования полицейской и правоохранительной системы в целом.

Криминолог Д. Готтфредсон считал, что «теории состоят из серии взаимосвязанных суждений, которые позволяют: описать, объяснить, предсказать события из определенного класса и, в конечном счете, управлять ими»¹. К. Ховер выделил четыре основных способа использования теории в социальных науках: обеспечение образцами (patterns) для интерпретации эмпирических данных; связь одного исследования с другим; создание методологической рамки (frameworks), в пределах которой понятия и переменные приобретают специальное значение; качественная интерпретация полученных научных результатов»². Следовательно, эффективная теория, с одной стороны, «расшифровывает» казуальную сторону многих «трудных» для понимания делинквентных фактов и карьер, которые уже хорошо известны. С другой стороны, она создает предпосылки для понимания и объяснения природы новых, еще неизвестных фактов преступного поведения и иных форм негативной девиантности. Фактически любая линия поведения, ведущая к преступлению как самому опасному виду социальных отклонений, может быть в некотором приближении описана той или иной теорией преступности или группой теорий.

Принято считать, что генезис структурированных криминологических знаний ведет свое начало от работ классиков уголовного права и криминологии. Под влиянием идей Просвещения Ч. Бекариа, И. Бентам, Д. Говард, П. Фейербах и другие правоведы-мыслители привнесли в криминологическую теорию и юридическую практику идеи неотвратимости наказания, его гуманизации и превенции преступлений. Умозрительность и метафизический подход существенно ограничили эвристический потенциал классической уголовно-

---

¹ Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey, 1999. P. 110.

² Ibidem. P. 111.

правовой теории и криминологии. Тем не менее, принципиальные положения классической школы в различных вариациях нашли отражение и составляют основу уголовного законодательства многих стран мира. Неоклассицизм в форме концепции сдерживания преступности угрозой и примером уголовного наказания получил развитие в США и других англоязычных странах в 60-70-е годы XX века в рамках направлений социального контроля по моделям «закон и порядок», «защита индивидуальных прав».¹

Начиная со второй половины XIX и в течение всего XX века, в эпоху модерна активно развивается позитивистская, а затем и неопозитивистская криминология. Исследователи-позитивисты в поисках объективного, надежного знания о преступности в отличие от классической школы опираются на принципы эмпиризма (наглядность, объективность, доказательность, проверяемость, причинность, ценностная нейтральность, практическая польза). В качестве фундамента научного знания они считают проверяемый нейтральный опыт, а познавательно ценной формой знания о преступности ее эмпирическое описание.

В эпоху модерна создаются позитивистские теории преступности, формируются предпосылки для конкуренции научных школ и направлений в криминологии. На основе биологического позитивизма и индивидуализма со второй половины XIX века усилиями итальянской, британской и американской антропологических школ в криминологии (Ч. Ломброзо, Р. Гарофало, Э. Ферри, Ч. Горинг, Э. Хутен, У. Шелдон, П. Джейкобс, С. Медник и др.) формируется антропо-биологическое направление в криминологии.

Психологию криминального поведения на тех же методологических основаниях развивают теоретические работы: Х. Клекли, З. Фрейда, К. Лоренса, Э. Эриксона, Э. Фромма, Д. Долларда, Р. Волтерса, С. Хэллка, Дж. Уотсона, А. Бандуры, Г. Айзенка и др. Теоретики индивидуалисты концентрируются на изучении патологий в природе человека (атавизм, аномалии антропологической конституции, генетические нарушения) и проблем в его психике (агрессия, комплексы неполноценности, сбой психосексуального развития, фрустрация, психотравмы, нейропсихологические дис-

---

¹ Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 26.

функции, эффекты подражания и социального научения) в качестве основных факторов криминального поведения.

Социологический позитивизм в тот же исторический период стимулирует развитие ранних социоцентрических теорий криминального поведения (А. Кетле, К. Маркс, В. Бонгер, Г. Тард, Э. Дюркгейм и др.). Кетле в середине XIX века, опираясь на позитивизм и статистический метод, доказывает, что преступность — объективное и закономерное социальное явление. К. Маркс, оперируя открытиями Кетле, а затем Ф. Энгельс и В. Бонгер рассматривают преступность с идеологических позиций как объективное и закономерное социальное явление — форму социального протеста угнетенных масс, которое имеет классовый, исторически преходящий характер.

Функционалист Э. Дюркгейм, развивая взгляды А. Герри и А. Кетле, позитивистски обосновывает парадоксальный, на первый взгляд, тезис о том, что преступность функциональна, что это — нормальная особенность общественной жизни: «нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления»¹. Дюркгейм «нормализует» преступность, рассматривая ее как объективное, функциональное, закономерное, нормальное социальное явление.

В XX веке криминологи-позитивисты трактуют преступность в объективистском понимании Дюркгейма, занимаясь поиском ее социальных, экономических, культурных, психологических детерминант.

Дюркгеймовское понимание преступности фактически предопределяет модель социального контроля в Западном мире, нацеленного не на борьбу, а на противодействие преступности с целью снижения ее масштабов и угроз до социально приемлемого уровня. Позитивизм и договорная теория, в соответствии с которой закон выражает общественный консенсус относительно базовых ценностей общества определяют развитие криминологии как науки в начале и середине XX века. Основы теории договора были разработаны социологами начала двадцатого столетия Э. Дюркгеймом, У. Самнером, Э. Россом, М. Вебером. Договорную, или консенсус-

---

¹ Дюркгейм Э. Норма и патология // Рубеж: альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 82.

ную, модель закона в США детализировали социологи Р. Михаловски и Р. Паунд¹.

В советской стране, где культивировалось «единственно верное учение» сложилось классовое понимание преступности, которое опиралось на догматизированный марксизм. Отсюда борьба с преступностью как «родимым пятном капитализма» предполагала ее окончательное искоренение по мере построения эгалитарного общества. Идеологизированная трактовка преступности сыграла роковую роль в организации и оценке работы правоохранительной системы. Поскольку искоренить преступность не удавалось, то на практике происходила статистическая симуляция успехов в борьбе с преступностью (рост раскрываемости, снижение уровня преступности), что породило пресловутую «палочную систему», отказаться от рецидивов которой не удается и в постсоветской России.

Большую часть XX века в рамках позитивистской науки на основе объективного знания, верифицированного опытом, криминологи были заняты поиском и объяснением причин преступности, разработкой предложений по совершенствованию уголовного законодательства, правоохранительной и пенитенциарной системы.

Позитивистская парадигма в криминологии получила наибольшее развитие в США в работах криминологов Первой Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс, У. Томас, Ф. Знанецкий, К. Шоу, Г. Маккей и другие). В 20-30-е годы прошлого века криминологи-позитивисты изучали различные социальные проблемы города (дезорганизацию, географию и экологию в контексте распределения преступности; проституцию, бродяжничество, маргинализацию). Как исследователи они применяют широкий круг эмпирических методов: статистический, картографический, формализованные опросы, неформализованные этнографические интервью, контент-анализ архивных материалов полиции и биографий переселенцев, прямое наблюдение.

Криминологи Чикаго сумели преодолеть описательность и статистическую ориентацию своих европейских предшественников в методологии социального анализа преступности и девиантности. В результате были созданы концепции социальной дезорганизации и городской экологии. Они рассматривали город как живой социальный организм, концептуализировали понятие «социальная дезорганизация»

---

¹ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 362–363.

как уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы. Эмпирики Чикагского университета доказали, что в условиях социальной дезорганизации культурные ценности, нормы и социальные связи разрушаются, становятся противоречивыми, что ведет к ослаблению неформального социального контроля на уровне общины. Это и является важнейшей причиной девиантного поведения и преступности в урбанизированной среде, заселенной мигрантами.

Эмпирически обоснованные теоретические результаты получили широкое признание научной общественности и дали старт первым программам борьбы с преступностью («Чикагский проект»), преодоления бедности и безработицы. В последующем основные положения теории социальной дезорганизации были творчески использованы криминологами-позитивистами Ф. Трэшером, У. Уайтом, Л. Яблонским, Д. Шортом при изучении преступных групп (шак) несовершеннолетних, рост которых постоянно происходил во второй половине XX века в городских кварталах американских мегаполисов.

В конце 30-х годов Э. Сатерленд создал теорию дифференциальной ассоциации, которая стала одной из первых и весьма удачных попыток сочетания психологических и социологических принципов в объяснении преступного поведения. Основная идея Сатерленда состояла в том, что люди обучаются преступности и девиантности. Мотивы и ценности преступного мира воспринимаются в ходе индивидуального общения, коммуникации с преступниками. При этом отношение к закону, частота и продолжительность контактов с представителями криминальных групп, проститутками, торговцами наркотиков оказывают решающее влияние на интенсивность освоения норм отклоняющегося поведения.

Ученик Сатерленда Д. Крэсси, затем Д. Глейзер и Р. Айкерс развили и дополнили теоретические положения теории дифференциальной связи, сформировав социологическую теорию научения преступности¹.

Интенсивное развитие позитивистской криминологии происходит в рамках структурно-функционального подхода. В середине

---

¹ См. подробнее: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 107–116.

прошлого века была создана социоструктурная теории аномии и напряжения Р. Мертона, которую затем развил А. Коэн.

Роберт Мертон под влиянием взглядов Э. Дюркгейма в 1938 году пришел к убеждению, что некоторые социальные структуры способствуют отклоняющемуся поведению отдельных членов общества. Подобно Дюркгейму, в нарушении «социального кодекса» он видит «нормальную реакцию нормальных людей на ненормальные условия»¹. Дюркгейм связывал аномию с разрушением или ослаблением нормативной регуляции индивидуального поведения в условиях быстрых социальных изменений. Мертон определил аномию — как рассогласование, разрыв между социокультурными целями личности (группы), одобряемыми в обществе (материальный успех, престиж), и возможностями их достижения законными, институализированными средствами в условиях стабильного общества.

Следовательно, аномия в индустриальном мире — это результат «особого структурного разлада культуры», постоянный фактор напряжения в социальной системе, в культуре которой сделан сильный акцент на достижении целей материального успеха.

Достижения богатства имеет в высшей степени символическое значение, поскольку «система культурных ценностей превозносит, фактически превыше всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом»². Однако социальная структура индустриального общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к социально одобряемым законным средствам достижения материального успеха для большей части низшего класса. Эта ситуация воспроизводит постоянное напряжение в обществе, поскольку фрустрированные индивиды не в состоянии получить желаемое законным путем. Высокий уровень преступности в США (около 35 млн. жертв преступлений ежегодно, по данным национальных опросов, примерно 25 млн. домохозяйств сталкиваются с преступлениями (NCVS, 1999)) показывает, что отнюдь не все люди хотят добиться своей мечты о материальном благополучии законными средствами³. Для преодоления напряжения в достижении или отка-

---

¹ Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299.

² Мертон Р. Социальная структура и аномия // Рубеж: альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 98.

³ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 60.

зе от успеха многие индивиды адаптируются девиантно как криминальные инноваторы и коррумпированные ритуалисты или как ретретисты, потерпевшие двойную неудачу и убегающие от суровой действительности, или как бунтари, протестующие против доминирующих целей и легальных средств их достижения.

В 1955 году Альберт Коэн модифицировал социоструктурную теорию Р. Мертона с использованием субкультурного подхода. В его теории основная цель успеха состоит не столько в деньгах, сколько в достижении статуса представителя среднего класса, с соответствующими атрибутами, такими, как: финансовое благополучие, репутация, стиль жизни. Коэн уточняет, что общество рекламирует стратегию повышения социального статуса, затрудняя процесс его достижения выходцам из беднейших слоев.

Статус считается достигнутым, если выполняются определенные стандарты в культуре потребления (одежда, услуги и т.п.), в поведении (участие в школьных мероприятиях), во взглядах (внимание к старшим, интерес к учебе, благовоспитанность). Юные представители среднего класса получают соответствующее воспитание и поддержку родителей, школы и отвечают соответствующим стандартам, получая одобрение и статус. Парни из низшего класса не всегда усваивают культурные образцы благополучной среды. У них нет коммуникативных и социальных навыков, чтобы отвечать критериям и ценностям культуры среднего класса. В результате отсутствия перспективы законными средствами достичь желаемого статуса подростки из низшего класса подвергаются депривации. В поисках престижного социального положения, социального идеала неимущая молодежь, испытывая унижение, вынуждена совершать деликты и иные девиантные поступки. Следовательно, делинквентность, по Коэну, — результат фрустрации статуса, а причина напряжения состоит в неспособности реализовать свои возможности и получить желанный в американском обществе статус представителя среднего класса.

В середине прошлого века в рамках социоструктурного подхода были созданы теории субкультуры (Г. Сайкс, Д. Матза, У. Миллер, Ф. Ферракути, М. Вольфганг и др.), развиты концепции напряжения (Р. Клоуорд, Л. Олин, Р. Агню).

Ретроспективный анализ развития социоструктурных теорий преступности показывает, что позитивистская научная мысль раз-

вивалась в эпоху модерна в направлении поликонцептуальности и методологического плюрализма с постоянным состязанием различных теоретических направлений и перспектив изучения и описания феномена преступности от однофакторных к многофакторным казуальным моделям.

Анализ причинности в объяснении деликтов — важнейшая заслуга криминологов-позитивистов, создателей социоструктурных теорий. Однофакторный подход позволял выделить причины и условия девиантности в рамках одного класса, например, в случае абсолютизации антропо-биологических данных человека или его социально-классовой принадлежности. Многофакторный подход сложился позднее как реакция на ограниченность однофакторных моделей. В его рамках отклонения в поведении не могут быть обусловлены одним, хотя и очень важным комплексом причин, а зависят от ряда разнородных и потому теоретически несвязных факторов. Позитивистская научная мысль в XX веке развивается от однофакторных к многофакторным казуальным моделям криминального поведения.

Криминологами-позитивистами были разработаны оценочные критерии теорий: эмпирическая обоснованность, логическая последовательность и непротиворечивость, доказуемость, область применения, практическая польза.

В эпоху модерна сложились и основные классификации теорий преступности. Так, криминолог-позитивист Д. Кресси предложил вариант типологизации, который опирался на критерий массовости распространения преступности во всех слоях общества. Современные исследователи, развивая этот подход, выделили «макро» и «микро» теории криминального поведения.

Р. Айкерс дифференцировал теории преступности на структурные и процессуальные. Структурные теории показывают, что соотношение преступлений среди групп, общностей и классов отличаются из-за различий в социально-культурной структуре общества. Процессуальные теории утверждают, что люди совершают преступления, потому что они имеют определенный прошлый опыт делинквентности, пережили определенные события и приобрели специфические личные качества и реакции на те или иные криминальные ситуации.

Наиболее распространенной с точки зрения историзма, поликонцептуальности стала междисциплинарная типологизация, которая опирается на антропобиологический, психологический и собственно социологический подходы. В антропобиологических теориях объяснительная модель преступного поведения выстраивается в рамках доминирования антропологических, биологических, биохимических и генетических факторов поведения. В психологических теориях детерминация делинквентности описывается психологическими переменными, связанными со спецификой психоэмоционального развития личности, ее установками, психическими расстройствами и вытесненными состояниями, взаимодействиями в микросреде. Впрочем, теории, созданные в рамках антропоцентризма, не исключают вторичного влияния социокультурных и иных структурных факторов на генезис криминального поведения. Социологические теории преступности исходят, прежде всего, из социоцентризма, рассматривают природу преступности в предельно широком социальном контексте с анализом социоструктурной, процессуальной, культурной и социодемографической составляющей.

Большинство социоструктурных теорий преступности, создание которых выпадает на эпоху модерн, являются моно теориями. Они ориентированы на определенную парадигму и класс криминальных проявлений, хотя и оперируют рядом факторов детерминации.

3.2. От интеракционизма к феноменологии и конструктивизму

На развитие теоретической криминологии в эпоху модерна существенное влияние оказали криминологи-интеракционисты — создатели процессуальных теорий преступности. Символический интеракционизм (Дж. Мид, Г. Блумер), как известно, основывается на интерпретациях человеческого поведения по значимым символам, несущим важную социальную информацию. В основе методологии символического интеракционизма лежит позитивистский тезис о единстве научного метода, применяемого единообразно как в естественных, так и социальных науках. Вместе с тем, интеракционисты отказываются от операциональных концептов позитивистов в пользу не столь четко определенных, но более содержательных неформализованных понятий. В целом они ориентируются на так

называемую мягкую исследовательскую технику (изучение личных документов, кейс-стади, включенное наблюдение), которые предполагают необходимость понимания, постижения субъективных состояний и смыслов криминального поведения на уровне индивида.

В итоге представители криминологического интеракционизма ищут компромиссы в методологии, пытаясь совместить строгую научность со спецификой гуманистического видения преступности и других социальных проблем.

Интеракционистская перспектива анализа преступности получает развитие в XX веке в работах Ф. Танненбаума, затем Э. Лемерта, Г. Беккера, Э. Шура Ф. Зака, Дж. Брайтуайта. В ее рамках создаются различные варианты теории стигматизации («драматизация зла»), теории лейблов, наклеивания ярлыков и реинтегративного стыда).

Теория стигмы концептуализируется в двух основных положениях: во-первых, криминальное поведение следует интерпретировать не как нарушение правовой нормы, признак предрасположенности индивида или качество социального действия, а как результат его символического определения, наклеивания девиантного ярлыка в результате социальной реакции; во-вторых, «клеимение» при определенных условиях, если не прямо, то косвенно порождает и усиливает вторичную преступность и девиантность. В этом смысле криминальное поведение есть ответ индивида на стигматизацию, чрезмерный социальный контроль в ходе чего формируются девиантная идентичность и криминальная карьера.

После Второй мировой войны в Чикагском университете произошла смена поколений ученых, и в конце 1950-х — 1970-х годов И. Гофман, Э. Фредсон под влиянием идей интеракциониста Г. Блумера, который также в свое время работал в его стенах, продолжили изучение девиантности и преступности. В итоге стала формироваться Вторая Чикагская школа в криминологии, но уже не столько в методологических рамках позитивизма, сколько с использованием framework сначала символического интеракционизма, а затем и феноменологии.

И. Гофман в работе «Представление себя другим в повседневной жизни» (1959) считал, что поведение людей, в том числе отнесенное к норме или девиантности можно объяснить формами организации повседневного опыта и общения. Он предложил драматургический подход к объяснению преступности, понимая социальный мир как

драму не в смысле метафоры, а как теоретическую позицию. Будучи последователем интеракционизма, социальное взаимодействие он трактовал как задаваемое образом театральной постановки с заранее заданными функциональными позициями, которые в ходе его постоянно подвергаются переинтерпретации. Гофман полагал, что поведение в ролевом измерении более или менее эффективно, если оно состоит из управляемых впечатлений, а носители ролей посредством вербальных и невербальных коммуникаций определяют ситуации, в которые они вовлечены. Подобным образом нередко поступают преступники, мошенники и авантюристы, когда разыгрывают представление перед своими жертвами, управляя процессом впечатлений. Они «нагоняют» на них ужас, добиваясь в итоге преступных целей. Когда управление «ужасным впечатлением» перед зрителями успешно, происходит реализация целей задуманной криминальной драмы.

Развитие символического интеракционизма и его приложений в криминологии, появление драматургического, а затем и феноменологического подходов привели к концу 60-х годов прошлого века к разработке непозитивистской парадигмы — феноменологической и конститутивной криминологии, конструктивизма. До этого периода в науке о преступности доминировали структурные теории, созданные в рамках позитивизма и неопозитивизма.

Основу феноменологического подхода в криминологии составляют философские работы Э. Гуссерля и А. Шюца. Детальная разработка основных категорий в феноменологической перспективе была выполнена П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности» (1966). Феноменологи считают предметом своего исследования, прежде всего, «мир человеческой повседневности», обыденные представления (о добре и зле, судьбе и загробной жизни, о норме и патологии и т. п.). Интерсубъективные значения обыденных представлений образуют, с их точки зрения, сущность человеческой деятельности. В интерсубъективном мире люди выступают, с одной стороны, в качестве конструкторов социальной реальности, с другой стороны, их сдерживают созданные их предшественниками социальные и культурные структуры¹.

---

¹ Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking. 3-rd ed. Oxford University Press, 1998. P. 212–217.

Анализ интерсубъективных значений позволяет определить объективный смысл поведения многих индивидов, в том числе и преступников.

Следовательно, определение преступного есть сложившийся в пространстве жизненного мира образ правонарушения, который представляет собой синтез теоретических конструктов и социальных практик. Благодаря феноменологической редукции преступление конструируется в мире значений, которые тематизируются активностью социального субъекта. Для понимания криминального поведения и его изучения весьма важно то, что оно рассматривается феноменологами как социальный процесс (коллективный или индивидуальный), в ходе которого индивид и становится преступником.

Криминологи феноменологической ориентации поставили под сомнение основной постулат позитивизма о том, что социальные структуры, все общественные явления, в том числе и преступления, представляют собой объективную реальность, не зависящую от идей, мнений, стереотипов, сознания и поведения включенных в них индивидов. Они радикально изменили направление поиска в сторону изучения интерсубъективности и жизненного мира, опыта индивида, реакции познающего и действующего субъекта на его собственное криминальное поведение.

Криминологи-конструктивисты С. Генри и Д. Милованович в работе «Конститутивная криминология» (1996) сформировали основные положения конструкционистского подхода. С точки зрения конститутивной криминологии, нет такой вещи, как преступление в смысле объективной социальной реальности. Для Генри и Миловановича преступление и социальный контроль над ним есть социальные конструкции. Преступность и контроль над ней не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются в ходе дискурса. Преступное поведение и сама система социального контроля существуют постольку, поскольку это продукты «дискурсивных практик» среди преступников, жертв преступлений, контролеров (полицейских, тюремных надзирателей), криминологов. Часть агентов дискурса разыгрывают преступные образцы, другие участники коммуникативного взаимодействия стремятся соответствовать стандартам социального контроля над делинквентностью, третьи пытаются

исследовать или судить о преступности¹. Наряду с Генри и Миловановичем, феноменологический подход развивают П. Филмер, М. Филипсон, Д. Уолш.

Криминологи феноменологической ориентации отклоняют традиционный для криминологического позитивизма поиск причин преступности и предлагают ответить на вопрос о том, как агенты социального взаимодействия участвуют в конструировании того, что называется делинквентным поведением. Они концентрируют внимание на релятивном и конвенциональном характере преступности.

3.3. Конфликтологический подход и радикально-критическая криминология

До 1960-х и даже 70-х годов в мировой криминологии доминируют позитивистская парадигма и консенсусный подход, в соответствии с которым закон выражает общественное согласие относительно базовых ценностей и норм. Однако в условиях роста гетерогенности, социального неравенства и конфликтов в западных обществах второй половины XX века договорная модель закона утратила свои прежние позиции: потеряла многих своих сторонников в социологии и криминологии.

Усилившаяся критика консенсусной модели привела к ренессансу конфликтологического подхода в криминологии, в основе которого лежали классические работы К. Маркса, В. Бонгера, Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа.

Теория конфликта исходит из предположения, что в гетерогенном обществе нет и не может быть единства и согласия в отношении его базовых ценностей. Экономически сильная социальная группа или класс определяют содержание уголовного закона на основе приоритета системы своих ценностей, который и задает юридически оформленные стандарты поведения. Закон и полиция защищают интересы тех, кто имеет экономическую и политическую власть. Если представители менее сильных групп действуют в соответствии с внутригрупповыми ценностями, идущими вразрез с законом, то это — путь к девиантному поведению и преступности.

---

¹ Akers R. *Criminological theories: Introduction and Evaluation*. 2nd ed. Los Angeles: Rox-bury publishing company, 1997. P. 176–177.

Отсюда конфликтологический подход применим как к объяснению закона и уголовного правосудия, так и девиантного, делинквентного поведения.

Конфликтологический подход в американской и британской критической криминологии 60-х, 70-х годов прошлого столетия был реализован не только в теории законотворчества, но и радикально-критических теориях девиантного и преступного поведения.

В США первыми представителями критической, но немарксистской традиции стали Георг Волд (1958) и Остин Терк (1969). Разработку неомарксистского направления предприняли Уильям Чемблисс и Роберт Сейдман (1971). Важным стартовым рубежом на этом пути стали книги британских авторов Яна Тэйлора, Пола Уолтона и Джока Янга «Новая криминология» (1973) и «Критическая криминология» (1975). В этих работах анализируются радикальные подходы к пониманию преступности, дается острая, критическая оценка капиталистической системе. Правонарушитель рассматривается как ее жертва, а преступность выступает, в конечном счете, следствием классового неравенства.

В дискуссиях об использовании эвристического потенциала конфликтологического подхода криминологи часто ссылаются на К. Маркса и В. Бонгера, но не меньший взнос в его разработку внес Г. Зиммель, рассматривавший конфликтное взаимодействие как фундаментальный социальный процесс. Его главным последователем в криминологии начала второй половины XX века был Джордж Георг Волд, который в работе «Теоретическая криминология» (1958) описал социальный конфликт как «универсальную форму взаимодействия»¹. Криминолог обосновал положение о том, что групповые конфликты объясняют не только природу уголовного закона и правосудия, но и преступного поведения. Волд считал, что индивид, прежде всего, принадлежит к определенной социальной группе, связан с нею общими ценностями, нормами и статусно-ролевыми характеристиками. Между группами существуют различия в целях и интересах, что приводит к противоборству между ними за более высокое положение в социальной иерархии. Группы, выигравшие соперничество, получают возможность осуществлять квалификацию социального поведения своих оппонентов вплоть до

---

¹ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 366.

определения его как преступного, используя законодательную и исполнительную власть.

По Волду, весь политический процесс создания закона, его нарушения и правоприменения — прямое отражение укоренившихся фундаментальных конфликтов между заинтересованными группами. Те, кто имеет законодательное большинство, приобретают контроль над законотворчеством и полицией. Именно они решают, кто вероятнее всего будет привлечен к суду за нарушение закона.

Волд придавал особое значение конфликту среди более или менее организованных и заинтересованных групп. Он исключал импульсивные, иррациональные акты преступной природы, которые не связаны с групповым противостоянием. Позицию Волда поддержал Томас Бернارد (1986), дополнив ее своими аргументами. Волд и Бернارد впоследствии предложили «унифицированную конфликтную теорию» для объяснения и преступного поведения и уголовного закона, опираясь на исходный посыл Волда о «несоизмеримых и противоречивых наборах ценностей и интересов» между конфликтующими группами.

В 1960-ые годы, после выхода работ Г. Волда, Остин Терк, а затем Уильям Чемблисс также реализовали конфликтологический подход в криминологической теории. Они утверждали, что теоретики криминологии слишком долго занимались поисками причин преступного поведения, поэтому их внимание должно быть сосредоточено на объяснении уголовного закона. Согласно Терку, центральная задача теории состоит не в том, чтобы выяснить причины преступного поведения, а в том, чтобы объяснить процесс, в ходе которого отклоняющееся поведение формально определяется как преступное.

Основные положения своей теории О. Терк изложил в книге «Преступность и законный порядок» (1969). Терк отверг идею формирования криминальной карьеры с социально-психологических позиций, как это отчасти делали Э. Сатерленд, И. Най и другие теоретики. Подобно некоторым сторонникам теории стигматизации, он рассматривал криминализацию как обретение статуса в рамках взаимодействия между теми, кто создает уголовное право, интерпретирует и применяет его нормы (законодатели, полиция, судебная система). Терку было важно выяснить то, каким образом люди

могут быть подвергнуты криминализации, приобретая статус преступника.

Анализируя правосудие и политическую систему американского общества, исследователь пришел к радикальному выводу, что криминализация — следствие социального конфликта между теми, кто обладает и не обладает политической властью. Причем, чем больше политические различия между властью имущими и подвластными группами, тем больше вероятность противостояния между ними и возможность криминализации оппонентов.

В концепции криминализации Терка преступность есть отражение борьбы за власть, в ходе которой влиятельным социальным группам удается закрепить определенные ценности в нормах права. Поэтому нарушение существующих законов подпадает под дефиницию уголовно наказуемого деяния. Следовательно, определение официальной властью индивида как преступника и есть содержание процесса криминализации. Социолог-функционалист Нейл Смелзер лаконично поясняет это положение следующим образом: «Полиция в первую очередь применяет законы, направленные против бедняков и не причастных к власти, тех, кого можно подавлять, не встречая сопротивления»¹.

В американской криминологии 1970-х годов возросло влияние неомарксизма. У. Чемблисс, Р. Куинни, Э. Платт и другие теоретики перешли на более радикальные, критические позиции, разделяя основные идеи К. Маркса. Согласно марксистской теории, капиталистическое общество состоит из социальных классов: капиталистов, владеющих средствами производства и контролирующими власть, а также не имущего пролетариата, отстраненного от власти, но обладающего гипотетическим правом выбора. Монополия капиталистов на средства производства дает им возможность формировать государственную власть. Политические силы, выражающие интересы капитала, определяют гражданское и уголовное законодательство, регулируют судопроизводство. Подавленный капиталистической системой пролетариат не имеет возможности изменить ситуацию, ограничить эксплуатацию и защитить себя от притеснений. У капиталистов и пролетариата антагонистические классовые интересы. Данная ситуация останется неизменной до тех пор, пока классовые

---

¹ Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 215.

конфликты не приведут к революции и не будет свергнута власть и экономика капиталистов.

Конфликтологи Волд, Бернارد, Терк, с одной стороны, и неомарксисты Чемблиз, Куинни, Платт солидарны относительно того, что при «развитом капитализме» в руках правящих групп или классов сконцентрирована вся экономическая и политическая власть.

Уильям Чемблисс совместно с Робертом Сейдманом опубликовал работу «Закон, порядок и власть» (1971). Этот труд представляет собой некое подобие моста, соединяющего позиции теоретиков конфликта, развивающих подход Зиммеля и сторонников Маркса. Чемблисс и Сейдман показывают, что капиталисты как доминирующая группа с помощью применения правовых норм обеспечивают себе гарантированное превосходство и привилегии.

В 1975 году Чемблисс в работе «К политэкономии преступности», анализируя капиталистическую систему, широко использует понятия, заимствованные из марксистской теории: социальный класс, классовые интересы, классовый конфликт. С их помощью Чемблисс обнажает классовую природу капитализма, считая ее основным фактором глубоко укоренившейся преступности. Кроме того, он раскрывает несправедливость и нечестность легальной власти. Чемблисс показывает, что представители господствующего класса капиталистов нарушают уголовный закон не реже рабочих, но при этом избегают наказания. Селективность правосудия объясняется ученым не тем, что высокопоставленные делинквенты умны или имеют индивидуальные способности скрываться от полиции, а тем, что фемида выражает интересы господствующей элиты. Уголовное законодательство, которое создают и применяют ее клеветы, преследует тех, кто не принадлежит к капиталистическому классу¹.

Сущность вопроса по Чемблису не в том, кто и что совершает, а в том, кто на кого может навесить ярлык криминального действия. Основанием этого социально-политического процесса является «структура общественных отношений, детерминируемая политической экономией»². Следовательно, преступные действия, совершае-

---

¹ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 371.

² Chambliss W. Toward a political economy of crime // Rubington E., Weinberg M.S. (eds.), The study of social problem: seven perspectives. N.Y., 2003. P. 241.

мые в интересах господствующего класса, не подвергаются уголовному преследованию, в отличие от тех, которые им не служат. Как это актуально звучит для оценки тотальной коррумпированности и делинквентности бизнес-класса и высших клерков в современной России!

Классическая марксистская теория утверждает, что изменение общественного строя и улучшение положения пролетариата могут произойти только интенсивным путем с помощью революционного насилия. Неомарксисты отходят от этой позиции и выступают в пользу реформ и других «неинтенсивных» мер при построении демократического социализма.

Весьма значительный вклад в конфликтологический дискурс в криминологии вносит неомарксист Ричард Куинни в своей книге «Социальная реальность и преступление» (1975). Он радикально-критически оценивает рыночный капитализм, считая, как и Чемблисс, что его классовая природа является общей причиной современной преступности. При этом Куинни еще более радикально подчеркивает роль политического конфликта между классом капиталистов и пролетариатом в формировании и функционировании уголовного законодательства, в объяснении различных форм девиантности и преступного поведения.

Вся реальная власть, по Куинни, всецело принадлежит правящему классу, главные цели которого состоят в ее удержании и поддержке буржуазного общественного устройства, в том числе с помощью системы обеспечения правопорядка. Капиталисты, преследуя эти цели, отстаивают интересы, прямо противоположные интересам пролетариата, растапывая при этом продекларированные либеральные права и свободы. Поэтому основное противоречие между реальностью угнетения масс и демократическими идеалами свободы и равенства ввергает буржуазную элиту в «кризис законности»¹.

Р. Куинни — типичный представитель инструментального неомарксизма. Он рассматривает уголовный закон как полностью подконтрольное средство (инструмент) государственной власти, используемое классом капиталистов для подавления рабочего класса и народных масс. Сторонники структуралистского направления в неомарксизме (У. Чемблисс, Д. Гринберг) считают, что государство не

---

¹ Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Rox-bury publishing company, 1997. P. 162.

полностью контролируется правящей элитой, и закон не всегда является инструментом для осуществления ее интересов (принимаются законы, направленные против капиталистов). Более того, сама элита не является монолитной группой, свободной от конфликтов. При капитализме уголовное законодательство и пенитенциарная система выстроены, согласно Куинни, не для контроля над преступностью и обеспечения благосостояния общества, а ради подчинения народных масс. Например, лишение свободы установлено не столько в качестве основного наказания для осужденных преступников, сколько в качестве средства «перекачивания» в места лишения свободы излишней (не занятой на рынке) рабочей силы. Этот избыток рабочей силы вне пенитенциарной системы представляет потенциальную угрозу классу капиталистов, если пролетарии смогут организовать и примкнуть к революционному движению.

Таким образом, по Куинни, система законодательства, уголовного правосудия, пенитенциарная система — это инструменты, служащие «развитому капитализму» не для того, чтобы защищать общество и его граждан от преступности, а для того, чтобы подавлять трудовой народ, обеспечивая господство класса капиталистов.

Теория преступности Куинни опирается на марксистский тезис о том, что социально-классовая структура капиталистического общества сама по себе является коренной причиной преступности. По оценке британского криминолога неомарксиста Яна Тейлора, преступление — это существенное следствие эксплуатации и угнетения рабочего класса капитализмом. Большинство преступников, вышедших из рабочего класса, вынуждены совершать преступления из-за необходимости в выживании, деликты других квалифицируются как мятеж или политические преступления. Р. Михаловски (1985) рассматривает корыстные уголовные и бытовые преступления как преступления по причине бессилия выходцев из среды пролетариата приспособиться к рыночным условиям¹.

Куинни разделяет такие взгляды на специфику преступного поведения, но при этом он существенно расширяет палитру преступных деяний. К деликтам, совершаемым рабочими с целью выживания или протеста, он добавляет преступления, характерные для правящего класса, которые тоже являются результатом капитали-

---

¹ Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Rox-bury publishing company, 1997. P. 169.

стической системы. Так, класс капиталистов фактически безнаказанно совершает экономические преступления с целью накопления капитала. Это финансовые спекуляции и манипуляции с ценами; загрязнение окружающей среды; правительственные преступления, совершаемые выбранными и назначенными должностными лицами (коррупция); репрессии правоохранительных органов «во имя закона», обычно направленные против тех, кто обвиняется в его нарушении (насилие и жестокость по отношению к представителям низших социальных слоев — признанный атрибут полиции в капиталистических странах). Все они служат обеспечению господства буржуазии.

В работе «Класс, государство и преступность», вышедшей в 1980 году, Р. Куинни структурировал оригинальную типологию преступного поведения.

«Преступность приспособления» в виде краж, грабежей, убийств и изнасилований распространена в среде рабочих, пострадавших от капиталистической системы. «Преступность сопротивления» включает бессознательную протестную реакцию рабочих на эксплуатацию. Правящему капиталистическому классу и тем, кто его обслуживает (менеджеры и «белые воротнички»), характерна «преступность доминирования и подавления».

В другой своей книге «Критика узаконенного порядка: контроль преступности в капиталистическом обществе» (1994) Куинни подчеркивает, что противозаконное поведение власть предержащих во многом не пресекается правосудием. В сфере экономики, управления и контроля это касается, в частности, таких деликтов, как: сокрытие доходов от налогообложения, обман потребителей, коррупция и злоупотребление политической властью. Причем по отношению к люмпенизированным слоям населения уголовное преследование за такие преступления распространяется в полной мере.

Конфликтологические, неомарксистские теории преступности имеют важное методологическое и практическое значение, так как они не только указывают на пороки современного капиталистического общества, его системы законотворчества и формального социального контроля, но и радикализируют меры по реформированию общественного строя и противодействию преступности. Неомарксистская криминология выдвинула ряд теоретических обобщений,

разоблачающих различные аспекты скрытого социального контроля по подавлению неимущего класса, осуществляемого в капиталистическом обществе. Теоретики инструментального неомарксизма поставили весьма актуальный вопрос о преступности в смысле «артефакта», обратив внимание на безнаказанность «белых воротничков» и элиты, преступников из высших слоев общества, что крайне актуально при изучении коррупции и должностной преступности в современной России.

Неомарксистская криминология «проливает свет» на ситуацию с должностной преступностью белых воротничков и элиты, коррупцию в высших эшелонах российской власти, на селективность и слабость отечественной полицейской системы и фемиды. Еще на слуху коррупционные скандалы в Минобороны (дело «Оборонсервиса»), таможенном ведомстве, в Минсельхозе, Минрегионразвития, Минздравсоцразвития, Минэкономразвития, в «Российских космических системах» при реализации проекта ГЛОНАСС, при подготовке саммита АТЭС, при строительстве космодрома на Дальнем Востоке достигли в последнее время небывалых масштабов и широкой общественной огласки. Не менее скандальные коррупционные преступления имеют место в региональных и местных структурах власти (в Москве, Санкт-Петербурге, в республиках Кавказа и Поволжья, на юге России). Факты казнокрадства в системе ЖКХ, отопления, водоснабжения, дорожного ремонта и строительства систематически всплывают во всех российских городах и регионах.

Между тем положения и выводы немарксистских и неомарксистских теорий преступности позволили изменить законодательство некоторых развитых стран, повести более эффективную борьбу с коррупцией в среде истеблишмента, бизнес-сообщества, в высших эшелонах власти. В отношении многих высокопоставленных должностных лиц стали проводиться расследования и возбуждаться уголовные дела (например, уголовное разбирательство и отставка президента Никсона в результате уотергейтского скандала, расследование против бывшего федерального канцлера Г. Коля и партии христианских демократов в объединенной Германии и др.). Стало меняться в лучшую сторону отношение правосудия к девиантам — выходцам из низшего класса.

В 80-е и 90-е годы прошлого века в академической среде уменьшилось количество криминологических работ, ориентирующихся

на инструментальный неомарксизм, и возросла доля публикаций, далеко выходящих за его пределы. Новые радикальные теории преступности, составили основу современной критической криминологии. Все они занимают критические позиции по отношению к традиционной позитивистской криминологии, современному рыночному капитализму западного образца, его системе правотворчества, уголовного судопроизводства и исполнения наказаний.

Левый реализм как направление в критической криминологии сложился в работах британских криминологов Мэтьюза и Джона Янга (1987, 1992). В США его популяризацией занимался Уолтер ДеКессереди¹. Левый реализм возник в значительной степени как реакция на левый идеализм с тем, чтобы дать адекватное определение преступности и предложить пути ее сокращения. Дж. Янг сформулировал концепцию «квадрата преступности», выделив четыре базовых его элемента: государство, общество, преступник и жертва. Именно эти элементы, по Янгу, оперируют в пространстве и времени, продуцируя преступления.

Левые реалисты критикуют позиции левых идеалистов и ортодоксальных марксистов в понимании преступности. Они не рассматривают систему уголовного правосудия, созданную правящим классом, как инструмент для поддержки его гегемонии и подавления народных масс. Левые реалисты не считают, что уголовная юстиция не обеспечивает реальный контроль над преступностью и нуждается в демонтаже. Они исходят из того, что не только среди преступников, но и среди жертв преступлений большинство составляют представители низших классов. При этом не рассматривают участников уличной преступности и «белых воротничков», замеченных в криминале, «революционными солдатами в классовой борьбе»².

Левые реалисты полагают, что уличная преступность реальна и опасна, особенно для представителей низших классов, тех, кто является жертвой классового неравенства и угнетения. Они предлагают не ослаблять борьбу с преступностью, но вести ее в направлении превенции, снижения сроков заключения и минимального их использования. Левые реалисты предлагают реформировать систе-

---

¹ Shmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 576.

² Akers .R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Rox-bury publishing company, 1997. P. 179.

му уголовного правосудия, сделать ее более эффективной, снизить репрессивность законодательства при усилении правительственной помощи рабочему классу и беднейшим слоям общества.

В соответствии с левым реализмом, только «социалистические преобразования», в конечном счете, могут существенно ослабить объективные предпосылки преступности, снижая остроту социального неравенства, и обеспечить общественную безопасность при демократическом контроле за работой полиции.

Таким образом, «левые реалисты» признают остроту и реальность проблемы преступности, меняют тональность критики капиталистического общества и его системы уголовного правосудия, выступают последовательно с менее радикальных, но реформаторских позиций.

Левый реализм позволил произвести переоценку некоторых радикальных положений критической криминологии, способствовал продвижению полицейской реформы в Британии и вдохновил на новые исследования и теоретические поиски. Так, Джок Янг во второй половине 90-х годов в работе «Исключенное общество» (1999) для объяснения девиантности и преступности использовал и активно продвигал социологическую теорию дифференцирования людей «inclusive-exclusive» на «включенных» и «исключенных». «Включенные» — это успешные граждане с гарантированной реальностью благополучия, «исключенные» — те, у кого нет перспектив, кто навсегда застрял на обочине современной жизни, пополнив ряды девиантов. В начале XXI века Янг участвовал в создании нового научного направления — культуральной криминологии, в рамках которого преступность — продукт общества, часть или элемент его культуры. Культуральная криминология сосредоточилась на изучении преступлений и культуры различных неформальных групп (байкеры, скинхеды, художники в стиле граффити и др.). Молодежные группировки, сплоченные вокруг образов, стилей, символических значений и удовольствий, основанных на сопротивлении власти, — объект специальных исследований ее представителей.

Концептуализация миротворческой криминологии как критического дискурса состоялась в книге «Криминология как миротворчество» (1991). Ее популяризация — заслуга Гарольда Пепински (1917–1998) и Ричарда Куинни. Последователями миротворческого подхода и аболиционизма в Европе стали скандинавские криминоло-

ги Т. Матисен, Н. Кристи, голландец Л. Хусман. В основе миротворческой криминологии лежат гуманистические идеи из некоторых религиозных, марксистских, феминистских учений. Христианство, буддизм проповедают смирение, любовь к ближнему, отказ от насилия, а современная система уголовного правосудия опирается на принципы репрессивного противодействия преступности. Светские подходы к мирному решению проблемы преступности, по Андерсону, опираются на традиции, заложенные Марксом и Ганди. Защитница прав женщин Харрис считает, что феминизм поднимает вопросы гармонии, заботы, любви, идущие вразрез с правительственной, по сути, мужской властью в ее войне против преступности.

Пепински и Куинни уподобляют борьбу с преступностью репрессивными средствами военным действиям и считают, что пришло время найти средства примирения преступника и его жертвы, полиции и общества. Представители миротворческой криминологии основательно критикуют систему уголовной юстиции и правосудия, современную пенитенциарную систему, предлагая покончить с преступностью и страданиями на основе религиозных и светских принципов миролюбия, любви к ближнему, отказа от насилия. Миротворческая криминология предлагает меры возвращения и реинтеграции осужденных в общество с тем, чтобы «облегчить страдания и уменьшить масштабы преступности»¹. На смену политике «войны с преступностью», по их мнению, должна прийти политика «мира с преступностью», поскольку рост насильственной преступности в развитых странах вызван эскалацией насилия со стороны государства. «Миротворцы» и аболиционисты выступают за отказ от института смертной казни и репрессивной полицейской и пенитенциарной системы, выдвигая стратегию уменьшения вреда (*harm reduction*).

Феминизм в радикальной криминологии представлен трудами Ф. Адлер, Р. Саймон, К. Дейли, М. Чесни-Линд, М. Маерс, Д. Клейн. Феминистская криминология опирается на анализ различий по социальному (гендер) и биологическому (секс) полу, а также фундаментальное положение, состоящее в том, что женщины по причине гендерной дискриминации находятся в подчиненном положении и процессе устранения этой зависимости.

---

¹ Akers. R.L. *Criminological Theories: introduction and evaluation*. 2nd ed. Los Angeles: Rox-bury publishing company, 1997. P. 182–185.

Ранние работы Фреды Адлер «Сестры в преступлении» (1975) и Риты Саймон «Женщина и преступление» (1975) поставили проблему расхождения в уровнях преступности между женщинами и мужчинами. Объяснение этого феномена они нашли не в биологических различиях, а в специфике социализации, в приобретении феминной или маскулинной идентичностей¹.

Феминистская теория критикует патриархальный характер дифференциации общества на доминирующие и подчиненные гендерные группы. Привилегированные мужчины управляют, создают правила и следят за их соблюдением. В этой системе женщины находятся в невыгодном положении, поскольку ограничены требованиями гендерных ролей и подвержены более жесткому формальному и неформальному социальному контролю. Сторонники криминологического феминизма не удовлетворены традиционными позитивистскими теориями преступности, поскольку те ориентированы на объяснение преступного поведения только со стороны мужчин. Они считают, что все существующие социоструктурные теории созданы для того, чтобы объяснять преступность мужчин и протестированы только на мужских популяциях. Теоретики криминологического феминизма ставят задачу «просеять патриархальные науки» и выработать феминистский подход к преступности и уголовному правосудию. Они считают, что криминологическое знание определяется жизненным опытом, сформированным одним гендером (также как одной расой, классом и этносом). И пока в криминологии доминируют мужчины, существующие теории преступности имеют серьезные изъяны «мужского» видения этой проблемы. При этом и предлагаемые меры на криминальные вызовы тоже «продукт белых, экономически привилегированных мужчин»².

Ранние теоретики феминизма видели причину роста женской делинквентности в усвоении женщинами мужских ролей. Теория властного контроля предполагала, что патриархальная семейная система создает более делинквентных мальчиков и менее делинквентных девочек. Либеральный феминизм детерминанты преступности вычленил, исходя из специфики гендерной социализации. Женской

---

¹ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 568–569.

² Akers R. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 189.

преступности препятствуют гендерные нормы, более плотный социальный контроль (готовность рисковать поощряется у мальчиков и пресекается у девочек), физическая слабость и уязвимость женщин по сравнению с мужчинами, репродуктивно–сексуальные отличия женщин и мужчин. Феминистские криминологи активно используют тезис о патриархальной природе женской дискриминации с тем, чтобы проанализировать и объяснить изнасилования и другое сексуальное и физическое насилие мужчин над женщинами и женские правонарушения. Феминистская теория преступности все еще формируется: до сих пор нет хорошо развитой и структурированной ее модели. Теоретики феминизма приближаются к решению этой задачи, акцентируя внимание на специфике гендерных и половых ролей, которые недооценивают другие исследователи.

Таким образом, теоретики феминизма при изучении женской девиантности и преступности считают ключевыми факторами специфику социализации и социального контроля, обусловленные гендером, половые различия, возраст, которые другие теории игнорируют. При этом наряду с поло–ролевыми факторами они отводят весьма важную роль в объяснении отклоняющегося поведения женщин фоновой патриархальной структуре, которая пронизывает все стороны жизни современного капиталистического общества. Феминистская теория объясняет решения уголовного правосудия как отражение мужского превосходства и доминирования путем поддержки патриархальных норм и дискриминации женщин, укрепления их традиционных половых и семейных ролей. Чесни–Линд считает, что с девушками обращаются более строго, чем с юношами в случае незначительных правонарушений, потому что патриархальная система «сексуализирует» их правонарушения, как угрозу традиционным представлениям о половых ролях. С ее точки зрения, это убедительный пример того, как общество мужского превосходства поддерживает патриархальный контроль над женщинами.

3.4. Постмодернизм о преступности

Постмодернизм как особый стиль социологического воображения и теоретизирования, методология реконструкции и познания старых и новых социальных проблем, в том числе преступности и девиантности, — детище второй половины XX века. Философия постмодернизма уходит своими корнями к Ф. Ницше, М. Хайдег-

геру, французской социальной мысли конца 1960-х и 1970-х годов прошлого века. Она противопоставляет себя гегельянству, подвергая резкой критике идеи западного рационализма и логоцентризма. Творцы и последователи постмодернизма в общественном знании — французские философы Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, итальянский философ Дж. Ваттимо, британский социолог З. Бауман.

Исследователи рассматривают постмодернизм как переходную эпоху, как иной образ жизни и новую культуру. Постмодернизм отражает транзит общества от эпохи модерна к состоянию постмодерна на фоне ускорения технологических и социальных изменений, его переход от классовой структуры к модели фрагментарного, мозаичного типа. Экономика постмодерна больше ориентирована на производство идей, знаний, информации, на оказание услуг для удовлетворения индивидуальных потребностей и массового консьюмеризма, на производство новых высоких технологий.

Постмодернизм возник как реакция, рефлексия на кризис позитивистской науки и практики эпохи модерна, на социальные изменения в поздних индустриальных и постиндустриальных обществах, когда наблюдается обострение многих социальных, техногенных, экологических проблем, когда при резком увеличении неопределенности социальных явлений становятся очевидными их проявления, связанные со случайностью, многовариантностью, альтернативностью.

Позитивизм, как мейнстрим в науке эпохи модерн, опирается на убеждение о том, что в мире существуют универсальные вещи, которые могут быть обнаружены через изучение причин. Модернистская наука рассчитывала на постижение истины с помощью позитивистских знаний и эмпирических методов с целью рационального преобразования несовершенной действительности путем искоренения невежества, развития демократии, обеспечения свобод, правосудия, движения к хорошей, благополучной жизни и процветанию.

Модернизм вселял надежду на решение проблем голода, бедности, преступности. Он приравнивал социальные изменения к прогрессу, который увеличивает контроль над природой и обществом. Однако реальность XX века и наступившего XXI с разрушительными войнами, геноцидом, преступностью, социальными и техногенными катастрофами развенчала иллюзии прекраснодушного модернизма.

Применение всеобъемлющих социальных теорий, традиционной позитивистской методологии, созданных в эпоху модерн, для исследования размытых, во многом эфемерных, постоянно ускользающих, диффузных социальных реалий в постиндустриальном мире, в том числе релятивных и конвенциональных девиантности и преступности, стало непродуктивно. В общественной науке второй половины прошлого века разразился «кризис детерминизма» и причинности. Стала очевидна ограниченность позитивистской теории и методологии для объяснения социальных феноменов в быстроменяющемся мире постмодерна.

Альтернативная постмодернистская логика анализа характеризуется как новый тип теоретизирования, открытый не только для рациональных, но и для иррациональных понятий. Постмодернизм — это и новые методологические подходы и методы в обществоведении. Исследователи используют дискурсивный анализ, теорию нелинейных динамических систем, теорию хаоса, теорию катастроф, синергетический и другие подходы¹.

Для философии и социологии постмодернизма присущи рефлексивность: способность к самопознанию, пастиш (смешение стилей, заимствованных из различных контекстов). Критический постмодернизм характеризуется интенсивным скептицизмом по отношению к позитивистской науке, возможностям человеческого разума, релятивизацией всех знаний. Он ставит под сомнение эффективность научно-рационалистических теорий, созданных в эпоху модерн, поддерживает плюрализм различных концепций и предлагает замену эмпирически обоснованных теорий постэмпирическими. По сути, постмодернизм представляет собой экстерниоризацию той части социального опыта, который не выражен институциональными средствами и структурами современного общества. Он больше имеет дело с социальной коммуникацией, дискурсами, делая их центральными категориями постмодернистского типа мышления. В рамках постмодернизма виртуальная сконструированная социальная реальность (симулякры и симуляции, по Ж. Бодрийяру) детерминирует реальность объективную.

Постмодернизм проблематизирует представления о преступности, современном порядке, контроле и власти в обществе. В рам-

---

¹ Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y. - L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

ках постмодернистского подхода ни социальные науки в целом, ни девиантология и криминология, в частности, не содержат никаких основополагающих объяснений или универсальных законов конформного и девиантного поведения, а лишь вводят в заблуждение, что требует отказа от позитивистских моделей или их критического пересмотра.

Постмодернистская криминология как критическое научное направление формируется в 80-е, 90-е годы на исходе века в работах Б. ДиКристина, Э. Янг, Дж. Фэррела, К. Хейворда, Д. Миловановича не как одна теория, а как группа относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского анализа девиантности и преступности. Среди них: конститутивная, феминистская, критическая, культуральная, реалистическая, топологическая, анархическая криминологии.

Постмодернистская криминология — это ответ науки на социальные вызовы и перемены в сфере девиантности и преступности, обусловленные переходом общества к эпохе постмодерна. Криминология постмодерна стала востребована потому, что прежние позитивистские теории недостаточно адекватно объясняют причины девиантности и преступности и, следовательно, предлагают не вполне реалистичные решения по совершенствованию социального контроля и уголовного законодательства.

Большинство постмодернистских подходов в криминологии являются деконструкционистскими, поскольку они бросают вызов нередко вполне эффективным теориям преступности, переосмысливают и разоблачают их несостоятельность в новых условиях и выдвигают новые замещающие теоретические конструкции более релевантные обществу постмодерна¹. Так, например, Брюс ДиКристина предложил свой вариант деконструкционистского подхода под названием «анархическая криминология»². Его теория охватывает альтернативные методы и эпистемологию, поддерживает символически реконструированные решения социальных и криминальных проблем.

---

¹ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 562.

² DiCristina B. Methods in criminology: a philosophical primer. Harrow and Heston. N.Y., 1995.

Различные варианты постмодернистской криминологии конструируют и деконструируют социальные и правовые нормы, девиантность, преступность, социальный контроль, рассматривая их в предельно широком социокультурном, интегральном контекстах, то есть контекстуально.

Криминолог-постмодернист феминистского направления Э. Янг в работе «Образ преступления: человек, объявленный вне закона, и криминальные беседы» (1996) переосмыслила криминологические тексты, предлагая «прочитать криминологию не криминологически». Янг проводит дискурсивный анализ, исследует роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения¹. Она исследует проблематику одиночества в жизни женщин и семьи, поднимает вопросы ответственности родителей за девиантность детей, постмодернистски «прочитывает» и «реконструирует» тему СПИДа.

Другой вариант постмодернизма в криминологии представлен в работе одного из основателей конститутивной криминологии Драгана Миловановича «Криминология постмодерна» (1997). Милованович использует приложения семиотики и семантики для изучения преступности и реконструкции уголовного закона.

Преступность и контроль над ней рассматриваются криминологом как релятивные социальные конструкты, а также как неопределенные, взаимосвязанные, релятивные, динамические и диалектические явления, продуцированные в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество.

В понимании постмодернистов преступность еще и рекурсивная продукция, поскольку люди создают (конструируют) себя и собственный мир через взаимодействие с окружающими в процессе речевой коммуникации. Посредством языка и символических представлений они идентифицируют отличия, определяют категории, тем самым участвуют в социальном конструировании преступности и порядка. При этом человек не только формирует действительность, но и сам изменяется под ее влиянием. Отсюда девианность и преступность, социальный контроль — это рекурсивный результат, однообразные действия, которые стали частью исторического

---

¹ Young A. *Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations*. N.Y.: Sage Publications, 1996.

и культурного общения, достигшие относительной стабильности в определенном времени и пространстве.

Таким образом, в рамках постмодернистской криминологии преступность — интегральная часть общества, это результат совокупного воздействия всех его элементов, а не их отдельное влияние. Она вызвана социальной структурой и идеологией, разделяющих отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии¹. Следовательно, и преступник, и его жертва — результат неравного распределения и влияния власти, то есть структурированного неравенства.

Развитие современной криминологии в постмодернистской перспективе — реальный факт, позволяющий увидеть новые базовые черты науки о преступности в третьем тысячелетии. Попытку структурировать их сделал американский криминолог–постмодернист Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Будущее криминологии видится Уэллсу в следующих утверждениях:

- более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаризматическая, чем детерминистская;
- ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;
- нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;
- более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области².

---

¹ Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y - L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

² Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 561.

4. Интеграция криминологических знаний: направления, теории, перспективы

4.1. Предпосылки теоретической интеграции, типы причинности

Первые попытки интегрировать различные подходы в конструировании теорий социального научения девиантности и преступности прослеживаются, начиная с работ Э. Сатерленда в его теории дифференциальной ассоциации (1939) и последующих ее модификациях, предложенных Д. Глейзером (1956) и Р. Айкерсом (1966). Структурные теории напряжения в ходе модификации были дополнены явно выраженным субкультурным подходом, как это произошло с теорией фрустрации статуса А. Козна (1955). В начале 90-х годов XX века в общей теории напряжения Р. Агню, широко учитывается интегративный эффект когнитивных, поведенческих и эмоциональных составляющих адаптации индивидов к различным типам напряжения в социальной системе¹.

Позитивистские теории преступности в своем построении, начиная с середины XX века, в той или иной мере содержат элементы интегративности.

Одну из любопытных модификаций конфликтологической теории преступности предложил неомарксист структуралистской ориентации Дэвид Гринберг в работе «Делинквенция и возрастная структура общества» (1981). Гринберг, опираясь на базовые положения марксистской криминологии, привлек к своему анализу непротиворечивые положения из теорий социального научения, дифференциальных возможностей, социального контроля.

Как известно, неомарксисты не отрицали того, что социально-психологические процессы, формируемые в рамках социально-классовой структуры, имеют значение в понимании преступности и уголовного правосудия. Характеризуя эти структуры, они уделяли особое внимание организации экономической активности с учетом политических и экономических изменений в обществе.

---

¹ См. подробнее: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 98–139.

В частности, Д. Гринберг обратил внимание на дифференциацию возможностей и специфическое распределение преступности в классовом обществе по возрастному критерию. Он обнаружил заметные диспропорции доли несовершеннолетних, вовлеченных в преступления, по отношению к числу преступников из других возрастных групп. Гринберг предположил, что у несовершеннолетних молодых людей из всех классов капиталистического общества закрыт доступ на рынок труда. И, если родители, принадлежащие к угнетаемому классу, не могут приобрести подросткам необходимые вещи или продукты, то им приходится самостоятельно решать эту проблему, прибегая к другим, чаще всего незаконным способам заработка. Такой выбор молодые люди психологически оправдывают тем, что в силу возраста цена преступления в этом случае еще не велика: чем моложе, тем меньше риск наказания. И даже когда перед совершеннолетними откроется рынок труда, молодые люди по-прежнему могут прибегать к нелегитимным средствам заработка¹. Гринберг считал, что делинквентность несовершеннолетних при социализме идет на убыль по сравнению с капиталистическими странами.

Состязательность и взаимная критика представителей различных теоретических перспектив в криминологии конца XX века стимулировали дальнейшее развитие теорий преступного поведения на пути теоретической интеграции. Действительно, ни позитивистки выстроенные структурные теории, ни процессуальные теории феноменологической ориентации, ни критические концепции, созданные в других теоретических парадигмах, не позволяли до конца охватить и выразить все проявления и природу криминальных актов.

Запас знаний и научных исследований в этот период был еще недостаточным, чтобы выделить самостоятельный дискурс теоретической интеграции в рамках более сложных концепций, объясняющих изменения темпов насильственной преступности представителей низшего класса или моделирующих латентную делинквентность в среде «белых воротничков» и буржуазной элиты. Рост числа девиантных проявлений, их дифференциация, а также неспособность системы формального социального контроля в развитых странах Запада и, прежде всего, в США сбить «волну преступности» во

---

¹ Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Rox-bury publishing company, 1997. P. 170–171.

второй четверти прошлого века привели к «кризису наказания» или «полицейского контроля». В новых социальных условиях сложился запрос на разработку интегративной парадигмы в криминологии. Интегративный подход в моделировании природы делинквентности и других форм социального неблагополучия предполагает более полный учет различных сфер человеческой деятельности, синтез причинно-следственных связей, заимствованных из ряда непротиворечивых монотеорий.

Интегративная перспектива анализа девиантности и преступности стала формироваться со второй половины 70-х, в 80-х гг. прошлого века как реакция на ограниченность объяснительных возможностей большого количества позитивистских и непозитивистских монотеорий девиантности и преступности в новых социальных условиях. Процесс интегративного научного поиска подстегнуло развитие альтернативных позитивизму феноменологических и постмодернистских подходов. Дополнительным импульсом к развитию интегративных теорий послужила острая критика позитивистского подхода, объективизма и детерминизма со стороны феноменологической и постмодернистской криминологии.

Первой принято считать теоретическую интеграцию в рамках неопозитивизма, которая отражала интенции уходящей эпохи модерна. Теоретическая интеграция рассматривалась криминологами-позитивистами как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем в каждой исходно взятой теории. В процессе разработки интегративной теории в нее могут как включаться, так и не включаться совместимые (непротиворечивые) суждения и идеи из других теорий¹.

Интерес к теоретической интеграции на этом этапе развития криминологической науки был вызван и тем, что ее сторонники стремились разработать базовые понятия и принципы, способные обеспечить согласованность положений отдельных теорий и выстроить более комплексные, если не всеобъемлющие, этиологические модели преступности. Так, Джек Гиббс (1989) определил понятие «контроль», а Стивен Месснер и Ричард Розенфельд (1994)

---

¹ Akers R Criminological theories: Introduction and Evaluation... P. 205–206.

идентифицировали концепт «культура» как центральное понятие интегративной теории.

Интегративный подход стал многообещающим в более адекватном комплексном объяснении множественных причинно-следственных связей, продуцирующих преступность. За модернистскими интегративными теориями преступности последовали и постмодернистские модели теоретической интеграции.

Многообразие подходов к теоретической интеграции привело впоследствии к формированию гибридных (смешанных) вариантов интеграции, сочетающих положения и методы, созданные в рамках модернизма (позитивистские принципы, факты и ценности эмпиризма) и постмодернизма (постмодернистский реконструкционизм). В начале XXI века в интегративном дискурсе были заявлены и пост-постмодернистские варианты теоретического синтеза.

Эйнстэдтер и Генри в 1995 году выделили четыре типа причинности в контексте теоретической интеграции (линейная, множественная, интерактивная, диалектическая)¹.

Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт.

Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления.

Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия, меняясь местами.

Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно. В модернистских интегративных теориях, как правило, подразумевается линейная или множественная причинность. Постмодернистская и пост-постмодернистская интеграция учитывает более

---

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 191.

сложную связь причины и следствия. Это и множественная интерактивная, и диалектическая причинность.

4.2. Модернистская интеграция

В конце прошлого столетия был создан на основе неопозитивизма ряд модернистских интегративных теорий преступности. Это работы Говарда Каплана (1975), Рональда Айкерса (1975), Ричарда Куинни (1977), Дэлбета Эллиота (1979), Ричарда Джонсона (1979), Марка Колвина и Джона Паули (1983), Фрэнка Пирсона и Нэйла Уэйнера (1983), Джеймса Уилсона и Ричарда Хернштайна (1985), Томаса Бернарда (1986), Мервина Крона (1986), Родни Старка (1987), Джона Хагэна (1988), Джеймса Коулман (1989), Терэнса Мифа и Роберта Мейера (1994), Беки Татума (1995).

Рональд Айкерс в работе «Криминологические теории: введение и эволюция» (1997) рассматривает три принципиальных способа, с помощью которых можно дать оценку и способствовать развитию теории. Первый заключается в том, чтобы проверить, подтверждаются ли выдвинутые гипотезы в ходе практики и испытания временем. Второй способ состоит в том, чтобы использовать «теоретическое соревнование», то есть выполнить логическое, концептуальное или эмпирическое сравнение двух или более теорий для того, чтобы выяснить, какая модель лучше объясняет девиантное поведение. Третий способ — работа над теоретической интеграцией. Она определяется исследователем как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем в каждой исходно взятой теории. В процессе разработки интегративной теории в нее могут как включаться, так и не включаться совместимые (непротиворечивые) суждения и идеи из других теорий¹.

Современный теоретик-постмодернист — критик модернистской интеграции Грэг Барак выделил в ряду интегративных теорий три уровня их группировки: микромоделли (микросоциальные процессы), макромоделли (макросоциальные структуры), микро-макро или смешанные модели².

¹ Akers R. *Criminological Theories: introduction and evaluation*. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 205–206.

² Barak G. *Integrating criminologies*. Allyn & Bacon. 1998. P. 193–199.

Для микромоделей существенна роль социальных процессов и личностных характеристик индивидов в объяснении преступного поведения. Так, Джеймс Уилсон и Ричард Хернштайн (1985) выдвинули комбинированную гипотезу, в соответствии с которой в природе преступления первостепенное значение имеют социальное научение индивида и его наследственные факторы (импульсивность, низкий интеллект). Эта теоретическая конструкция была нацелена на интегративное моделирование агрессивного, жестокого криминального поведения.

Мервин Д. Крон (1986) в своей сетевой теории предложил более сложную интегративную модель преступного поведения на основе социального обучения, социальных связей и социального контроля в процессе взаимодействия индивидов в форме социальной сети. Крон считал, что чем ниже плотность сети по отношению к плотности населения, тем слабее ограничения против несоответствия нормам и тем выше уровень преступности.

Для макромоделей при прогнозировании преступности существенна роль социоструктурных факторов.

Родни Старк (1987) обосновал структурную теорию преступности с использованием концепта «экология среды обитания». Он объединил влияние ряда средовых (плотность населения, ветхость жилья) и экономических (бедность) факторов на преступность.

Джон Хагэн (1988) выдвинул структурную теорию контроля власти, пола и поведения, где объединил базовые элементы неомарксизма, гендерного анализа и теорий контроля.

Для микро-макромоделей характерно объединение положений из процессных и структурных теорий девиантности. Фрэнк Пирсон и Нэйл Уэйнер (1985) предложили модель интеграции на основе социального обучения с включением пропозиций из теории социальной связи, утраченного и рационального выбора теорий напряжения и использования незаконных возможностей.

Криминологи-позитивисты используют различные основания для типологизации интегративных теорий. Так, Аллен Лиска, обобщая опыт теоретического синтеза в 1980-е годы, выделил концептуальную и пропозициональную интеграцию. Концептуальная возникает тогда, когда понятия из одной теории перекрывают в своем значении понятия из других теорий. Пропозициональная интеграция связывает суждения (положения) из различных теорий. К пер-

вому типу относятся, например, интегративные теории концептуального поглощения Р. Айкерса и концептуальной интегративной рамки Ф. Пирсона и Н. Уэйнера. Ко второму — интегративная модель напряжения, связи и научения Д. Элиота, интегративные теории М. Крона, Т. Торнберри и других авторов.

Рассмотрим наиболее яркие примеры модернистской концептуальной и пропозициональной интеграции.

Теория концептуального поглощения Р. Айкерса. Р. Айкерс в 1975 году показал, что идеи теории социального научения частично совпадают с положениями из теорий социальной связи, стигматизации, конфликта и аномии. Позже он предположил, что интеграция может достигаться с помощью концептуального поглощения. Концептуальное поглощение означает абсорбцию понятий из одной теории понятиями другой в тех случаях, когда это позволяет описываемое ими явление. Например, в теории социальной связи концепт «убеждение» относится к обычным моральным убеждениям, которые строго придерживаются виновности. Концепт «убеждение» может быть абсорбирован в теорию социального научения для определения неблагоприятных дефиниций закона, способствующих совершению преступления, и благоприятных, останавливающих перед совершением зла. Айкерс считает, что концепт «приверженность» из теории социальной связи также может быть абсорбирован в теорию социального научения.

Теория концептуальной интегративной рамки Ф. Пирсона и Н. Уэйнера. Удачная попытка концептуальной интеграции была сделана Фрэнком С. Пирсоном и Нейлом А. Уэйнером (1985), в которой они объединили концепты из наиболее важных макро- и микротеорий криминального поведения в одну интегративную рамку. Предложенная модель интеграции выполнена на основе выделения понятий, которые являются общими для разных моно теорий и, в свою очередь, характеризуют эти понятия в рамках общей структуры.

Основой модели Пирсона и Уэйнера является теория социального научения. С ее помощью они установили восемь основных концептуальных положений. Шесть из них ссылаются на предшествующие факторы в процессе научения: 1) выгода (награда/наказание), 2) поведенческие навыки (техника совершения преступления), 3) символы благоприятных возможностей совершения преступления, 4) поведенческие ресурсы, 5) правила целесообразности (дают указания для получения максимальной награды и избегания нега-

тивных санкций), б) правила морали (определяют поведение как плохое или хорошее).

Оставшиеся положения имеют отношение к определению двух обратных связей в механизме социального научения, как результат действия по линии: 7) получение выгоды (приобретение наград и наказаний) и 8) получение информации (знание о поведении, которое могло быть использовано для повторного действия). Позже Пирсон и Уэйнер показали, как принципиальные положения из других наиболее важных теорий могут быть вариациями или подтипами этих восьми основных положений. Например, они полагали, что привязанность к другим (из теории социальной связи) влечет за собой подражание им и то, что эти другие становятся источником позитивной выгоды в форме эмоционального удовлетворения. Концепт приверженности также соответствует концепту выгодных требований. Положения из теорий утрашения и рационального выбора также могут быть отнесены к выгодным требованиям, правилам целесообразности, знакам благоприятных возможностей, выгодным и информационным приобретениям. Положения из теорий напряжения, использования незаконных возможностей объединяются с концептами выгодных требований, правил целесообразности, знаков благоприятных возможностей. Наконец, Пирсон и Уэйнер добавили в интегративную рамку концепцию макроуровня как социально-структурированный источник производства и распространения выгоды, возможностей, правил целесообразности и морали.

Интегративная модель напряжения, связи и научения Д. Элиота. Дельберт С. Элиот предложил пропозициональную интеграцию на основе теорий напряжения, социальной связи и социального научения. Его интегрированная модель предполагает, что движение в сторону делинквентности начинается с напряжения, возникающего в семье и школе, затем оно подпадает под влияние слабых конвенциональных социальных связей в рамках традиционных структур и, наконец, под воздействием сильных связей с делинквентными сверстниками приводит к девиантному поведению.

Аналогичные построения в 80-е годы предложили А. Лиска (теория «состязания») и Т. Торнберри («интерактивная теория»), М. Крон («сетевая теория»), Ч. Титтл (теория «баланса контроля») и другие¹.

---

¹ Akers R. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 214–219.

Работа над теоретической интеграцией с модернистских позиций продолжилась и в 90-е годы XX столетия. Это труды Джеймса Коулмана, Терэнса Мифа и Роберта Мейера, Бэки Татума.

Интегративная теория беловоротничковой преступности. Джеймс Коулман в работе «Преступная элита» (1989) сформулировал микро-макро интегративную теорию беловоротничковой преступности, которая объясняет и корпоративные, и профессиональные преступления. С одной стороны, он на микроуровне анализирует психологические побуждения «беззаботных» и «эгоцентричных» «белых воротничков». С другой, на уровне макро выполняет анализ «структуры оппозиции» (законный и незаконный).

Коулман рассматривает также «культуру соревнования», которая может быть проверена этическими нормами, СМИ, символической силой закона. Он определенно подчеркивает роль «техник нейтрализации» в корпоративном мире, которые разрушают этические нормы поведения. Они являются продуктом корпоративной культуры, где эффективная бюрократия порождает своего рода аморальный прагматизм. Он также утверждает, что законные и незаконные оппозиционные стороны дифференцированно распределены согласно рынку и потребностям правовых систем. В пределах крупномасштабных организационных структур это означает, что беловоротничковые преступления — продукт ценностей, установленных требованиями рынка и проведения законов в жизнь¹. В итоге Коулман утверждает, что корпоративная субкультура является существенной в побуждении к профессиональным преступлениям.

Контекстуальная теория. Терэнс Миф и Роберт Мейер в работе «Преступление и его социальный контекст: к интегрированной теории преступников, их жертв и ситуаций» (1994) утверждают, что преступления не могут произойти без особого социального контекста. Они заявляют, что преступления значительно различаются с точки зрения своей социальной экологии и преступной мотивации. Предложенная учеными макро-микромодель учитывает факторы виктимизации, поскольку обычные действия в повседневной жизни нередко создают ситуации, провоцирующие преступления. Однако, прежде всего, Миф и Мейер концентрируются на социальном контексте преступления, который задают следующие структурные

---

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 201–202.

факторы: низкий социально-экономический статус, подвижность населения, этническая разнородность и неполные семьи.

Интегративная теория структурного притеснения. Беки Татум в 1995 году предложил микро-макро интегральную теорию преступности — теорию структурного притеснения. Модель Татума стремится объяснить преступления угнетаемой части населения «структурным притеснением», отношениями между ней и социальным окружением с учетом психологического состояния отчуждения этих людей в трех формах адаптивного поведения — ассимиляции, делинквентности, протестных девиаций. Татум попытался связать структурные условия, восприятие афроамериканцев, отчуждение, преступления и девиации, совершаемые в этой среде под давлением «структурного притеснения».

Теория Татума утверждает, что неокOLONиальная модель притеснений не только объясняет расовые и классовые различия в преступности, но также раскрывает ее историческую ориентацию, объясняет ее отличие от других структурных моделей. В то же самое время эта модель перемещает исследование преступления «от жертв притеснения к эксплуатирующим структурам современного общества»¹.

Критический анализ модернистских интегративных теорий 80-90-х годов выполнен постмодернистами. Так, Г. Барак считает, что модернистские теории ограничены выбором тех или иных интегральных переменных при объяснении девиантности и преступности². Объяснительный потенциал интегративных теорий неопозитивистов снижен за счет простого объединения непротиворечивых положений или самих монотеорий, поскольку криминальная реальность значительно сложнее ее позитивистских интерпретаций. Первые интегративные теории игнорируют такие типы социального знания, как медиа-дискурсы, текстуальность, культура, гендер, участвующие в конструировании криминальной реальности и правосудия. Тем не менее, эти первые работы, выполненные в интегративном ключе, заложили основы позитивистской интегративной криминологии.

---

¹ Ibidem. P. 208.

² Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 211.

4.3. Постмодернистский синтез

Развитие криминологической мысли в эпоху постмодерна характеризуется новыми вехами и, прежде всего, — возникновением постмодернистской интегративной криминологии.

Постмодернизм не только проблематизировал представления о преступности, социальном порядке, контроле и власти в обществе, но и способствовал возникновению новых подходов в синтезе криминологических теорий. Постмодернисты исходят из понимания преступности как не вполне определенной, релятивной, динамической социальной конструкции. Проводя дискурсивный анализ и исследуя роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения, они поставили вопрос о пересмотре, реконструкции традиционных позитивистских моделей криминального поведения.

На девиантность и преступленное поведение все большее влияние оказывают факторы возраста, пола, расы, класса и других социальных, а также психологических характеристик индивидов, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей. И если для девиантологов-позитивистов важны, прежде всего, объективные причины девиантности и преступности, постижение логики совершения преступлений и осуществления социального контроля в новых условиях, то постмодернисты учитывают и интерпретацию субъективных факторов, «чувственных смыслов» при совершении девиантных действий.

Некоторые из них, например Дж. Кац, анализируют моральную привлекательность и эмоциональные аргументы при совершении краж из магазинов, грабежей и вандализма. Сторонники культуральной криминологии, конструируя преступность как продукт культуры (*as creative constructs*), сосредотачиваются на изучении преступлений, совершаемых представителями субкультурных групп. Среди них: байкеры, скинхеды, художники, работающие в стиле граффити. Этим молодых людей объединяют определенные образы, стили, символические формы, удовольствия, вызванные нередко сопротивлением власти и участием в запрещенных видах деятельности. Неслучайно криминолог-постмодернист Джефф Фэррел заявляет, что «ситуативные удовольствия, разделенные волнением и выплеском адреналина, определяют опыт и значение преступлений

для многих из тех, кто причастен к их совершению... Преступность вытекает из моментов криминального гедонизма, а также волнений, связанных с сопротивлением классовому неравенству, со специфической потреблением и гендерных различий»¹.

Девиантная реальность «ультрасовременного капитализма» в эпоху постмодерна и критика постмодернистами модернистской криминологии, в том числе ее интегративной перспективы в вопросах теории, привели к опыту постмодернистского теоретического синтеза. Над этой проблематикой активно работают, начиная с 90-х годов прошлого века, молодые американские криминологи-постмодернисты Роберт Сэмпсон и Джон Лауб, Брайен Вила, Брюс Арриго, Джеймс Мессершмидт, Грег Барак.

Роберт Дж. Сэмпсон и Джон Х. Лауб, совершенствуя теорию жизненного пути, в 1993 году использовали возможности постмодернистской реконструкции и создали ее интегративную версию. Процесс преступления они представили в виде модели «путей и поворотных моментов в жизни», отображающей социальное (ре)конструирование преступления. Центральная идея теории этих авторов состоит в том, что «преступление и девиация – это результат слабых или нарушенных связей индивидуума с обществом». Сэмпсон и Лауб особо выделили «роль неформальных средств социального контроля, которые зависят от взаимосвязи и структуры связей между людьми и связывают членов общества друг с другом с более широкими социальными институтами, такими как, работа, семья и школа»². Исследователи активно использовали как количественные, так и качественные социологические методы. Анализ объединенных эмпирических данных относительно жизненных историй подтвердил, что стабильность и изменения в поведении людей связаны с институтами занятости и отношениями в семье на протяжении всей взрослой жизни.

Брайен Вила в 1994 году разработал интегративную эволюционно-экологическую теорию понимания девиантности и преступности. Его теория рассматривает взаимодействия между причинными факторами посредством различных дисциплин. В теоретическом синтезе Вила использует положения эволюционной экологии, проблемно-ориенти-

---

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 217.

² Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 186–235.

рованный и дисциплинарно-ориентированный подходы к пониманию преступного поведения.

Брюс Арриго в 1995 году рассматривает интеграцию более определенно в рамках постмодернизма как синтез, который касается релятивной, позиционной и предварительной функцией для интерпретации, толкования, поверки и отказа от некоторых дискурсов, а также их выражения для конструирования реальности в расходящихся социальных отношениях. Этот синтез включает разнообразные знания из психоанализа, семиотики, постструктурализма, деконструктивизма, учитывает роль человеческого фактора и социальные изменения. Тем самым постмодернистская интеграция, согласно Арриго, стремится «понять вектор и изменяющиеся пути, которыми социальные группы сообщаются и дают рекомендации по борьбе с преступностью в местные органы власти, правосудия, законотворчества»¹.

Исследования Сэмпсона и Лауба, Вилы и Арриго во многом совместимы не только с постмодернистским подходом Генри и Миловановича, но и со структурной теорией Э. Гидденса, в которой описывается дуальность объективизма и субъективизма, ясно формулируется синтетическая модель интегративной науки о преступности.

На рубеже XXI века появились новые интересные работы в рамках постмодернистского синтеза. Среди них: теория преступности как структурированного действия Джеймса Мессершмидта (1997), в которой автор конструирует преступность с помощью дискурсов и через способы, которыми люди активно формируют свои идентичности (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных социальных контекстах и ситуациях.

Интегративный подход Мессершмидта показывает, что преступление — рекурсивная продукция, являющаяся неотъемлемой частью историко-культурных дискурсов, сложившихся в течение длительного времени. Ученый в новой работе «Пол, гетеросексуальность и молодежное насилие: борьба за признание» (2012) развивает положения своей интегративной теории.

Постмодернисты сторонники интегративного подхода в криминологии моделируют как объективные обстоятельства криминального поведения в контексте социальной структуры и социальных изменений, так и влияние субъективных факторов, «чувственных

---

¹ Ibidem. P. 226–227.

смыслов» при совершении делинквентных действий. Если в модернистских интегративных теориях описывается множественная, в лучшем случае вероятностная причинность, то постмодернистская интеграция уже учитывает более сложную связь причины и следствия в форме множественной интерактивной причинности.

4.4. Пост-постмодернистская интеграция

Контент-анализ новых криминологических источников и монографических текстов показывает, что в результате научной состязательности в криминологии начала XXI века развиваются не только модернистские и постмодернистские, но и гибридные (смешанные) интегративные теории преступности и девиантности. Этот факт свидетельствует о возникновении и развитии нового направления в науке о преступности — интегративной криминологии.

Ярким примером гибридного подхода в научном синтезе является пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний, выполненная криминологом-постмодернистом Грэггом Баракком в работах «Интегративная криминология» (1998), «Криминология: интегративный подход» (2009). В этих трудах теоретическая интеграция предпринимается уже не только на междисциплинарном, но и межпарадигмальном уровнях синтеза.

Свою модель интеграции Барак выстроил исходя из положений интегративного подхода Дж. Тикосинера или Zetetic-учение как науки, изучающей творческую деятельность. Он использует положения конститутивной теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С. Генри и Д. Миловановича, постмодернистской криминологии и теории структуризации социолога Э. Гиденса.

Барак опирается на философскую идею Тикосинера, которая состоит в объединении всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку. Основу его модели составляют, прежде всего, посылы из конститутивной и постмодернистской криминологии. Это положение о релятивном и сконструированном характере девиантности и преступности. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней как взаимосвязанные, динамические, диалектические явления. Это тезис о том, что преступное поведение — рекурсивная продукция — однообразные действия, ставшие частью исторического

и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях. Это утверждение о том, что преступность и социальный контроль над ней — результат совокупного воздействия всех объективных (политических, экономических, социальных) и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние.

Предпочтение интеграции криминологических знаний на постмодернистской основе Г. Барак обосновывает тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная интерактивная причинность), а также то, что эти моделируемые явления (девиантность, преступность, социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени в современном мире.

Согласно Гидденсу, структурные свойства социальных систем не существуют за пределами действия, но хронологически вовлечены в процесс его производства и воспроизводства. Гидденс доказывает, что дебаты между сторонниками количественных и качественных подходов в социологической методологии, между теми, кто выступает за макросоциологический анализ и теми, кто придерживается микросоциологических исследований, определяются дуализмом структуры и действия. Теория структуризации утверждает, что такая двойственность ложна и что социальные исследователи должны использовать и количественные и качественные методы исследования, дополняющие друг друга. Этот тезис позволяет преодолеть дуализм и конфликтность в способах мышления и исследования преступности. Положения теории структуризации делают интегративную модель Барака открытой к взаимодополняющим подходам и методам, позволяет преодолеть двойственность и конфликтность между модернизмом и постмодернизмом в криминологической теории.

В синтезе, предложенном Г. Барак, объединяются междисциплинарные, полипарадигмальные знания из а) криминологии о поведении преступника и системы социального контроля, о мерах и последствиях от их применения в форме репрессии; б) социальных и естественных наук, правоведения и культурологии; в) о динамическом взаимодействии между социальной средой (городской экологией) и развитии местной, региональной и глобальной политической экономики. Ученый интегрирует знания из сферы материального

мира, связанные с отклонениями и репрессиями, из естественных и социальных наук (юриспруденции, культурологии и человековедения, социальной экологии и политэкономии, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии).

Эта интегрально-учредительная структура предусматривает целостную модель преступления и правосудия, включающая прикладные знания классической, позитивистской и непозитивистской критической криминологии. Пост-постмодернистский синтез представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с ними дисциплин. Модель Барака предполагает предельно широкий вариант теоретической интеграции в современной науке о преступности.

Открытая интегративная модель Г. Барака позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские теории девиантности и преступности. Их взаимодополнение и взаимодействие со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономии составляют, по мысли ученого, основную идею интегративной пост-постмодернистской криминологии¹.

В работе «Интегративная криминология» (1998) Барак обосновал тезис о том, что теоретическая интеграция — необходимая предпосылка для переустройства криминологии, способ ухода от ведущей карающе-административной формы социального контроля в сторону новой, более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и другим формам девиантности. Интегративная трансформация, к которой он призвал ученых, включает как «разрушение, так и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля»².

Развитие пост-постмодернистского синтеза девиантности и преступности с объяснением работы системы правосудия в англоязычной литературе закрепилось под названием интегративно-конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции Г. Барака и С. Генри (1999). Эта концепция моделирует процесс со-конструирования преступности и правосудия. Вид синтеза, пред-

---

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 216–232.

² Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 236–255.

ложенный учеными постмодернистами, — попытка соединить пересечение классовых, расовых, гендерных знаний и характеристик с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями. Она связывает анализ культурных практик с изучением преступности, описывает разнообразные тезаурусы, с помощью которых различные люди, потерпевшие от насилия, выстраивают дискурсы с различными организациями уголовной юстиции, осуществляющими власть¹.

В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) Г. Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма. Интегративная парадигма — многообещающее направление развития науки о девиантности и преступности². Именно пост-постмодернистские интегративные модели преступности и противодействия преступности, по Бараку, будут наиболее перспективными для развития криминологической теории в новом столетии.

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Барак продолжает развивать свой пост-постмодернистский подход к пониманию природы девиантности и преступности, но уже в контексте глобализации³. Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, обосновывает интегративное изучение преступности, мер социального контроля над ней, аргументирует предложения по совершенствованию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Среди российских криминологов на пост-постмодернистскую интеграцию Г. Барака отреагировали Д.А. Шестаков и Я.И. Гилинский. Положительно оценивая интегративный криминологический дискурс, его познавательный потенциал в целом Д.А. Шестаков, который, в частности, считает, что теоретическая интеграция криминологических теорий существенно осложняется тем, что эти те-

---

¹ Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative.htm

² Там же.

³ Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Little-field Publishers Inc., 2009.

ории рассматривают проблемы преступного поведения на разных уровнях: микроуровень, на котором проистекает поведение отдельного человека, структурно-культурный уровень, уровень преступности в целом как некий социальный феномен.... Столь обширная сложная интеграция может вести к чрезмерно значительному отходу от первоначальных формулировок, сделанных различными криминологами»¹.

Резюмируя, следует еще раз отметить, что новые объяснительные возможности пост-постмодернистской интеграции — результат создания теоретического фрейма как открытой к изменениям и дополнениям системы знаний о девиантности, преступности, социальном контроле, включая специальную терминологию, а также положения смежных с учением о преступности наук. Ценно, что гибридная модель предполагает предельно широкий охват непротиворечивых и дополняющих друг друга знаний, накопленных как позитивистской, неопозитивистской, так и постмодернистской наукой о преступности и социальном контроле.

Пост-постмодернистский синтез позволяет моделировать диалектическую причинность как множественные интерактивные причинно-следственные взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно на микро-, и макроуровне социальной системы. Пост-постмодернистская интеграция знаний — это путь, который в перспективе позволяет лучше других интегративных подходов учесть взаимосвязь девиантности, преступности и социального контроля как сложных, неопределенных, постоянно и достаточно быстро меняющихся феноменов во времени и пространстве ультрасовременного мира, живущего по логике виртуализации и быстро трансформирующемся глобальном мире.

Наряду с новыми объяснительными возможностями по диалектическому описанию причинности в контексте социальных и иных изменений, происходящих в социуме, пост-постмодернистская интегративная теория имеет немалые перспективы по переустройству и совершенствованию уголовного права, правоохранительной и пенитенциарной системы, правосудия. Они видятся на пути реконструкции социально неопасных составов преступлений и ухода от ведущей карающее-административной формы социального контро-

---

¹ Шестаков Д.А. Криминология. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

ля в сторону более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и других проявлений негативной девиантности.

Таким образом, пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний открывает не только новые объяснительные возможности, но и закладывает перспективу преодоления дуальности и конфликтности в способах мышления, созданных в рамках модернизма и постмодернизма при изучении, описании, реконструкции девиантности и социального контроля над ней. Это новый, продуктивный вектор в развитии теоретической криминологии, который представляет немалый интерес и для развития российской науки о преступности.

5. Интегративный фрейм как основа методологической триангуляции

Криминология прошла достаточно длительный путь развития. В XXI веке она стала не только полипарадигмальной, междисциплинарной, но и в значительной мере интегративной наукой, задача которой — всестороннее изучение криминальных проблем с привлечением разноаспектных знаний о феномене преступности в условиях общества постмодерна.

Сформировалась и методология теоретико-эмпирического (макро-микро) изучения криминальной реальности, которая позволяет критически оценивать факты, выявлять, конструировать, предсказывать и моделировать свойства и закономерности криминального поведения, а также реакцию и проблемы системы социального контроля.

Наряду с общенаучными принципами и методами познания, в девиантологии и криминологии широко используются социологические подходы, приемы и технологии исследования. В работах Я.И. Гилинского сформулированы основные методологические принципы изучения различных форм девиантности и преступности¹.

Принцип универсальности законов мироздания (универсальный эволюционизм, по Н. Моисееву)². Он состоит в том, что основные закономерности социальной реальности, включая девиантность и преступность, представляют собой инобытие всеобщих закономерностей самодвижения, самоорганизации мира, материи. Иначе говоря, различные практики отклонений и их закономерности не уникальны. Это дает исследователю возможность преодолеть риск чрезмерного аксиологизма при изучении криминального поведения.

Принцип универсальности общенаучных методов познания. Он вытекает из предыдущего положения и означает возможность применения различных методов и методик, созданных в рамках различных научных школ и парадигм при эмпирическом изучении

---

¹ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф Пресс», 2013. С. 44–46.

² Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 86.

девиантности и преступности (статистических, количественных и качественных эмпирических методов).

Принцип относительности знаний (релятивизм). Всякое знание о девиантности и преступности неполно и ограничено. Никогда нельзя достичь окончательного знания об исследуемом объекте, поскольку мир людей изменчив и находится в постоянном развитии. По мысли известного современного философа А. Уайтхеда, «фактически нет ни предложений, ни слов со значениями, которые были бы независимы от обстоятельств их произнесения»¹. Более того, итоги познания всегда ограничены возможностями научных методов. Это принципиальное положение позволяет избежать абсолютизации полученных научных результатов.

Принцип дополнительности (противоположности дополнительные). В силу необычайной сложности реальности бытия социальные нормы и отклонения от них дополнительные в понимании Н. Бора². Их сосуществование неизбежно, поскольку они связаны друг с другом, что предопределяет совместное их изучение как общественных явлений. Социологические и иные теории девиантности и преступности, различные научные концепты, методы также дополнительные в указанном смысле.

Принцип социального детерминизма. Социальное можно объяснить социальным. Это положение восходит к классическим работам конфликтолога К. Маркса и функционалиста Э. Дюркгейма, что позволяет рассматривать и объяснять феномены девиантности в широком социальном контексте.

Представляется целесообразным дополнить перечисленные положения Гишинского *принципом прагматизма*, поскольку изучение девиантности и преступности, проблем социального контроля и порядка не имеют смысла лишь ради самого процесса исследования. Научная работа и ее продукция должны иметь пользу для совершенствования социального и правового регулирования в сфере противодействия преступности, девиантности и иных форм социального неблагополучия. Именно на прагматически ориентированном пути реально снижение масштабов проявлений социально опасных форм девиантности и преступности в мире постмодерна, в том числе в транзитивном российском обществе.

---

¹ Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 321.

² Бор Н. Избранные научные труды. М., 1971. Т. 2. С. 209.

Многие зарубежные девиантологи и криминологи широко опираются на полипарадигмальность, поликонцептуальность и методологическое разнообразие. В российской практике доминируют позитивистски ориентированные исследования, опирающиеся на количественную методологию.

Развитие интегративной парадигмы в криминологии эпохи постмодерна позволяет эффективно конструировать теоретико-методологические фреймы как основу для изучения девиантности и преступности, использовать эвристические возможности дополняющих друг друга теорий и концепций позитивистской, непозитивистской и постмодернистской криминологии и соответствующую методологию. Интегративный подход в науке о преступности дает новый импульс для развития эмпирических исследований феноменов преступности и социального контроля. Он в полной мере отвечает ключевым положениям методологии науки (содержание теорий производно от исходных понятий и логически непротиворечивых положений, отличается целостностью системы понятий и др.).

В зарубежной криминологии интегративные исследования широко представлены в криминологической литературе и научном творчестве Дж. Коулмена, Р. Айкерса, Ф. Пирсона, Н. Уейнера, Д. Эллиота, Т. Торнбери, Ч. Титла, Б. Вилы, Б. Арриго, Т. Мифа, Б. Татума, Г. Барака. Элементы интегративного подхода встречаются в работах Я. Гилинского, Г. Забрянского, А. Шестакова, Т. Шипуновой, А. Салагаева, Ю. Комлева и других.

Цель теоретической модернистской интеграции в интерпретации Р. Айкерса, состоит в выявлении общности положений двух и более теорий для того, чтобы произвести их синтез в единую переформулированную теоретическую модель с более высоким объяснительным потенциалом, чем он есть у каждой отдельно взятой теории¹. Пост-постмодернистская интеграция, по Г. Бараку, дает возможность объединить и использовать положения как модернистских, так и постмодернистских теорий девиантности и преступности. Она обеспечивает еще более широкий охват непротиворечивых и дополняющих друг друга знаний, накопленных современной наукой о преступности и социальном контроле.

---

¹ Akers R.L. *Criminological Theories: introduction and evaluation*. 2nd ed. Los Angeles, 1997.

Интегративный подход позволяет моделировать более сложные формы причинности, в том числе диалектической, на микро- и макроуровне социальной системы. Он открывает возможность для использования методологической триангуляции, то есть совместного использования различных статистических, социологических количественных и качественных методов, исходя из принципов универсальности общенаучных методов познания, релятивизма и дополнителности при изучении преступности и социального контроля.

Методологическая триангуляция в криминологических исследованиях позволяют ученым и практикам наращивать методологический арсенал, снижает риски фрагментарности и ограниченности обобщений и выводов. Ее применение в рамках интегративного подхода дает органично-целостное представление о природе и причинах различных проявлений преступности, выступающих одновременно и социальными конструктами, и реальными поведенческими практиками.

Отечественной криминологией хорошо освоены статистические методы. В своей основе они опираются на математические статистические законы (например, закон больших чисел), теорию вероятностей¹. Примерами блестящего применения статистического метода в криминологии являются работы В.В. Лунеева, Д.А. Ли, С.Г. Олькова. Э.Г. Юзихановой и др.²

Теоретико-методологической основой количественных методов исследования девиантности и преступности выступает представление об обществе как системно-организованной целостности, а также предположение о способности научного познания рационально-логически объяснить феноменологию криминальных реалий, разработанные в рамках позитивизма и функционализма³. Коли-

---

¹ См.: Толстова Ю.Н. Математико-статистические модели в социологии. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

² Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005; Ли Д.А. Преступность в России: системный анализ. М., 2007; Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006; Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации. Тюмень: ТЮИ МВД России, 2007; Горяинов К.К. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 2004.

³ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 6-е изд. М.: ИКЦ «Академкнига», «Добросвет», 2003.

качественная методология ориентирована на описание и объяснение свойств различных форм девиантности и преступности, выяснение причинно-следственных связей между ними. Она опирается на квантификацию и формализованные процедуры измерения и следует логике дедуктивного анализа (от абстракций — к фактам путем операционализации понятий)¹.

В современной криминологии широко используются количественные социологические методы, прежде всего анкетный опрос и формализованное интервью. Они успешно применяются для изучения массовых статистически устойчивых форм девиантности, таких как преступность, наркотизм, алкоголизм и др.

Для познания субъективных аспектов девиантных социальных практик и карьер (личного опыта, переживаний, страданий, чувств), которые образуют специфический «жизненный мир», необходимо социальное знание, основанное на понимании и интерпретации. Прошлый субъективный опыт может быть лучше понят через феноменологическое изучение и интерпретацию индивидуальных судеб, биографий, особенностей восприятия и поведения конкретных девиантов и преступников в рамках более общего социального контекста. В связи с этим оправдано в криминологических исследованиях применение качественных социологических методов, в основе которых лежит принцип «понимания» криминальной реальности. Этот принцип выработан в рамках символического интеракционизма, этнометодологии, феноменологии и понимающей социологии.

Качественная социологическая методология позволяет достаточно эффективно исследовать «трудные» судьбы, единичные криминальные случаи, девиантные карьеры, трудно поддающиеся формализованной оценке. Она опирается на индуктивную логику анализа (от фактов и рассказов о жизни — к концепциям). Качественные методы раскрывают своеобразие отдельного социального объекта или события. Они весьма продуктивны при исследовании единичных, оригинальных девиантных проявлений и их носителей, особенно в условиях быстрых социальных изменений общества постмодерна.

Статистика преступлений, или «темная цифра преступности», по образному выражению А. Кетле, представленная в официальных отчетах правоохранительных органов, долгое время была един-

---

¹ Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

ственным способом описания количественных характеристик преступности, таких как: объем, уровень, структура, динамика. Однако статданные не учитывают латентную составляющую преступности.

Сочетание количественных и качественных социологических методик в криминологическом изучении преступности позволяют описывать и массовые социально-типичные явления и единичные кейсы — уникальные проявления криминальной активности. Количественные методики позволяют в полной мере учитывать латентные составляющие преступности, а качественный инструментарий позволяет выявлять нюансы психологии криминального поведения, мотивацию, особенности криминальных инцидентов, биографий и карьер.

В случае методологической триангуляции объективные данные, полученные статистическим методом путем регистрации преступлений, превосходно дополняются данными субъективной статистики, полученными методом формализованного опроса (анкетирование или интервью), а также качественными данными, собранными с помощью кейс-стади, нарративного анализа или фокус групповых дискуссий.

Позитивный опыт методологической триангуляции накоплен во многих развитых странах (США, Канада, Австралия, Великобритания, Нидерланды, Швеция, Швейцария). В России в этом направлении предпринимаются лишь первые шаги. Среди них следует выделить виктимологические опросы населения на предмет того, кто из граждан за определенный период (месяц, полугодие или год) стал жертвой преступления. В итоге анализа эмпирических данных относительно общего уровня и структуры преступности, состава жертв преступлений составляются так называемые обзоры виктимизации. Они то и позволяют учесть латентный характер современной преступности.

Первые опросные методики по проблемам виктимизации были разработаны в США в середине 60-х годов и апробированы в ходе опроса 10000 семей, проведенного в 1966 году по инициативе Президентской комиссии по законности и правосудию¹. Программа

---

¹ По данным Конклина, учреждение в 1965 году Президентской комиссии было вызвано тем, что в 60-е годы XX века в США стал стремительно расти уровень индексных преступлений. Президент Джонсон направил деятельность Комиссии на «углубление понимания причин преступности и поиск путей выхода из сложившегося положения».

первого виктимологического исследования включала в себя два пробных исследования, одно из которых было проведено в Вашингтоне, другое в Бостоне и Чикаго, а также общенациональный опрос общественного мнения. Результаты исследования оказались неожиданными и выявили очень высокий уровень латентной преступности в стране¹.

Позитивный опыт социологического изучения жертв преступности в США позволил провести первый и второй Международные обзоры виктимизации (МОВ) в 1989 и 1992 году, которые охватывали развитые и развивающиеся страны Центральной и Восточной Европы, в том числе Россию. При их проведении был использован вопросник, позволявший собрать сведения о преступлениях, совершенных против лиц старше 16 лет. В анкете были поставлены вопросы, касающиеся оценок по поводу совершенных в отношении респондента преступлений, обращений в полицию, относительно страха перед преступностью, предупреждения преступности и строгости наказаний. Методика международных виктимологических исследований позволяла главным образом оценить уровень преступлений, совершенных против личности и собственности. Она исключала оценку экологических деликтов и деяний в рамках так называемой «преступности без жертв».

Было установлено, что развивающиеся страны отличаются более высоким уровнем виктимизации населения почти по всем видам преступлений. Выявлено, что урбанизация является универсальным фактором, увеличивающим число преступлений как в развитых, так и развивающихся странах. Исследователями был отмечен высокий уровень виктимизации в Москве.

В целом МОВ показали, что преступность — глобальная социальная проблема. Она беспокоит многих людей в тех странах, где проводились виктимологические исследования. Оказалось, что более 20% опрошенных старше 16 лет за год сталкиваются со случаями краж, порчи имущества либо агрессивного поведения. Обзоры виктимизации показали, что в России и других государствах

---

¹ Звекич У., Дель Фрате А.А. Обзоры виктимизации: международная перспектива // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. М.: ВНИИ МВД России, 1993. С. 39.

на постсоветском пространстве существенно занижается уровень преступности по официальным статданным¹.

Вместе с тем опыт национальных и международных опросов жертв преступлений выявил ряд методологических проблем по эмпирической оценке виктимизации населения и распространению преступности. Во многом они были обусловлены несовершенством выборок, сложностью квалификации состава преступления респондентами или нежеланием сообщать о факте виктимизации, например, в связи с сексуальным характером преступления. Кроме того, специальные исследования показали, что доля криминальных происшествий, сообщенных респондентом интервьюеру, во многом зависит от того, какие отношения существовали между правонарушителем и жертвой до преступления. Например, если жертва и преступник не были знакомы, то пострадавшие сообщали о 76,3% происшествий. Если жертва знала правонарушителя, то следовало сообщение только о 56,9% преступлений. Если же преступник был родственником жертвы, то респондент сообщал лишь о каждом пятом деликте.

Заметим, что опросы жертв преступлений и опросы общественного мнения с целью изучения преступности — все еще очень дорогостоящие и трудоемкие исследования. По данным американских криминологов, социологические методики исследования преступности достаточно дорого обходятся налогоплательщикам и поэтому широко применяются лишь в развитых и богатых странах. Так, в США федеральное правительство, правительства штатов и местные органы власти ежегодно тратят десятки миллионов долларов и сотни тысяч человеко-часов на то, чтобы собрать социологическими методами и проанализировать данные о преступности².

В настоящее время для сбора эмпирических данных с целью оценки преступности и виктимизации в разных странах сложились свои подходы на основе объединения альтернативных методических приемов и решений, учитывающие местные или национальные особенности и условия. В итоге криминологи получают более взвешенную и приближенную к реальности картину преступности.

---

¹ Звекич У., Дель Фрате А.А. Обзоры виктимизации: международная перспектива // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. М.: ВНИИ МВД России, 1993. С. 53.

² См.: Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003.

Значительный опыт методологической триангуляции, учитывающий местную специфику, накоплен в США, где статистические данные, собранные в рамках единых отчетов о преступности по программе UCR (часть 1 — «индексные» преступления и часть 2 — менее опасные «преступления без жертв»), а также самоотчеты правонарушителей (SR-исследования) сочетаются с результатами виктимологических опросов (NCVS).

Указанная комбинация количественных способов сбора эмпирической информации обогащается вторичным анализом данных опросов о преступности, дополняется специальными исследованиями методами кейс-стади и включенного наблюдения, биографическим и другими качественными или иными специальными методами.

Любопытна специфика виктимологических опросов (NCVS). Они проводятся Американским бюро переписи населения ежегодно, начиная с 1972 года. В выборочном опросе участвует около 50000 домохозяйств, или примерно 100000 человек, отбор которых осуществляется с помощью вероятностных методик. По каждому адресу к респондентам интервьюеры заходят два раза в году. В выборку попадают респонденты старше 12 лет. Участников опроса расспрашивают об уголовных происшествиях, которые произошли с ним за прошедшие шесть месяцев, что позволяет получить вполне репрезентативную криминологическую информацию.

Виктимологические опросы позволяют приблизить к реальности оценки абсолютного уровня основных составов преступлений, сформировать более объективное представление о тенденциях преступности. По методике исследования опросные данные подразделяют на два типа: сведения об уголовных преступлениях и жертвах преступлений. В первом случае фиксируется количество криминальных эпизодов. Во втором суммируется число людей, против которых были совершены преступления. Например, если грабитель в баре забирает выручку из кассы, а также бумажник у бармена и личную собственность у пяти клиентов, то программой обработки цепь этих деликтов будет квалифицироваться как одно правонарушение — ограбление. При этом фиксируется шесть фактов виктимизации. В случае преступлений против личности (изнасилование, разбойное нападение, грабеж, похищение имущества у частного лица) разделение на число происшествий и число жертв соблюдает-

ся особенно тщательно. Если преступление было совершено против частной собственности, то различие между виктимизацией и уголовным происшествием не делается: жертвой преступления считается владелец похищенной собственности¹.

Данные субъективной статистики позволяют выявить важные ситуационные факторы преступности. Это относится к выяснению а) места, где было совершено преступления (дом, офис или школа); б) времени суток, в которое оно произошло; в) было ли применено оружие; г) сколько человек пострадало в результате преступного деяния. В ходе опросов удается собрать уникальную информацию о жертве преступления (пол, этничность, возраст, образование, семейное положение, состояние здоровья, расходы на лечение и реабилитацию или возмещение вреда в результате потери имущества). Кроме того, в последние годы Американское бюро переписи населения включает в опросники индикаторы, характеризующие «правоохранительный ответ» на преступления, которые были зарегистрированы в полиции².

Результаты обзоров виктимизации, проведенных в США в 90-е годы XX столетия, по данным Ф. Шмаллегера, показывают, что:

- участниками опросов ежегодно сообщается о 35 миллионах совершенных преступлений;
- приблизительно 23 миллиона американских домашних хозяйств, или 25 процентов от их общего количества, ежегодно становятся жертвами преступных посягательств;
- горожане имеют в два раза больше шансов стать жертвами преступлений, чем жители села;
- в полиции регистрируется только половина всех тяжких преступлений, две пятых преступлений, совершенных в домохозяйствах и примерно одна четверть краж личного имущества³.

Таким образом, результаты виктимологических исследований существенно уточняют картину преступности по основным количественным показателям и она позволяет учесть латентную составляющую. Исключения составляют лишь некоторые составы

---

¹ См.: Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003.

² Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999. P. 55.

³ Ibidem. P. 60.

преступлений, по которым возможно субъективное превышение показателей преступности.

Вторичный анализ данных опросов о преступности. Этот метод эмпирического изучения криминальной реальности и жертв преступлений широко используется в исследовательской практике зарубежных социологов и криминологов в настоящее время. Вторичный анализ представляет собой переоценку уже собранных и структурированных на электронных носителях первичных опросных данных о преступном поведении и жертвах преступности под иным углом зрения, в новом социокультурном или политическом контексте, несмотря на то, что исходная информация была предназначена для других целей¹.

Вторичный анализ опросных данных о преступности сокращает время и расходы исследователей, позволяет агрегировать данные в новые кластеры и анализировать тенденции в развитии преступности. Одним из фундаментальных источников, структурированных в электронные базы первичных данных для вторичного анализа, в США является Национальный архив данных криминальной юстиции (NACJD), сосредоточенный в Институте социальных исследований Мичиганского университета. Архив накапливает информацию относительно различных аспектов виктимизации населения страны, деятельности системы правосудия и ювенальной преступности. Другим источником данных для вторичного анализа выступают материалы, собранные в Национальном институте публикаций по вопросам юстиции (NIJP). Для вторичного анализа используются данные из словаря источников информации о преступности и юстиции (DCJIS). Данные этого собрания периодически подвергаются обновлению и редакции. В последнем выпуске помещается резюме о структуре предоставляемых информационных услуг, о публикациях, о телефонах и адресах авторов из более чем 160 источников по проблемам оценки преступности².

Сравнительный и исторический методы позволяют сравнивать генезис правовых норм и конструкций составов преступлений в различных обществах в разные периоды времени. Компаративистика

---

¹ Примеры качественных и количественных социологических методик изучения преступности и девиантности даны в приложении.

² Schmallegger F. *Criminology Today: An Integrative Introduction*. New Jersey, 1999. P. 122.

позволяет анализировать тренды и сравнивать взаимосвязи преступности с такими факторами ее детерминации как уровень развития экономики, степень урбанизации, а также влияние процессов глобализации и массовой культуры. Исторический метод дает возможность оценить то, как трансформировалась преступность, и какой была реакция на нее общества и государства в различные периоды времени в контексте социальных и политико-экономических изменений. Биографический метод широко используется для исследования девиантных и криминальных карьер отдельных преступников, в которых выясняются: мотивация на совершение деликтов, специфика обучения преступному ремеслу, паттерны криминальной активности на протяжении всего жизненного пути девианта. Когортный анализ применяется для изучения причин девиантного поведения, взаимосвязей ювенальной делинквентности и криминальных карьер.

Изучение преступных инцидентов методом кейс-стади. Качественная методология изучения преступного поведения позволяет проникнуть в его скрытые механизмы, психологию поведения. Изучение преступных событий, случаев строится на основе всестороннего качественного описания индивидуального опыта преступного поведения. Изучение преступных случаев полезно потому, что оно может выявить то, чего следует ожидать от других подобных событий и ситуаций. Например, изучение поведения индивидов в уличной криминальной группе может открыть центральную роль одного или нескольких лидеров (преступных авторитетов). Этот вывод уместно распространить и на описание стиля поведения лидеров в другой подобной уличной преступной группе (*street gang*).

Когда индивид является носителем криминальной карьеры, имеет тот или иной преступный опыт, то он выступает в качестве объекта качественного эмпирического исследования в форме «лайф истории» — истории жизни одного человека, воспринимаемую как последовательность криминальных кейсов. Большинство жизненных историй преступников весьма субъективны вследствие того, что они состоят из непосредственно перечисленных сюжетов и событий в интерпретации самого объекта исследования. Тем не менее, анализ таких историй может быть ключом к пониманию реального преступного поведения других индивидов или выступить исходным пунктом для дальнейшего научного поиска.

В определенном смысле метод кейс-стади несет на себе печать субъективизма, который проявляет себя в смешении чувств и фактов в изложении индивида как объекта исследования относительно своего криминального прошлого. Вместе с тем этот метод изучения преступности дает возможность лучше взвесить и оценить событийные детали в жизни конкретного правонарушителя как представителя определенного социального типа, социального слоя, что не фиксируют количественные опросные методики в ходе виктимологических опросов или самоотчетов правонарушителей.

Включенное наблюдение за правонарушителями. Наблюдение за участниками преступных сообществ позволяет вести сбор фактов аудио-визуальными средствами исследователя, который принимает то или иное участие в изучаемой группе или общности. Некоторые исследователи работают инкогнито, не показывают свою идентичность. Другие исходят из того, что цель исследования незачем скрывать.

Одним из самых ранних и известных примеров использования включенного наблюдения при изучении преступности представляется опыт Уильяма Уайта, который описал свое исследование преступных субкультур в районе трущобы Корневилль. Цель ученого состояла в непосредственном описании преступной действительности и социальных практик жителей Корневилля. При этом ему пришлось решить весьма трудную проблему идентификации с жителями Корневилля. Статус «своего парня» давал возможность ученому поддерживать тесные неформальные отношения с людьми, преодолевать социальные и коммуникативные барьеры, проводить наблюдения.

Полученные результаты превзошли все ожидания, но включенное наблюдение — не идеальный метод. Он характеризуется повышенным риском субъективности впечатлений наблюдателя и даже угрозой его полной идентификации с членами изучаемого сообщества.

Таким образом, для описания, объяснения и понимания преступности как наиболее опасной формы негативной девиантности и острой социальной проблемы, а также факторов, ее детерминирующих, американские исследователи широко используют данные уголовной статистики и социологических опросов с применением процедур вторичного анализа и качественных методик.

При осуществлении методологической триангуляции важно адекватно оценить когнитивный потенциал различных методик, эф-

эффективно использовать их сильные и нивелировать слабые стороны. Ясно, что невозможно с высокой достоверностью и точностью оценить абсолютное число таких латентных преступлений, как изнасилования, коррупционные или должностные деликты, а также киберпреступления. Более точно исчисляются и корреспондируются индексы по убийствам, кражам автотранспорта и некоторым другим резонансным преступлениям.

Уровни преступности, рассчитанные по разным методикам, в том числе опросным, не всегда согласуются между собой, но на основе сочетания разных дополнительных, по Н. Бору, приемов во многом удастся избежать фрагментарности и неполноты монометодических оценок преступности и лучше реконструировать социологическими средствами социально-криминальную реальность.

В США и странах Западной Европы уголовная статистика и результаты социологических исследований по проблемам преступности и виктимизации полностью открыты, о чем свидетельствуют международные криминологические издания и материалы интернет-сайтов. Ежегодно большим тиражом издаются специальные сборники «Уголовная виктимизация в Соединенных Штатах» и «Преступность в Соединенных Штатах». Виктимологические данные опросов и статистика преступности широко обсуждаются в открытой печати, что вполне отвечает задачам правового просвещения населения и учета интересов гражданского общества, укрепляет социальную составляющую юстиции и правоохранительной деятельности.

В России криминальная статистика ведется на основании зарегистрированных в органах внутренних дел преступлений. Первые статистические сведения о преступности стали публиковаться с 1987 года в ежегодных статистических сборниках «СССР в цифрах». Относительно полный статистический сборник «Преступность и правонарушения в СССР» вышел в свет только в 1990 году и содержал наиболее общие сведения, начиная с 1961 года. В России с 1992 г. стали публиковаться ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения». МВД страны выпускает справочники «Состояние преступности в России». Есть обобщенные данные о преступности в специальных разделах из сборников Росстата.

В России периодически дозируются объем и доступность данных уголовной статистики. Виктимологические опросы проводят-

ся, как правило, лишь в некоторых регионах, поскольку это весьма дорогое «удовольствие». Такого рода исследования были выполнены под руководством автора в Татарстане по проблемам общеуголовной преступности, наркопреступности, наркопотребления в 1995-2007 годах. Виктимологические исследования периодически проводятся в Москве, Санкт-Петербурге, других городах страны.

Проблематику преступности в общенациональном масштабе изучают Левада-Центр, ВЦИОМ, РОМИР, ФОМ, ВНИИ МВД России. Однако систематические общенациональные виктимологические исследования еще не стали привычной практикой в нашей стране. Российский опыт весьма ограничен, а результаты исследований нельзя в полной мере использовать для сравнения, поскольку эмпирические данные субъективной статистики преступлений фиксируются в рамках различных исследовательских методик и не имеют общенациональной репрезентативности. Они проводятся нерегулярно и не в масштабах всей страны, что существенно затрудняет научное осмысление проблем преступности и обеспечения правопорядка.

В органах внутренних дел длительное время воспроизводятся «палочные проблемы» в системе учетов. Эта ситуация в определенной мере затрагивает и фиксацию регистрируемых преступлений на территориях. Манипуляции со статистикой преступности снижают доверие граждан к органам внутренних дел и государству в целом.

Реформа ОВД, которая проводится на правовой основе ФЗ «О полиции» (2011), «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011), «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011) и других нормативных правовых актов несколько меняет ситуацию к лучшему в системе учетов. Современную траекторию перемен уточняет «Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» (2013), где также ставится проблема учета преступлений.

Укрепление учетной дисциплины, внедрение новых критериев оценки работы ОВД на основе общественного мнения (контроль снизу), введение постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции с января 2017 года позволят повысить качество, надежность, доступность статданных о регистрируемой

преступности в России. На пути к адекватному описанию картины преступности в стране наряду с официальной статистикой преступлений необходимо использовать тот или иной вариант методологической триангуляции. В приложениях приведен пример методических инструментов (анкеты, бланки интервью, контент-анализ), которые были собраны автором в разное время для изучения преступности в рамках методологической триангуляции. Эти методики могут быть полезны для современных авторов при разработке новых инструментов эмпирических исследований преступности в новых условиях социальных изменений (см. приложения).

Заключение

Подводя итог проделанной работы, к основным ее результатам можно отнести следующие:

- Изложены основные предпосылки, этапы образования социальных и правовых норм, описаны их свойства.
- Проанализированы подходы к определению девиантного поведения, девиантности, социального контроля.
- Дана девиантологическая интерпретация преступности, описаны ее свойства как реальной практики и социальной конструкции.
- Предложен и обоснован девиантологический взгляд на развитие криминологии как социологии преступности.
- Проанализированы методы и проблемы эмпирической оценки преступности.
- Описана специфика киберпреступности и других форм высокотехнологичной девиантности в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма.
- Показаны новые проявления киберпреступности в банковской сфере и описан кибербуллинг.
- Рассмотрены основные тенденции, технологические детерминанты и вызовы, а также прогнозы развития преступности в мире и России в XXI веке.
- Показан генезис теорий преступности: от позитивизма к постмодернизму. Раскрыты эвристические возможности социоструктурных и процессуальных подходов, феноменологии и конструктивизма.
- Проанализированы критический пафос и объяснительный потенциал конфликтологических, радикальных теорий и постмодернизма по изучению и объяснению природы преступности в «новом мире».
- Обоснована интеграция криминологических знаний: предпосылки, направления и перспективы.
- Описаны типы причинности в интегративном контексте и типы теоретического синтеза: модернистского и постмодернистского.
- Проанализирован новый вектор в развитии интегративной криминологии в рамках пост-постмодернистского синтеза криминологических знаний.
- Обосновано использование интегративного теоретико-методологического фрейма как основы для применения методологической

триангуляции при изучении преступности и других форм девиантности статистическими, количественными и качественными социологическими методами.

Автор осознает необходимость дальнейшей работы в области девиантологии и криминологии и рассматривает представленную работу как одну из попыток структурировать и описать интегративный вектор в развитии науки о преступности в мире постмодерна.

В книге, разумеется, нашли отражение не все достижения современной криминологии, а лишь те из них, которые близки научной позиции и интересам автора и опубликованы в англоязычных изданиях на рубеже XXI века. Ее цель будет достигнута, если текст вызовет читательский отклик, будет полезен студентам, курсантам, аспирантам, адъюнктам и преподавателям юридических и социологических факультетов и вузов.

Работа и во втором издании, естественно, содержит дискуссионные моменты, рассчитанные на критические замечания и сотрудничество в новом предметном поле.

Литература

Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / А.И. Александров. М., 2003.

Бор Н. Избранные научные труды / Н. Бор. М., 1971. Т. 2.

Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности) / Ю.М. Бородай. М., 1995.

Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995.

Всемирный экономический форум в Давосе 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economtermin.ru...jekonomiki...forum...davose-2016.html>

ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/491033.php>

Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гишинский. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2013.

Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гишинский. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.

Гишинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы / Я.И. Гишинский // Ежегодник уголовного права. 2013.

Гишинский Я.И. Очерки по криминологии / Я.И. Гишинский. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015.

Гишинский Я.И. Современное состояние и перспективы российской криминологии / Я.И. Гишинский // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4.

Горяинов К.К. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования / К.К. Горяинов. М., 2004.

Гревцов Ю.И. Социология права / Ю.И. Гревцов. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001.

Григорьев Н. Террористические действия в виртуальном пространстве опасны / Н. Григорьев, Э. Родюков // Независимая газета. 2016. 22 июля.

Девиантность в обществе потребления: коллективная монография / под ред. Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012.

Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. М., 2003.

Дюркгейм Э. Норма и патология / Э Дюркгейм // Рубеж: альманах социальных исследований. 1992. № 2.

Звекич У. Обзоры виктимизации: международная перспектива / У. Звекич, А.А. Дель Фрате // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. М.:ВНИИ МВД России, 1993.

Иванов Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000.

Иванов Д.В. Глэм-капитализм / Д.В. Иванов. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2008.

Иванов Д.В. Императив виртуализации: современные теории общественных изменений / Д.В. Иванов. СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2002.

Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative_htm

Ковалев Е.М. Качественные методы в полевых социологических исследованиях / Е.М. Ковалев, И.Е. Штейнберг. М.: Логос, 1999.

Койл Д. Секс, наркотики и экономика, Нетрадиционное введение в экономику / Д. Койл; пер с англ. 2-е изд., испр. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

Комлев Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию / Ю.Ю. Комлев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001.

Комлев Ю.Ю. Социология девиантного поведения: учебное пособие / Ю.Ю. Комлев, Н.Х. Сафиуллин. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: КЮИ МВД России, 2006.

Комлев Ю.Ю. Основы социологии для юристов: курс лекций / Ю.Ю. Комлев. Казань: КЮИ МВД России, 2009.

Комлев Ю.Ю. Преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма / Ю.Ю. Комлев // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1. С. 33–38.

Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие / Ю.Ю. Комлев. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2014.

Комлев Ю.Ю. Девиантность и социальный контроль: теории, исследования, практика / Ю.Ю. Комлев. Казань: КЮИ МВД России, 2015.

Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения / А. Коэн // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX / пер. с англ. М.: Прогресс, 1965.

Криминология / под ред. А.А. Герцензона, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева. М., 1966.

Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003.

Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 1999.

Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994.

Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.А. Эминова. М., 1995.

Кристи Н. Пределы наказания / Н. Кристи. М., 1985.

Кудрявцев В.Н. Причины преступлений / В.Н. Кудрявцев. М., 1976.

Кудрявцев В.Н. Социальные отклонения / В.Н. Кудрявцев, С.В. Бородин, Ю.В. Кудрявцев, В.С. Нерсесянц. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1989.

Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. М.: Юрист, 2003.

Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. М., 1968. 173 с.

Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения / М. Лайне; пер. с фин. Хельсинки, 1994.

Ларина Е.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба») / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. М.: Книжный мир, 2017.

Ли Д.А. Преступность в России: системный анализ / А.Д. Ли. М., 2007.

Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. 2-е изд. М., 2005.

Мертон Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Рубеж: альманах социальных исследований. 1992. № 2.

Мертон Р.К. Социальная структура и аномия / Р.К. Мертон // Социология преступности. М., 1966.

Моисеев Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. М., 1998.

Овчинский В.С. Преступность недалекого будущего [Электронный ресурс] / В.С. Овчинский. URL:<http://www.a.mospravda.ru>

Овчинский В.С. Криминология и биотехнологии / В.С. Овчинский. — М.: Норма, 2005.

Ольков С.Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии / С.Г. Ольков. Тюмень, 2006.

Панфилова Е.И. Компьютерные преступления / Е.И. Панфилова, А.Н. Попов. СПб., 1998.

Почему террор набирает обороты в развитом мире? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openrussia.org/post/view/16544/>

Смелзер Н. Социология / Н. Смелзер; пер. с англ. М.: Феникс, 1994.

Сморгунова А.Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление: монография / А.Л. Сморгунова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.

Современная девиантология: методология, теория, практика: коллективная монография; под редакцией Ю.А. Клейберга и Kwati S. Darty. London: UK Academy of Education, 2016.

Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984.

Социальные сети в 2011 году: исследование comScore. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cossa.ru/articles/149/11382/>

Социокультурная антропология права. Коллективная монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Чеснова. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015.

Спиридонов Л.И. Социология уголовного права / Л.И. Спиридонова. М.: Юрид. лит., 1986.

Студенты страдают зависимостью от смартфонов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.4pda.ru. Архив за 2014 год>8/31/173735>

Творчество как позитивная девиантность. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015.

Толстова Ю.Н. Математико-статистические модели в социологии / Ю.Н. Толстова. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

Уайтхед А. Избранные работы по философии / А. Уайтхед. М., 1990.

Честнов И.Л. Диалогическая онтология права в ситуации пост-модерна / И.Л. Честнов // Правоведение. 2001. № 3.

Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография / И.Л. Честнов. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012.

Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна / И.Л. Честнов // Правоведение. 2002. № 2.

Что такое WEB 2.0 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bis-tro-site.ru/articles/web2>

Шестаков Д.А. Криминология / Д.А. Шестаков. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы / Т.В. Шипунова. СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2012.

Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации / Э.Г. Юзиханова. Тюмень, ТЮИ МВД России, 2007.

Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. 6-е изд. М.: ИКЦ «Академкнига», «Добросвет», 2003

Яковлев А.М. Преступность и социальная психология / А.М. Яковлев. М., 1971.

Яковлев А.М. Социология преступности / А.М. Яковлев. М., 2001.

Akers R. Criminological theories: introduction and evaluation / R. Akers. 2nd ed. Los Angeles, 1997.

Barak G. Criminology: An Integrated Approach / G. Barak. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

Barak G. Integrating criminologies / G. Barak. Allyn and Bacon, 1998.

Ferrel J. Cultural Criminology / J. Ferrel, K. Hayward, J. Young. — SAGE, 2008.

Chambliss W. Toward a political economy of crime / W. Chambliss // Rubington E., Weinberg M.S. (eds.) The study of social problem: seven perspectives. N.Y., 2003.

- Coleman J. *The Criminal Elite: The sociology of White Collar Crime* / J. Coleman. N.Y., 1985.
- Conklin John E. *Criminology* / John E. Conklin. 4 edition. N.Y., 1992.
- Cybercrime: interdisciplinary approaches to cutting crime and victimisation in cyber space [Электронный ресурс]. URL: <http://www.new-worldencyclopedia.org/entry/Cybercrime>
- DiCristina B. *Methods in criminology: a philosophical primer* / B. Di-Cristina. Harrow and Heston. N.Y., 1995.
- Downes D. *Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking* / D. Downes, P. Rock. 3-rd ed. Oxford University Press, 1998.
- Goodman M. *Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It.* / M. Goodman. Doubleday, 2015.
- Hagan J. *Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control* / J. Hagan. N.Y., 1985.
- Harre R. *The ethogenetic approach: Theory and practice* / R. Harre // *Experimental social psychology*. N.Y.-L., 1977. Vol. 10.
- Henslin J. *Essentials of sociology: a down-to-earth approach* / J. Henslin. 5-th ed. Allyn and Bacon, Boston, 2004.
- Hulsman L. *Critical Criminology and the Concept of Crime* / L. Hulsman // *Contemporary Crisis*. 1986. № 10.
- Meloy J.R. *The psychology of stalking*. In: *The Psychology of Stalking: Clinical and Forensic Perspectives*, Meloy J.R., ed. / J.R. Meloy. San Diego: Academic Press, 1998.
- Milovanovic D. *Postmodern Criminology* / D. Milovanovic. N.Y.-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.
- Mullen P. *Stalkers and their Victims* / P. Mullen, M. Pathé, R. Purcel. Cambridge University Press, 2000; *Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention*. Stockholm, 2006.
- Palmer S., Humphery J. *Deviant Behavior: Patterns, Source and Control* / S. Palmer, J. Humphery. N.Y.- L.: Plenum Press, 1990.
- Schmallegger F. *Criminology Today: An Integrative Introduction* / F. Schmallegger. New Jersey, 1999.
- Young A. *Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations* / A. Young. N.Y.: Sage Publications, 1996.

Приложения

Приложение 1

БЛАНК КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТЕЙ ПО ПРОБЛЕМАМ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

1) ДАТА НАБЛЮДЕНИЯ (число месяца в формате 1; 2; 3 ....30)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30

2) ТИП ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПРОГРАММЫ

Варианты	
“НОВОСТИ” (“ОРТ”) в 18.00 (25”)	31
“ВЕСТИ” (“РТР”) в 19.00 (35”)	32
“СЕГОДНЯ” (“НТВ”) в 19.00 (40”)	33
“КРИМИНАЛ” (“НТВ”) в 18.40 (20”)	34
“ЖИХАН”(ВГТРК “ТАТАРСТАН”) в 18.00 (30”)	35
“НОВОСТИ” (ВГТРК “ТАТАРСТАН”) в 20.30 (20”)	36
“ДОСЬЕ -02” (ВГТРК “ТАТАРСТАН”) в 22.20; 21.50; 18.45 (10-15”)	37
“ГОРОД” (“ЭФИР”) в 19.00 (60”)	38

3) ТЕМАТИКА ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТЕЙ

Варианты	
ЭКОНОМИКА (В ЦЕЛОМ) бюджет, налоги, кредиты, финансы, банки, предприятия, в том числе:	39

экономическая неопределенность (нет программы, кредитов, инвестиций)	40
рост цен	41
безработица	42
несвоевременность выплат зарплаты	43
ПОЛИТИКА (В ЦЕЛОМ) (выборы, партии, власть, парламент, президент), в том числе:	44
президентские выборы	45
политическая нестабильность (противоборство партий, ветвей власти)	46
угроза наступления диктатуры и отказа от демократии	47
беспомощность государственной власти	48
КУЛЬТУРА (искусство, живопись, театр, литература, фольклор)	49
СПОРТ (игра, турнир, хоккей, футбол, биатлон)	50
СОБЫТИЯ АНТИТЕРРОРА (борьба с терроризмом и экстремизмом)	51
СОБЫТИЯ ЗАРУБЕЖОМ	52
ДРУГИЕ ТЕМЫ	53
ПРЕСТУПНОСТЬ (В ЦЕЛОМ) , в том числе:	54
ТЕРРОРИЗМ и БАНДИТИЗМ (захват заложников, взрывы и похищения людей)	55
УБИЙСТВО ИЛИ ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО	56
ГРАБЕЖ ИЛИ РАЗБОЙНОЕ НАПАДЕНИЕ	57
КРАЖА	58

РЭКЕТ И МОШЕННИЧЕСТВО	59
КОРРУПЦИЯ	60
НАРКОМАНИЯ	61
ДРУГОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ	62
МВД, ПОЛИЦИЯ (следствие, угрозыск, ОМОН, ГИБДД и др.)	63
ДРУГИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	64

4) НАПРАВЛЕННОСТЬ МАТЕРИАЛА О ПРЕСТУПНОСТИ

Варианты	СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ (работа МВД и др.)
КРИТИКА	65	75
СЕНСАЦИЯ	66	76
ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ	67	77
АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ	68	78
ИНФОРМАЦИЯ О ФАКТЕ, СОБЫТИИ	69	79
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА	70	80
РЕКОМЕНДАЦИЯ ЗРИТЕЛЮ	71	81
ПРОПАГАНДА ИДЕИ	72	82
ДИСКУССИЯ (полемика, сопоставление мнений)	73	83
ДРУГОЕ	74	84

5) ДОМИНИРУЮЩАЯ ОЦЕНКА В ОСВЕЩЕНИИ ТЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ

Варианты	СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ (работа МВД и др.)
В ЦЕЛОМ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ	85	89
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ОЦЕНОК ПОРОВНУ	86	90
В ЦЕЛОМ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ	87	91
НЕЙТРАЛЬНАЯ, БЕЗОЦЕНОЧНАЯ	88	92

6) ТИП ИНФОРМАЦИОННОГО МАТЕРИАЛА

Варианты	
Официальная информация о деятельности госструктур	93
Документ (программа, указ, постановление)	94
Короткое сообщение о событии	95
Репортаж	96
Комментарий	97
Версия	98
Интервью	99
Исповедь	100
Журналистское расследование	101
Отчет о пресс-конференции	102
Другое	103

7) ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ

Варианты	
Пресс-служба МВД России	104
Пресс-служба МВД по РТ	105
Пресс-служба УВД г. Казани, района	106
Руководство МВД России	107
Руководство МВД по РТ	108
Сотрудник МВД	109
Пресс-служба прокуратуры или минюста, их подразделений на местах	110
Руководство прокуратуры или минюста	111
Сотрудник другого правоохранительного органа	112
Журналист (репортер)	113
Информационное агентство	114
Политик	115
Пресса или ТВ	116
Человек с улицы, обыватель	117
Другое	118

Сценарий интервью с работниками правоохранительных органов

Республиканская независимая исследовательская организация «Центр аналитических исследований и разработок» проводит опрос экспертов с целью изучения коррупции и нелегальных связей правоохранительных органов с преступными группировками. Ваши ответы на предлагаемые вопросы помогут нам глубже понять масштаб распространения и природу данных явлений.

Вы были выбраны в качестве участника данного проекта, так как являетесь экспертом по изучаемым проблемам. Мы понимаем, что Вы можете не обладать абсолютно всей информацией, поэтому мы просим Вас поделиться имеющимися у Вас сведениями. Информация, предоставленная Вами в ходе интервью, будет обобщена с ответами других экспертов и использована при написании аналитического отчета о результатах исследования. Данные о Вас как участнике проекта будут строго конфиденциальны и доступны только членам исследовательской команды. По завершению работы мы можем познакомить Вас с итоговым отчетом.

Интервьюер! Спросите разрешения эксперта на проведение аудиозаписи интервью.

Если разрешение получено, включите диктофон.

1. Как бы Вы описали регион Вашей компетенции, то есть ту территорию, с ситуацией в которой Вы хорошо знакомы? Это может быть вся Республика Татарстан, город или район в городе.

2. Как Вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в правоохранительных органах Республики Татарстан? Какие проблемы существуют в данной сфере?

3. Приходилось ли Вам слышать о неформальных связях между сотрудниками правоохранительных органов и членами ОПГ? Если да, что это были за связи?

4. Каким образом происходит контакт, и устанавливаются связи между представителями правоохранительных органов и членами ОПГ? Опишите подробнее, приведите, пожалуйста, примеры.

5. Кто занимается установлением и поддержанием контактов с правоохранительными органами в ОПГ? Осуществляется ли контакт напрямую или через посредников? Если через посредников, то кто может выступать в роли посредника?

6. Пожалуйста, вспомните, встречались ли Вам случаи, когда ближайшие родственники сотрудников правоохранительных органов являлись членами ОПГ. Как строились отношения между ними? Помогали ли они друг другу? Если да, каким образом это происходило? Расскажите подробнее, приведите, пожалуйста, примеры.

7. Поддерживают ли члены ОПГ и работники МВД постоянный контакт между собой? Если да, то как это происходит? Как часто и где они встречаются? Что бывает предметом обсуждения во время этих встреч?

8. Как члены ОПГ используют связи в полиции? Опишите, пожалуйста, подробнее, приведите примеры.

9. Каким образом члены ОПГ вознаграждают сотрудников правоохранительных органов за услуги? Каким может быть вознаграждение, кроме денег? Практикуется ли обмен услугами? Если да, то какие услуги оказывают члены ОПГ? Расскажите подробнее, приведите, пожалуйста, примеры.

10. Пользуются ли работники МВД информацией членов ОПГ для раскрытия каких-либо преступлений? Если да, то что данная услуга подразумевает взамен? Расскажите, пожалуйста, подробно, как происходит такое сотрудничество, приведите примеры.

11. Для сотрудников какого уровня наиболее характерны связи с организованной преступностью? Как Вы думаете, почему так происходит?

12. Известны ли Вам факты, когда сотрудники МВД, используя свое служебное положение, осуществляют неформальную защиту («ставят крышу») бизнес структур? В каких сферах бизнеса это чаще всего происходит? Какие виды силовых структур вовлечены в данную деятельность (МВД, налоговая полиция и т.п.)? Какого рода защиту они осуществляют (например, охрана от членов ОПГ, «решение вопросов» в проверяющих организациях, налоговых органах и пр.)? Каким образом, и на каких условиях предлагается такая защита? Опишите, пожалуйста, известные Вам ситуации подробно.

13. Имели ли место случаи утечки информации от работников правоохранительных органов по поводу готовящихся операций, на-

правленных на борьбу с организованной преступностью? Если да, расскажите подробнее, как это происходило? Опишите, пожалуйста, конкретные случаи.

14. Сталкивались ли Вы в своей практике со случаями передачи уголовных дел или иных документов сотрудниками правоохранительных органов членам ОПГ? Если да, расскажите об это подробнее.

15. Сталкивались ли Вы в своей практике с ситуациями сокрытия сотрудниками правоохранительных органов принадлежности лица к ОПГ, чтобы повлиять на меру наказания? Если да, расскажите об это подробнее. Что это были за случаи?

16. Сталкивались ли Вы в своей практике с ситуациями, когда сотрудники правоохранительных органов занимались расследованием каких-либо дел в интересах определенной преступной группировки? Если да, какие это были дела? Расскажите об этом подробнее.

17. С какими еще случаями поддержки членов ОПГ сотрудниками правоохранительных органов Вы сталкивались (например, консультация или отсутствие практики залога)? Расскажите об этом подробно, приведите, пожалуйста, примеры.

18. В чем Вы видите причины существования коррупции в правоохранительных органах?

19. Что, по Вашему мнению, можно сделать, для борьбы с коррупцией в правоохранительных органах? Какие силы должны заниматься решением данных проблем? Какие меры Вы считаете наиболее продуктивными?

20. Знаете ли Вы о существовании каких-либо программ или служб, занимающихся борьбой с коррупцией в правоохранительных органах? Если да, что это за программы или службы, как они называются, на какой территории действуют? Расскажите, пожалуйста, подробнее. Как бы Вы оценили эффективность данных программ или служб?

21. Как Вы относитесь к службам внутренней безопасности, существующим в правоохранительных органах? Как Вы считаете, насколько эффективна их работа по противодействию коррупции?

22. Считаете ли Вы оправданной возможность контроля личной жизни сотрудников правоохранительных органов со стороны служб внутренней безопасности с целью выявления связей с организованными преступными группами? Поясните, пожалуйста, свой ответ.

23. Каким образом, на Ваш взгляд, должны комплектоваться службы внутренней безопасности правоохранительных органов?

24. Как Вы оцениваете перспективы борьбы с коррупцией в правоохранительных органах в течение ближайших 10 лет?

К кому из Ваших коллег, обладающих информацией о коррупции и нелегальных связях сотрудников правоохранительных органов с членами ОПГ, мы также могли бы обратиться? Не могли бы Вы назвать имена этих людей и указать, как с ними можно связаться.

Могли бы Вы указать некоторые сведения о себе:

Ваше имя: _____

Возраст _____

Место работы, должность и воинское звание (если есть)

Стаж работы в данной области: _____

Телефон для контакта: _____

E-mail: _____

Дата интервью: _____

Спасибо за интересную беседу!

**ЦЕНТР ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (ЦЭСИ)
ПРИ КАБИНЕТЕ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
г. Казань, ул. Академика Губкина, 50
телефон 75-28-61**

**АНКЕТА
«ВАШЕ МНЕНИЕ ПО ВОПРОСАМ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ»**

**УВАЖАЕМЫЙ УЧАСТНИК
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ОПРОСА!**

ЦЕНТР ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ЦЭСИ) ПО ЗАКАЗУ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН ПРОВОДИТ ОЧЕРЕДНОЙ ОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ, ТЕРРОРИЗМОМ, КОРРУПЦИЕЙ И НАРКОМАНИЕЙ.

ЭТО ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОБХОДИМО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫЯСНИТЬ МНЕНИЕ ТАТАРСТАНЦЕВ О СОСТОЯНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ, ОЦЕНИТЬ РАБОТУ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, УЧЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, УЧЕСТЬ В РАБОТЕ ПОЛИЦИИ ИНТЕРЕСЫ И НУЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ, ОСТРОТУ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ.

В ОПРОСЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ 2100 ЖИТЕЛЕЙ ТАТАРСТАНА В ВОЗРАСТЕ ОТ 15 ДО 72 ЛЕТ. ВАШ АДРЕС ВЫБРАН ВО МНОГОМ СЛУЧАЙНО. УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ДОБРОВОЛЬНО И ПОЛНОСТЬЮ АНОНИМНО.

ДАННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, КАК ВСЕГДА, БУДУТ ОБНАРОДОВАНЫ В РЕСПУБЛИКАНСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.

ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧТИТЕ КАЖДЫЙ ВОПРОС АНКЕТЫ И ВСЕ ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ НА НЕГО. ТАМ, ГДЕ У ВАС ВОЗНИКНУТ ТРУДНОСТИ С ЕГО ПОНИМАНИЕМ, ОБРАТИТЕСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ К АНКЕТЕРУ.

ОТВЕЧАЙТЕ НА ВОПРОСЫ ТОЛЬКО САМОСТОЯТЕЛЬНО. ДЛЯ ЭТОГО ОБВЕДИТЕ КРУЖКОМ ЦИФРУ ПРОТИВ ТОГО ВАРИАНТА ОТВЕТА, КОТОРЫЙ БОЛЬШЕ ДРУГИХ СООТВЕТСТВУЕТ ВАШЕМУ МНЕНИЮ. ГДЕ НЕОБХОДИМО, ВПИШИТЕ СВОЙ ОТВЕТ.

УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА: НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ НИ ОДНОГО ВОПРОСА БЕЗ ОТВЕТА.

МЫ ОЧЕНЬ РАССЧИТЫВАЕМ НА ВАШУ ПОМОЩЬ.

ОДНИМ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ЯВЛЯЕТСЯ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ.

В СВЯЗИ С ЭТИМ НАШ ПЕРВЫЙ ВОПРОС....

1) В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ИНФОРМИРОВАНЫ О СОСТОЯНИИ ПРЕСТУПНОСТИ И ДЕЙСТВИЯХ ПОЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С НЕЮ, ПРЕДПРИНИМАЕМЫХ В ТАТАРСТАНЕ, ВАШЕМ ГОРОДЕ ИЛИ РАЙОНЕ?

ИНФОРМИРОВАН В ПОЛНОЙ МЕРЕ	1
ИНФОРМИРОВАН ЧАСТИЧНО	2
НЕ ИНФОРМИРОВАН	3
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	4

2) ИЗ КАКИХ ИСТОЧНИКОВ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ ИНФОРМАЦИЮ О РАБОТЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

ГТРК “ТАТАРСТАН” (ПРОГРАММА ДОСЬЕ”02”)	
ТЕЛЕКОМПАНИЯ “ЭФИР”	
ГАЗЕТЫ: “РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН”	

“ВАТАНЫМ ТАТАРСТАН”	
“ВЕЧЕРНЯЯ КАЗАНЬ”	
“МИЛИЦИЯ, ЗАКОННОСТЬ, ПРАВОПОРЯДОК”	
ДРУГИЕ ГАЗЕТЫ	
КОНТАКТЫ С РУКОВОДСТВОМ И СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ	
СЛУХИ, ДОМЫСЛЫ	
ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ	
НЕТ ИСТОЧНИКОВ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

3) В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ УДОВЛЕТВОРЕННЫ РАБОТОЙ ТАТАРСТАНСКОЙ ПОЛИЦИИ?

УДОВЛЕТВОРЕН В ПОЛНОЙ МЕРЕ	
УДОВЛЕТВОРЕН ЧАСТИЧНО	
НЕ УДОВЛЕТВОРЕН	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

4) ЕСЛИ ВЫ НЕ УДОВЛЕТВОРЕННЫ РАБОТОЙ ПОЛИЦИИ, ТО ОБЪЯСНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЧЕМУ? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

ПОЛИЦИЕЙ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ МЕРЫ ПО ФАКТАМ ЗАЯВЛЕНИЙ, ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН	
ПОЛИЦЕЙСКИЕ МЕРЫ НЕЭФФЕКТИВНЫ	
НЕТ ДОВЕРИЯ К ПОЛИЦИИ	
НЕДОСТАТОЧНО ПРИСУТСТВИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ НА УЛИЦАХ, В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ	

НИЗКА КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ	
СУЩЕСТВУЮТ ФАКТЫ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА И НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ СО СТОРОНЫ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ	
ПОЛИЦИЯ — ОРГАН ПО-ПРЕЖНЕМУ КАРАТЕЛЬНЫЙ И НЕ ОРИЕНТИРОВАННЫЙ НА ПОМОЩЬ И НУЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ	
СОТРУДНИКИ ПОЛИЦИИ НЕДОСТУПНЫ, С ИХ СТОРОНЫ МАЛО КОНСУЛЬТАЦИЙ, ИНФОРМАЦИИ О ТОМ, КАК ИЗБЕЖАТЬ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ	
ДРУГИЕ ПРИЧИНЫ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

5) КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ..... (дайте, пожалуйста, ответ по каждой строке)

.....ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ.....

	ХОРОШО	УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО	НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО	ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ
.....В СТРАНЕ				
.....В ТАТАРСТАНЕ				

.....СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ.....

	ХОРОШО	УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО	НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО	ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ
.....В СТРАНЕ				
.....В ТАТАРСТАНЕ				

.....СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ....

	ХОРОШО	УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО	НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО	ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ
.....В СТРАНЕ				
.....В ТАТАРСТАНЕ				

б) КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ТРЕВОЖАТ ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО?

(можно выбрать несколько вариантов ответов, но не более 5)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ	
НЕХВАТКА ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ И ТОВАРОВ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	
РОСТ ЦЕН	
УГРОЗА БЕЗРАБОТИЦЫ	
НЕСВОЕВРЕМЕННАЯ ИНДЕКСАЦИЯ И ЗАДЕРЖКИ С ВЫПЛАТОЙ ЗАРПЛАТЫ	
ОБЕСЦЕНИВАНИЕ ВКЛАДОВ	
СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	
КОРРУПЦИЯ, ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО	
РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАРКОМАНИИ	
ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА (ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ, ЗАКАЗНЫЕ УБИЙСТВА, ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ)	
СОСТОЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	

БЕСПОМОЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	
СОСТОЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	
ПАДЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕН- НОСТИ И МОРАЛИ	
УГРОЗА НАСТУПЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ И ОТ- КАЗА ОТ ДЕМОКРАТИИ	
СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	
ОТСУТСТВИЕ И НЕДОСТУП- НОСТЬ ЖИЛЬЯ	
ДОРОГОВИЗНА ЛЕКАРСТВ И МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИ- ВАНИЯ	
ДРУГИЕ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

7) В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ? (дайте, пожалуйста, ответ по каждой строке)

	вполне дове- ряю	не вполне дове- ряю	не до- веряю	не знаю
КАБИНЕТУ МИНИСТРОВ РТ				
ГОССОВЕТУ РТ				
ПОЛИЦИИ				
ОРГАНАМ ПРОКУРАТУРЫ И ПРАВОСУДИЯ				
ОРГАНАМ МИНИСТЕРСТВА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ ПРО- ИСШЕСТВИЯМ (МЧС)				
СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ				

8) БЫЛИ ЛИ ВЫ САМИ ИЛИ КТО-НИБУДЬ ИЗ ЧЛЕНОВ ВАШЕЙ СЕМЬИ ИЛИ ДАЖЕ ВСЯ СЕМЬЯ ЖЕРТВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД?

ДА		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 9 ВОПРОС
НЕТ		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 13 ВОПРОС

9) ЕСЛИ ДА, ТО НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ УТОЧНИТЬ, КАКОЕ ЭТО БЫЛО ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

КРАЖА ИЗ КВАРТИРЫ, ДОМА	
КРАЖА ИЗ САДОВОГО ДОМИКА	
КРАЖА ИЗ НАДВОРНЫХ ПОСТРОЕК	
КРАЖА ИЗ АВТОМОБИЛЯ	
КРАЖА АВТОМОБИЛЯ	
ДРУГИЕ КРАЖИ	
ГРАБЕЖ	
РАЗБОЙНОЕ НАПАДЕНИЕ	
ВЫМОГАТЕЛЬСТВО, РЭКЕТ	
МОШЕННИЧЕСТВО	
ИЗНАСИЛОВАНИЕ ИЛИ ПОКУШЕНИЕ НА ИЗНАСИЛОВАНИЕ	
УБИЙСТВО ИЛИ ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО	
УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, НАНЕСЕНИЕ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ	
ХУЛИГАНСТВО	
ДРУГОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ	

10) ОБРАЩАЛИСЬ ЛИ ВЫ ИЛИ ЧЛЕНЫ ВАШЕЙ СЕМЬИ С ПИСЬМЕННЫМ ЗАЯВЛЕНИЕМ В ПОЛИЦИЮ ПО ФАКТУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

ДА		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 11 ВОПРОС
НЕТ		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 12 ВОПРОС

11) ЕСЛИ ДА ТО, ЧЕМ ЗАКОНЧИЛОСЬ РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЫЛО РАСКРЫТО, А ВИНОВНЫЕ ПРИВЛЕКАЮТСЯ ИЛИ УЖЕ ПРИВЛЕЧЕНЫ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	
ПРЕСТУПЛЕНИЕ НЕ БЫЛО РАСКРЫТО	
НЕИЗВЕСТНО, ЧЕМ ЗАКОНЧИЛОСЬ РАССЛЕДОВАНИЕ	
САМ ЗАБРАЛ СВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ	
МЕНЯ ЗАСТАВИЛИ ЗАБРАТЬ ЗАЯВЛЕНИЕ СООБЩНИКИ ПРЕСТУПНИКОВ, САМИ ПРЕСТУПНИКИ	
МНЕ ПРЕДЛОЖИЛИ ЗАБРАТЬ ЗАЯВЛЕНИЕ В ПОЛИЦИИ	
ДРУГОЕ	

12) ЕСЛИ НЕТ, ТО ОБЪЯСНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ОБРАТИЛИСЬ В ПОЛИЦИЮ С ЗАЯВЛЕНИЕМ ПО ФАКТУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

(можно выбрать несколько вариантов ответов)

ЗНАЮ ПО ОПЫТУ, ЧТО СОТРУДНИКИ ПОЛИЦИИ НЕ ОТРЕАГИРУЮТ НА МОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ	
МНЕНИЕ О ТОМ, ЧТО СОТРУДНИКИ ПОЛИЦИИ НЕ ОТРЕАГИРУЮТ НА МОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ОСНОВАНО НА СООБЩЕНИЯХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	
ТАКОГО МНЕНИЯ ПРИДЕРЖИВАЮТСЯ МНОГИЕ ЛЮДИ, ОБ ЭТОМ ВСЕ ГОВОРЯТ	

ПРОИСШЕСТВИЕ НЕ ТРЕБОВАЛО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ПОЛИЦИИ	
У МЕНЯ НЕ БЫЛО ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И СВИДЕТЕЛЕЙ	
СИТУАЦИЯ БЫЛА РАЗРЕШЕНА САМОСТОЯТЕЛЬНО С ПОМОЩЬЮ СЕМЬИ ИЛИ ДРУЗЕЙ	
РАЗОБРАЛИСЬ С ПОМОЩЬЮ ДРУГИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, УГОЛОВНЫХ АВТОРТЕТОВ	
СЧИТАЮ, ЧТО ПРАВОНАРУШЕНИЕ НЕ БЫЛО СТОЛЬ СЕРЬЕЗНЫМ, ЧТОБЫ ДЕЛУ ДАВАТЬ ХОД	
СВОИМ ЗАЯВЛЕНИЕМ Я МОГ НАВРЕДИТЬ СОСЕДЯМ, ЗНАКОМЫМ	
ДРУГОЕ	

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОТЯСАЛИ АКТЫ ТЕРРОРА (УСТРАШЕНИЯ), СОВЕРШЕННЫЕ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БУЙНАКСКА, МОСКВЫ И ВОЛГОДОНСКА.

13) СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ЖЕРТВАМИ ТЕРРОРИСТОВ МОГУТ СТАТЬ ЖИТЕЛИ ТАТАРСТАНА: ВЫ САМИ ИЛИ ВАШИ БЛИЗКИЕ?

ДА	
СКОРЕЕ ДА, ЧЕМ НЕТ	
СКОРЕЕ НЕТ	
НЕТ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

14) В ЧЕМ ВЫ ВИДИТЕ ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ВСПЛЕСКА ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ?

(можно выбрать несколько вариантов ответов)

ОБНИЩАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И БЕЗРАБОТИЦА	
БОРЬБА ЗА КАСПИЙСКУЮ НЕФТЬ	

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ	
СЛАБОСТЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА	
ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ЧЕЧНИ	
ПОЛИТИКА ЧЕЧНИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ	
НЕПОДГОТОВЛЕННОСТЬ СИЛОВЫХ СТРУКТУР И СПЕЦСЛУЖБ	
РОСТ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ	
СОСТОЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	
СОСТОЯНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ХРИСТИАНСТВО-МУСУЛЬМАНСТВО)	
ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
ДРУГОЕ	

15) КАКИЕ МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИСТАМИ ДОЛЖНЫ ПРЕДПРИНИМАТЬ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

СОЗДАТЬ НА МЕСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ	
СОЗДАТЬ «САНИТАРНЫЙ» КОРДОН ВОКРУГ ТЕРРИТОРИЙ ЧЕЧНИ, КОНТРОЛИРУЕМЫХ БОЕВИКАМИ	
ПРЕСЛЕДОВАТЬ И УНИЧТОЖАТЬ ТЕРРОРИСТОВ	
ВЕСТИ ПЕРЕГОВОРЫ С ТЕРРОРИСТАМИ И ИХ ХОЗЯЕВАМИ	
ОКАЗАТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ НА СТРАНЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ФИНАНСОВУЮ ПОДДЕРЖКУ ТЕРРОРИСТАМ	

ОБРАТИТЬСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ К МИРОВОМУ СООБЩЕСТВУ	
ПРИЗНАТЬ НЕЗАВИСИМОСТЬ ЧЕЧНИ	
ВЫДЕЛИТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ СРЕДСТВА ДЛЯ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ	
ВВЕСТИ В СТРАНЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС, ЦЕНЗУРА, ОТМЕНА ВЫБОРОВ)	
ЗАКОНОДАТЕЛЬНО ЗАПРЕТИТЬ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И СЕКТЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	
СОЗДАТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОМОЩЬ ОВД	
УСИЛИТЬ РАБОТУ ПОЛИЦИИ И ДРУГИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ НА МЕСТАХ	
ДРУГОЕ	

В ТАТАРСТАНЕ ТРАДИЦИОННО СОСУЩЕСТВУЮТ ВЕЛИКИЕ МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ МУСУЛЬМАНСТВО И ХРИСТИАНСТВО, ДРУГИЕ КОНФЕССИИ. ОДНАКО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ПОЛУЧАЮТ РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РАЗЛИЧНЫЕ РАДИКАЛЬНЫЕ СЕКТЫ, РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕЧЕНИЯ. В ЭТОЙ СВЯЗИ....

16) ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЧТО-ЛИБО О ВАХХАБИЗМЕ?

ДА, ЗНАЮ ХОРОШО	
ЗНАЮ ЛИШЬ ОТЧАСТИ	
НЕ ЗНАЮ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

17) ЕСЛИ ДА, ТО НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ УТОЧНИТЬ, В КАКОЙ СТРАНЕ ОН ВОЗНИК?

АФГАНИСТАН	
ЕГИПЕТ	
ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ	
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ	
ДРУГАЯ СТРАНА	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

18) ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ СТАЛКИВАТЬСЯ С ВАХХАБИТАМИ.....

..... В ТАТАРСТАНЕ?

ДА	
НЕТ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

В ДРУГИХ РЕГИОНАХ РОССИИ, СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ?

ДА	
НЕТ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

19) КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ВЫРАЗИТЬ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ОСНОВНЫМ ИДЕЯМ ВАХХАБИЗМА?

	по- ложи- тель- но	ней- траль- но	от- рица- тель- но	за- труд- няюс- ь от- ве- тить
ОТКАЗ ОТ ТРАДИЦИОННОГО ИСЛАМА И ВОЗВРАТ К РАН- НЕМУ, ПЕРВОЗДАННОМУ ИСЛАМУ ВРЕМЕН МУХАМ- МАДА				

ОТКАЗ ОТ ПОКЛОНЕНИЯ СВЯТЫМ И СВЯТЫМ МЕСТАМ				
ОТКАЗ ОТ ЗАИМСТВОВАНЫХ КУЛЬТОВЫХ НОВШЕСТВ, ВСЯКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ РОСКОШИ В БЫТУ, ОДЕЖДЕ, КУЛЬТУРЕ				
НЕОБХОДИМОСТЬ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ “ДЖИХАДА”				

ОБЩИНЫ ВАХХАБИТОВ СУЩЕСТВУЮТ СЕГОДНЯ В ЧЕЧНЕ, ДАГЕСТАНЕ, СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ, АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ, ДРУГИХ РЕГИОНАХ. ПОСЛЕ НЕДАВНИХ СОБЫТИЙ В ДАГЕСТАНЕ ПАРЛАМЕНТОМ ЭТОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРИНЯТ ЗАКОН “О ЗАПРЕТЕ ВАХХАБИЗМА И ИНОЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ”

20) КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ НЕОБХОДИМО ЛИ ПРИНЯТЬ АНАЛОГИЧНЫЙ ЗАКОН В ТАТАРСТАНЕ?

ДА	
НЕТ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

21) ЕСЛИ НЕТ, ТО НАПИШИТЕ ПОЧЕМУ?

МНОГИЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ АКТИВНО ОБСУЖДАЮТ ПРОБЛЕМУ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ПОДКУП ЧИНОВНИКОВ, ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, ПРОТЕКЦИОНИЗМ. В СВЯЗИ С ЭТИМ.....

22) КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В КАКОЙ МЕРЕ КОРРУПЦИЯ РАСПРОСТРАНЕНА В...

(дайте ответ по каждой строке в пятибалльной системе)

	МИ-НИ-МАЛЬ-НО				МАКСИ-МАЛЬ-НО	НЕ ЗНАЮ
	1	2	3	4	5	
....РОССИИ						
.....ТАТАР-СТАНЕ						
.....ВАШЕМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ						

23) КОСНУЛАСЬ ЛИ ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ ВАС ЛИЧНО ИЛИ ЧЛЕНОВ ВАШЕЙ СЕМЬИ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД?

ДА		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 24 ВОПРОС
НЕТ		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 25 ВОПРОС

24) ЕСЛИ ВЫ СТОЛКНУЛИСЬ С КОРРУПЦИЕЙ, ТО НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ УТОЧНИТЬ В ЧЕМ ОНА СОСТОЯЛА? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

МНЕ ПРЕДЛОЖИЛИ ВЗЯТКУ	
Я ВЫНУЖДЕН БЫЛ ДАТЬ ВЗЯТКУ	
Я НАБЛЮДАЛ ЗА ФАКТОМ ПОДКУПА ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА	
Я СТОЛКНУЛСЯ С ФАКТОМ ПРОТЕКЦИОНИЗМА — НАЗНАЧЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТЬ ПО ПРИЗНАКУ ЛИЧНОЙ ПРЕДАННОСТИ ИЛИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ОПРЕДЕЛЕННОМУ ЗЕМЛЯЧЕСТВУ, КЛАНУ	
ДРУГОЕ	

МНОГИХ ЛЮДЕЙ В НАШЕ ВРЕМЯ БЕСПОКОИТ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАРКОМАНИИ.

25) КОСНУЛАСЬ ЛИ ЭТА ПРОБЛЕМА ВАС ЛИЧНО ИЛИ ЧЛЕНОВ ВАШЕЙ СЕМЬИ ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД?

ДА		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 25 ВОПРОС
НЕТ		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 27 ВОПРОС

26) ЕСЛИ ДА, ТО НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ УТОЧНИТЬ, В ЧЕМ ОНА СОСТОЯЛА?

МНЕ ПЫТАЛИСЬ ПОДСУНУТЬ НАРКОТИК, ПРЕДЛАГАЛИ ЕГО ПОПРОБОВАТЬ, НО Я ОТКАЗАЛСЯ	
МНЕ ПОДСУНУЛИ, ПРЕДЛОЖИЛИ НАРКОТИК И Я ВПЕРВЫЕ ЕГО ПОПРОБОВАЛ	
Я ИЗРЕДКА ПРИНИМАЮ НАРКОТИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА	
Я ПОСТОЯННО ПРИНИМАЮ НАРКОТИКИ	
В НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОКАЗАЛСЯ МОЙ СЫН (ДОЧЬ), БЛИЗКИЙ РОДСТВЕННИК	
Я ВЫНУЖДЕН ЗАНИМАТЬСЯ ТОРГОВЛЕЙ НАРКОТИКАМИ	
ДРУГОЕ	

27) УКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАКОЙ ЭТО НАРКОТИК?

ГАШИШ	
МАРИХУАНА	
МАКОВАЯ СОЛОМКА	
ОПИЙ	
ЭКСТАЗИ	
КОКАИН	
ГЕРОИН	

СНИ	
ДРУГОЙ	
НЕ ЗНАЮ	

19 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА ПРОЙДУТ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ, ГОССОВЕТ ТАТАРСТАНА. В ЭТОЙ СВЯЗИ...

28) ПРОЯВЛЯЕТЕ ЛИ ВЫ ИНТЕРЕС К ПРЕДСТОЯЩИМ ВЫБОРАМ, СОПЕРНИЧЕСТВУ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ БЛОКОВ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ДЕПУТАТОВ?

ДА	
НЕТ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

29) УЧАСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ ОБЫЧНО В ГОЛОСОВАНИИ НА ВЫБОРАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ИЛИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО УРОВНЯ?

ДА, ОБЫЧНО ГОЛОСУЮ	
ГОЛОСУЮ НЕВСЕГДА	
ОБЫЧНО НЕ ПРИНИМАЮ УЧАСТИЯ В ГОЛОСОВАНИИ	
ЕЩЕ НЕ ДОСТИГ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ВОЗРАСТА	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

30) БУДЕТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТВОВАТЬ В ГОЛОСОВАНИИ НА ВЫБОРАХ 19 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА В РОССИЙСКУЮ ДУМУ И ГОССОВЕТ ТАТАРСТАНА?

ДА, БУДУ НАВЕРНЯКА	
СКОРНЕ БУДУ, ЧЕМ НЕТ	
СКОРНЕ НЕ БУДУ	

НЕ БУДУ ГОЛОСОВАТЬ	
ЗАТРУБНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

ИЗВЕСТНО, ЧТО В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПИСКАХ НЕКОТОРЫХ ПАРТИЙ БЫЛИ ОБНАРУЖЕНЫ КАНДИДАТЫ С КРИМИНАЛЬНЫМ ПРОШЛЫМ. В ЭТОЙ СВЯЗИ.....

31) КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ОТМЕНЕ ДЕПУТАТСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ?

ПОЛОЖИТЕЛЬНО	
НЕЙТРАЛЬНО	
ОТРИЦАТЕЛЬНО	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

32) КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ БЛОКИ, ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО УРОВНЯ В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ВЫРАЖАЕТ ИНТЕРЕСЫ ТАКИХ ЛЮДЕЙ КАК ВЫ? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ “ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ” (ЕГОР ГАЙДАР)	
“СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ” (СЕРГЕЙ КИРИЕНКО)	
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ “НАШ ДОМ — РОССИЯ” (ВИКТОР ЧЕРНОМЫРДИН)	
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ БЛОК “ОТЕЧЕСТВО”— “ВСЯ РОССИЯ” (ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ)	
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ БЛОК “ЕДИНСТВО” (СЕРГЕЙ ШОЙГУ)	
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ “ЧЕСТЬ И РОДИНА” (АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЬ)	
БЛОК В.ЖИРИНОВСКОГО	

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ “КЕДР” (ВЛАДИМИР ПЕТРОВ)	
РОССИЙСКИЙ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ (СЕРГЕЙ БАБУРИН)	
ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ “БЛОК ГЕНЕРАЛА АНДРЕЯ НИКОЛАЕВА И АКАДЕМИКА СВЯТОСЛАВА ФЕДОРОВА”	
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ)	
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ “ЯБЛОКО” (ГЕОРГИЙ ЯВЛИНСКИЙ)	
ПАРТИЯ “РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО” (АЛЕКСАНДР БАРКАШОВ)	
ДРУГАЯ	
ТАКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НЕТ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

33) КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКИЕ ТАТАРСТАНСКИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ БЛОКИ, ПАРТИИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ВЫРАЖАЕТ ИНТЕРЕСЫ ТАКИХ ЛЮДЕЙ КАК ВЫ? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ “ТУГАН ИЛЕМ ТАТАРСТАН” (А. ГАБУТДИНОВА)	
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ТАТАРСТАНА (А. САЛИЙ)	
ВСЕТАТАРСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЦЕНТР (З. ЗАЙНУЛЛИН)	
ПАРТИЯ ТАТАРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ “ИТТИФАК” (Ф. БАЙРАМОВА)	

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ПАРТИЯ ТАТАРСТАНА (М. САБИРОВ)	
ТАТАРСТАН — НОВЫЙ ВЕК (Р. ХАКИМОВ)	
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ БЛОК “РАВНОПРАВИЕ И ЗАКОН- НОСТЬ” (И. ГРАЧЕВ)	
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ТАТАРСТАНА “СОГЛАСИЕ” (В. БЕЛЯЕВ)	
ПАРТИЯ “ХОРРИЯТ”	
ПРФСОЮЗ “ГАДЕЛЛЕК”	
ДРУГАЯ	
ТАКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НЕТ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

34) КАКИМ ИСТОЧНИКОМ ИНФОРМАЦИИ О КАНДИДАТАХ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ БЛОКАХ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ БОЛЬШЕ ВСЕГО? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

РОССИЙСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ: “ОБЩЕСТВЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ (ОРТ)	
“РТР”	
“НТВ”	
ДРУГИЕ	
РОССИЙСКАЯ ПРЕССА: “ИЗВЕСТИЯ”	
“КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА”	
“АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ”	
ДРУГИЕ	

ТАТАРСТАНСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ:	
ГТРК “ТАТАРСТАН”	
ТЕЛЕКОМПАНИЯ “ЭФИР”	
КАНАЛ “ВАРИАНТ”	
ДРУГИЕ	
ТАТАРСТАНСКАЯ ПРЕССА:	
“РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН”	
“ВАТАНЫМ ТАТАРСТАН”	
“ТАТАРСТАН ЯШЛЭРЭ”	
“ВЕЧЕРНЯЯ КАЗАНЬ”	
“КАЗАНСКОЕ ВРЕМЯ”	
“НОВАЯ ВЕЧЕРКА”	
ДРУГИЕ	
ТАКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НЕТ	
АГИТМАТЕРИАЛЫ КАНДИДАТОВ И ПАРТИЙ:	
СТЕНДЫ И ПЛАКАТЫ	
ЛИЧНЫЕ ВСТРЕЧИ С ИЗБРАТЕЛЯМИ	
ДРУГОЕ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

35) КТО ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ДОВЕРИЕ? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

АЛТЫНБАЕВ Р.З.	
ГУБАЙДУЛЛИН Р.Ш.	

ДЕМИДОВ А.И.	
ИСХАКОВ К.Ш.	
МИННЕХАНОВ Р.Н.	
МУРАТОВ Р.Ф.	
МУХАМЕТШИН Ф.Х.	
САБИРОВ М.Г.	
САФАРОВ А.А.	
ШАЙДАРОВ К.Я.	
ШАЙМИЕВ М.Ш.	
ДРУГИЕ	
НИКОМУ ИЗ НИХ НЕ ДОВЕРЯЮ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОСТИ ВО МНОГОМ СВЯЗАНА С СОСТОЯНИЕМ ЭКОНОМИКИ. В СВЯЗИ С ЭТИМ....

36) КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

ОЧЕНЬ ХОРОШЕЕ	
ХОРОШЕЕ	
СРЕДНЕЕ	
ПЛОХОЕ	
ОЧЕНЬ ПЛОХОЕ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

37) КАК ИЗМЕНИЛОСЬ В ЭТОМ ГОДУ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

СУЩЕСТВЕННО УЛУЧШИЛОСЬ	
НЕМНОГО УЛУЧШИЛОСЬ	

ОСТАЛОСЬ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ	
НЕМНОГО УХУДШИЛОСЬ	
СУЩЕСТВЕННО УХУДШИЛОСЬ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

38) СВОЕВРЕМЕННО ЛИ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ СВОЙ ДОХОД (ЗАРПЛАТУ, ПРЕМИЮ, ПЕНСИЮ, ПОСОБИЕ, СТИПЕНДИЮ)?

СВОЕВРЕМЕННО, БЕЗ ЗАДЕРЖЕК	
С ЗАДЕРЖКОЙ МЕНЕЕ 1 МЕСЯЦА	
С ЗАДЕРЖКОЙ ОТ 1 ДО 2 МЕСЯЦЕВ	
С ЗАДЕРЖКОЙ ОТ 2 ДО 4 МЕСЯЦЕВ	
С ЗАДЕРЖКОЙ ОТ 4 ДО 6 МЕСЯЦЕВ	
С ЗАДЕРЖКОЙ ОТ 6 ДО 8 МЕСЯЦЕВ	
С ЗАДЕРЖКОЙ ОТ 8 ДО 10 МЕСЯЦЕВ	
С ЗАДЕРЖКОЙ ОТ 10 ДО 12 МЕСЯЦЕВ	
С ЗАДЕРЖКОЙ БОЛЕЕ 12 МЕСЯЦЕВ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

В УСЛОВИЯХ ЗАТЯЖНОГО КРИЗИСА, ЗАДЕРЖЕК С ИНДЕКСАЦИЕЙ И ВЫПЛАТАМИ ЗАРПЛАТЫ МНОГИЕ ЛЮДИ САМИ ИЩУТ ВЫХОД ИЗ СЛОЖНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ.

39) ПРИХОДИТСЯ ЛИ ВАМ “КРУТИТЬСЯ”, ПОДРАБАТЫВАТЬ, ИСКАТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ?

ДА, ПОСТОЯННО		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 40 ВОПРОС
ДА, ВРЕМЕННО		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 40 ВОПРОС

ДА, НО ОЧЕНЬ РЕДКО, ОТ СЛУЧАЯ К СЛУЧАЮ	ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 40 ВОПРОС
НЕТ	ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 43 ВОПРОС

40) ЕСЛИ ДА, ТО НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ НАЗВАТЬ ВИД ВАШЕЙ ОБЫЧНОЙ ПОДРАБОТКИ, ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

РАБОТА ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ, НА ЧАСТЬ СТАВКИ	
РАБОТА ПО ДОГОВОРУ НА ВЫПОЛНЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО ОБЪЕМА УСЛУГ	
ЗАРЕГИСТРИРОВАННАЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ БЕЗ РЕГИСТРАЦИИ (ВЕЩАМИ, ПРОДУКТАМИ)	
ОКАЗАНИЕ БЫТОВЫХ И ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ (РЕМОНТ, НАЛАДКА, ИЗВОЗ)	
РЕПЕТИТОРСТВО, КОНСУЛЬТАЦИИ	
ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (ДАЧ, ГАРАЖЕЙ, ДОМОВ)	
ПРОИЗВОДСТВО НА ПРОДАЖУ МЯСА, ПТИЦЫ, МОЛОКА И ДРУГИХ ПРОДУКТОВ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА	
ОХОТА И ЛОВЛЯ РЫБЫ ДЛЯ ПРОДАЖИ	
ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ	
ВЫРАЩИВАНИЕ НА ПРОДАЖУ ОВОЩЕЙ, ФРУКТОВ, ЦВЕТОВ	
СБОР И ПРОДАЖА ГРИБОВ, ЯГОД, ТРАВ	

НЕ РАЗРЕШЕННАЯ ЗАКОНОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (АФЕРЫ, МОШЕННИЧЕСТВО, ВЫМО- ГАТЕЛЬСТВО И Т.П.)	
ДРУГОЕ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

**41) С КАКИМИ ПРОБЛЕМАМИ ПРИ ПОДРАБОТКАХ ВАМ ЧАЩЕ ВСЕГО ПРИХОДИТСЯ СТАЛКИВАТЬСЯ? (можно вы-
брать несколько вариантов ответов)**

ВЫМОГАТЕЛЬСТВО СО СТОРОНЫ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ ИЛИ ПРЕСТУПНЫХ СООБ- ЩЕСТВ	
КОНФЛИКТЫ С КОНКУРЕНТАМИ	
КОНФЛИКТЫ С МИЛИЦИЕЙ	
ПОБОРЫ ЧИНОВНИКОВ	
НИЗКАЯ ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБ- НОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ	
НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ	
ПРАВОВАЯ НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ	
ОТСУТСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГАРАНТИИ	
УГРОЗА ДЛЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, РИСК БАНКРОТСТВА	
НАПРАВЛЕНИЕ БИЗНЕСА, В КОТОРОМ Я ПЫТА- ЮСЬ РАБОТАТЬ ЗАНЯТО (ПОДЕЛЕНО) КОНКУ- РЕНТАМИ (ДРУГИМИ СТРУКТУРАМИ)	
НЕТ ПРОБЛЕМ	
ДРУГОЕ	

ЯСНО, ЧТО УРОВЕНЬ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ПЕНСИЙ И ПОСОБИЙ У БОЛЬШИНСТВА ЛЮДЕЙ ЕДВА ПОЗВОЛЯЕТ ВЫЖИТЬ. ПОЭТОМУ.....

42) НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ОЦЕНИТЬ ДОЛЮ, КОТОРУЮ СОСТАВЛЯЮТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДОХОДЫ ОТ РАЗЛИЧНЫХ ПОДРАБОТОК В ВАШЕМ СОВОКУПНОМ ДОХОДЕ ЗА ПОСЛЕДНИЙ МЕСЯЦ?

НЕ БЫЛО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОХОДА	
МЕНЕЕ 25%	
ОТ 25% ДО 50%	
ОТ 50% ДО 75%	
ОТ 75% ДО 100%	
БОЛЕЕ 100%	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

43) УТОЧНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, К КАКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЕ ВЫ САМИ СЕБЯ ОТНОСИТЕ?

ЗАНЯТЫЙ, ИМЕЮЩИЙ ОПЛАЧИВАЕМУЮ РАБОТУ	
СТУДЕНТ, УЧАЩИЙСЯ ДНЕВНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ	
БЕЗРАБОТНЫЙ	
ПЕНСИОНЕР ПО ВОЗРАСТУ, ПО ВЫСЛУГЕ ЛЕТ, НА ЛЬГОТНЫХ УСЛОВИЯХ	
ПЕНСИОНЕР ПО ИНВАЛИДНОСТИ	
ПОЛУЧАТЕЛЬ ДОХОДА ОТ СОБСТВЕННОСТИ	
ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА ИЛИ ДРУГОЙ ЧЛЕН СЕМЬИ, ОТВЕЧАЮЩИЙ ЗА УХОД ПО ДОМУ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ	
ДРУГОЕ	

44) ЕСЛИ ВЫ СЧИТАЕТЕ СЕБЯ БЕЗРАБОТНИМ, ТО ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ ЛИ ВЫ В СЛУЖБЕ ЗАНЯТОСТИ КАК БЕЗРАБОТНЫЙ?

ДА		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 45 ВОПРОС
НЕТ		ПЕРЕХОДИТЕ К ОТВЕТУ НА 46 ВОПРОС

45) ЕСЛИ “ДА”, ТО ПОЛУЧАЕТЕ ЛИ ВЫ ПОСОБИЕ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ?

ДА	
НЕТ	

И, НАКОНЕЦ, ПОСЛЕДНЕЕ.

46) ЧТО БЫ ВЫ ХОТЕЛИ, ПОЛЬЗУЯСЬ СЛУЧАЕМ, ПОСОВЕТОВАТЬ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТАТАРСТАНА ГЕНЕРАЛУ А.А. САФАРОВУ ПО ВОПРОСАМ УЛУЧШЕНИЯ РАБОТЫ ТАТАРСТАНСКОЙ ПОЛИЦИИ?

НАПИШИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА

***ИСКРЕННО БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА УЧАСТИЕ
В ИССЛЕДОВАНИИ!***

**ДАННЫЕ О МЕСТЕ ОПРОСА И РЕСПОНДЕНТЕ
(ЗАПОЛНЯЮТСЯ РЕСПОНДЕНТОМ И КОНТРОЛИРУЮТСЯ ПО КВОТНОЙ ИНСТРУКЦИИ АНКЕТЕРОМ)**

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА:

КАЗАНЬ	
ГОРОД В РЕСПУБЛИКЕ	
СЕЛО	

ПОЛ:

МУЖСКОЙ	
ЖЕНСКИЙ	

ВОЗРАСТ:

ОТ 15 ЛЕТ 19	
ОТ 20 ДО 29	
ОТ 30 ДО 49	
ОТ 50 ДО 59	
ОТ 60 ДО 72	

ОБРАЗОВАНИЕ:

ВЫСШЕЕ И НЕЗАКОНЧЕННОЕ ВЫСШЕЕ	
СРЕДНЕЕ СПЕЦИАЛЬНОЕ	
СРЕДНЕЕ ОБЩЕЕ	
НЕЗАКОНЧЕННОЕ СРЕДНЕЕ, НАЧАЛЬНОЕ, БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ	

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ:

МУСУЛЬМАНИН (-КА)	
ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРИСТИАНИН (-КА)	
ДРУГОЕ (УКАЖИТЕ КАКОЕ)	
НЕ СЧИТАЮ СЕБЯ ВЕРУЮЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ	
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ:

ТАТАРИН (-КА)	
РУССКИЙ (-АЯ)	
ДРУГАЯ (укажите какая)	

РОД ЗАНЯТИЙ, СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ:

РАБОЧИЙ	
КРЕСТЬЯНИН, РАБОТНИК СЕЛА	

ИНЖЕНЕР, ТЕХНИК, СПЕЦИАЛИСТ НА ПРОИЗВОДСТВЕ (техническая интеллигенция)	
ВРАЧ, УЧИТЕЛЬ, ЖУРНАЛИСТ (творческая интеллигенция)	
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ, КОММЕРСАНТ	
РУКОВОДИТЕЛЬ	
УЧАЩИЙСЯ, СТУДЕНТ	
ПЕНСИОНЕР	
ДРУГОЕ	

Республиканский центр профилактики
наркотизации населения
при Кабинете министров Республики Татарстан
420014 Республика Татарстан,
г. Казань, Кремль, а/я 5, тел.: 93-26-02

БЛАНК ФОРМАЛИЗОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ “СОЦИАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ НАРКОТИЗМА”

УВАЖАЕМЫЙ УЧАСТНИК ОПРОСА!

Республиканский центр профилактики наркотизации населения при Кабинете министров Республики Татарстан и Государственный комитет по статистике проводят выборочное социологическое исследование. Оно необходимо для того, чтобы выяснить реальное положение дел с распространением наркомании в нашей республике и предложить обоснованные меры по решению этой сложной социальной проблемы.

В опросе принимают участие люди из разных городов и сел Татарстана. Участие в исследовании абсолютно анонимно и добровольно. Ваши ответы интервьюеру стимулируются небольшим, но приятным презентом. Надеемся, что они будут откровенными.

Внимательно выслушайте (или прочтите, если это необходимо) каждый вопрос и все варианты ответов на него. Там, где у вас возникнут трудности с его пониманием, обратитесь за помощью к интервьюеру.

Ответ на вопрос фиксируется кружком вокруг цифры против того варианта, который больше других соответствует вашему мнению. Там, где необходимо, внесите свои предложения. Не оставляйте без ответа ни один вопрос интервьюера.

В последние годы мы с Вами все чаще сталкиваемся с различными социальными проблемами.

1) Оцените, пожалуйста, какие из перечисленных ниже проблем лично для Вас являются самыми актуальными, злободневными? (можно отметить несколько ответов, но не более 5)

1. плохая работа коммунальных служб
2. неблагоустроенность или отсутствие жилья

3. преступность
4. терроризм
5. нехватка денег
6. безработица
7. рост цен
8. загрязнение окружающей среды
9. недоступность лекарств
10. проблемы со здоровьем
11. пьянство
12. наркомания
13. проституция
14. коррупция
15. межнациональные конфликты
16. неустроенность личной жизни
17. другое, напишите, что именно _____
18. затрудняюсь ответить.

В средствах массовой информации нередко сообщается о фактах немедицинского использования отдельными людьми наркотиков и других психоактивных веществ. Как правило, речь идет о препаратах, изготовленных из конопли, мака снотворного, растения кока, искусственных наркотиков, психостимуляторов, барбитуратов, галлюциногенов, клеев, ацетоновых смесей и др. В связи с этим ответьте, пожалуйста, на ряд деликатных вопросов.

2) Вспомните, есть ли среди Ваших знакомых, друзей, родственников те, кто употребляют наркотики или другие психоактивные вещества?

1. нет таких
2. да, есть такие
3. затрудняюсь ответить.

3) Принимает ли наркотические вещества кто-нибудь из членов Вашей семьи?

1. нет, не принимает
2. да, принимает
3. затрудняюсь ответить.

4) Приходилось ли Вам пробовать какой-нибудь наркотик?

4.1	нет, никогда не пробовал (-а)	переходите к 15 вопросу
4.2	да, пробовал (-а)	переходите к 5 вопросу

5) Если «да», то поясните, пожалуйста, в чем состоял Ваш личный опыт?

1. всего один только раз попробовал (-а) наркотик
2. несколько раз пробовал (-а) наркотики
3. в прошлом регулярно пользовался (-ась) наркотиками
4. редко (от случая к случаю, не каждый месяц) пользуюсь наркотиками в настоящее время
5. регулярно (раз в месяц и чаще) пользуюсь какими-либо «легкими» наркотиками (анаша, гашиш, марихуана и др.)
6. регулярно пользуюсь какими-либо «тяжелыми» наркотиками (героин и др.)
7. другое, напишите, что именно _____

6) Уточните, пожалуйста, какие именно наркотики вы принимали?

(можно отметить несколько ответов)

1.	марихуана	2.	гашиш	3.	ганджа
4.	«травка»	5.	«план»	6.	опий
7.	маковая соломка	8.	морфин	9.	героин
10.	кодеин	11.	гидроморфон	12.	эторфин
13.	кокаин	14.	крэк	15.	фенамин
16.	амфетамин	17.	метамфетамин	18.	метадон
19.	эфедрин	20.	«экстази»	21.	барбитураты
22.	ЛСД	23.	фенциклидин	24.	мескалин
25.	ацетон, клей «Момент»	26.	релевин	27.	неизвестное вещество

28. другой, напишите, какой именно _____

7) Что побудило Вас попробовать наркотик? (можно отметить несколько ответов, но не более 5)

1. интерес к необычным и острым ощущениям
2. возможность уйти от проблем действительности, забыться
3. удовольствие, кайф, эйфория, которые нельзя получить другими способами
4. спасение от скуки и одиночества
5. ощущение опасности и риска
6. желание испытать себя
7. легкомыслие
8. слабохарактерность, безволие
9. легкие деньги и баловство от хорошей жизни
10. отсутствие идеалов, жизненных ориентиров и планов
11. желание быть как все, чтобы не выглядеть “белой вороной”
12. невозможность найти себе применение
13. безысходность и отчаяние
14. разочарование в жизни
15. неуверенность в будущем из-за отсутствия перспективы
16. другое, что именно _____
17. затрудняюсь ответить.

8) Какие ВНЕШНИЕ обстоятельства повлияли на Ваш опыт приобщения к наркотикам? (можно отметить несколько ответов)

1. друзья, уличное окружение
2. мода на употребление наркотиков
3. конфликты в семье
4. непонимание со стороны родителей, близких
5. плохая организация досуга
6. проблемы с законом, милицией
7. низкий уровень жизни
8. безработица
9. проблемы с учебой
10. проблемы с работой
11. доступность наркотиков
12. активность наркобизнеса
13. средства массовой информации
14. другое, что именно _____
15. существенно не повлияли
16. затрудняюсь ответить.

9) В каком возрасте Вы впервые попробовали наркотическое вещество?

1. до 10 лет
2. от 10 до 12 лет
3. от 12 до 14 лет
4. от 14 до 16 лет
5. от 16 до 18 лет
6. от 18 до 20 лет
7. старше 20 лет.

10) Какой это был наркотик?

1.	марихуана	2.	гашиш	3.	ганджа
4.	«травка»	5.	«план»	6.	опий
7.	маковая соломка	8.	морфин	9.	героин
10.	кодеин	11.	гидроморфон	12.	эторфин
13.	кокаин	14.	крэк	15.	фенамин
16.	амфетамин	17.	метамфетамин	18.	метадон
19.	эфедрин	20.	«экстази»	21.	барбитураты
22.	ЛСД	23.	фенциклидин	24.	мескалин
25.	ацетон, клей "Момент"	26.	релевин	27.	неизвестное вещество

28. Другой, напишите, какой именно _____

11) Вы попробовали его добровольно?

1. нет, меня вовлекли, обманули
2. нет, меня вынудили
3. да, добровольно
4. другое, что именно _____
5. затрудняюсь ответить.

12) Каким способом Вы употребляли наркотики? (можно отметить несколько ответов)

1. курение
2. ингаляции (вдыхание паров или порошка)
3. инъекции (укол с помощью шприца)
4. орально (глотание таблеток, порошка, пасты)
5. другое, что именно _____

13) В каких местах Вы принимали наркотические вещества? (можно отметить несколько ответов)

1. дома	2. в подъезде	3. на дискотеке
4. в клубе	5. на улице	6. на вечеринке
7. в учебном заведении	8. на работе	9. в компании друзей
10. в одиночестве	11. в другом городе, населенном пункте	12. где придется
13. другое, что именно _____		

14) У кого Вы обычно приобретали наркотики? (можно отметить несколько ответов)

1. у старших ребят	2. у знакомых
3. у наркоманов	4. у продавцов наркотиков
5. у пацанов, членов группировок	6. у работников аптек
7. у медицинских работников	8. у сотрудников милиции
9. у незнакомых людей	10. у лиц определенной национальности («кавказцы», «таджики», «цыгане» и др.)
11. изготавливал самостоятельно	12. не знаю
13. другое, что именно _____	

15) Легко ли в Вашем городе, населенном пункте достать наркотики?

1.	очень легко	переходите к 16 вопросу
2.	легко	переходите к 16 вопросу
3.	трудно	переходите к 17 вопросу
4.	очень трудно	переходите к 17 вопросу
5.	не знаю	переходите к 17 вопросу

16) Уточните, пожалуйста, какие именно? (можно отметить несколько ответов)

1.	марихуана	2.	гашиш	3.	ганджа
4.	«травка»	5.	«план»	6.	опий
7.	маковая соломка	8.	морфин	9.	героин
10.	кодеин	11.	гидроморфон	12.	эторфин
13.	кокаин	14.	крэк	15.	фенамин
16.	амфетамин	17.	метамфетамин	18.	метадон
19.	эфедрин	20.	«экстази»	21.	барбитураты
22.	ЛСД	23.	фенциклидин	24.	мескалин
25.	ацетон, клей «Момент»	26.	релевин	27.	неизвестное вещество

28. другой, напишите, какой именно _____

17) Согласны ли Вы с тем, что для здоровья человека опасно.....

	да	нет	затрудняюсь ответить
17.1...однократное употребление наркотиков	1.	2.	3.

17.2...периодическое (от случая к случаю)	1.	2.	3.
17.3...регулярное	1.	2.	3.

18) Как Вы считаете, те, кто начал употреблять наркотики, могут самостоятельно от них отказаться?

1. да, легко могут отказаться
2. да, но с трудом
3. нет, не могут отказаться
4. другое, что именно _____
5. затрудняюсь ответить.

19) Как, по Вашему мнению, люди относятся... к соседству с больными наркоманией?

1. положительно
2. нейтрально
3. отрицательно
4. затрудняюсь ответить.

.....

к открытию наркологического диспансера или реабилитационного центра поблизости от своего дома?

1. положительно
2. нейтрально
3. отрицательно
4. затрудняюсь ответить.

20) Оцените, пожалуйста, Ваше личное отношение к таким группам людей, как алкоголики, больные СПИДом и наркоманией. (ответ дайте по каждой строке таблицы)

группа	(-5)максимальная нетерпимость				0)нейтральное отношение				(5)максимальная терпимость			
20.1 ал-коголики	-5 ₁	-4 ₂	-3 ₃	-2 ₄	-1 ₅	0 ₆	1 ₇	2 ₈	3 ₉	4 ₁₀	5 ₁₁	не знаю ₁₂

20.2 больные СПИДом	-5 ₁	-4 ₂	-3 ₃	-2 ₄	-1 ₅	0 ₆	1 ₇	2 ₈	3 ₉	4 ₁₀	5 ₁₁	не знаю ₁₂
20.3 больные наркома- нией	-5 ₁	-4 ₂	-3 ₃	-2 ₄	-1 ₅	0 ₆	1 ₇	2 ₈	3 ₉	4 ₁₀	5 ₁₁	не знаю ₁₂

21) Осуждаете ли Вы тех, кто употребляет наркотики.....

	да	нет	затрудняюсь ответить
21.1 ...однократно	1.	2.	3.
21.2 ...периодически (от слу- чая к случаю)	1.	2.	3.
21.3 ...регулярно	1.	2.	3.

22) Интересуетесь ли Вы информацией о наркотиках и пробле- мах наркомании?

1.	нет	переходите к 24 вопросу
2.	да, интересуюсь	переходите к 23 вопросу
3.	затрудняюсь ответить	переходите к 24 вопросу

23) Если «да», то какие источники в основном позволяют Вам получить такие сведения? (можно отметить несколько ответов)

1. газеты
2. научно-популярные издания
3. радио
4. телевидение
5. общение со специалистами в области медицины
6. общение с работниками органов внутренних дел
7. общение с педагогами
8. общение с родителями
9. общение с друзьями
10. общение с теми, кто пользуется наркотиками

11. общение с теми, кто продает наркотики

12. другое, что именно _____

24) Знаете ли Вы, что в Татарстане при поддержке правительства республики проводятся различные мероприятия по профилактике распространения наркомании среди населения?

1. знаю хорошо	2. знаком с ними частично
3. не знаю	4. затрудняюсь ответить

25) Принимали ли Вы участие в антинаркотических мероприятиях, проводимых в нашей республике?

1.	нет	переходите к 27 вопросу
2.	да, принимал(-а)	переходите к 26 вопросу

26) Если «да», то уточните, пожалуйста, в чем оно состояло?
(можно отметить несколько ответов)

1. ознакомился(-ась) с материалами социальной рекламы в СМИ, обращенной против наркотиков

2. ознакомился(-ась) с материалами социальной рекламы на щитах, на транспортных средствах, плакатах, обращенной против наркотиков

3. был(-а) на эстрадном антинаркотическом концерте

4. был(-а) на лекции (уроке) на тему о вреде наркотиков

5. смотрел(-а) антинаркотические телевизионные передачи

6. читал(-а) антинаркотические статьи

7. был(-а) на спортивном празднике под девизом «спорт - против наркотиков»

8. распространял(-а) антинаркотическую литературу

9. помогал(-а) в составлении и распространении антинаркотических листовок

10. участвовал(-а) в работе телефона доверия

11. сделал(-а) пожертвования в общественную организацию, занимающуюся проблемами наркомании

12. другое, что именно _____

27) Как в целом Вы оцениваете меры по профилактике распространения наркомании, принимаемые в Татарстане?

1. меры эффективны	2. достаточно эффективны
3. недостаточно эффективны	4. не эффективны
5. затрудняюсь ответить	

28) Как Вы оцениваете работу по профилактике распространения наркомании среди населения Татарстана ..... (ответ дайте по каждой строке таблицы)

организация	(5) - отлично					
28.1 ...образовательных учреждений	1 ₁	2 ₂	3 ₃	4 ₄	5 ₅	не знаю ₆
28.2 ...органов внутренних дел	1 ₁	2 ₂	3 ₃	4 ₄	5 ₅	не знаю ₆
28.3 ...органов здравоохранения	1 ₁	2 ₂	3 ₃	4 ₄	5 ₅	не знаю ₆
28.4 ...органов исправления и наказания	1 ₁	2 ₂	3 ₃	4 ₄	5 ₅	не знаю ₆
28.5 ...средств массовой информации	1 ₁	2 ₂	3 ₃	4 ₄	5 ₅	не знаю ₆

29) Какие факторы, на Ваш взгляд, в наибольшей мере могут способствовать отказу молодых людей от употребления наркотиков? (можно отметить несколько ответов)

1. опасность заболеть НАРКОМАНИЕЙ, то есть стать психологически и физиологически зависимым от приема наркотиков
2. опасность заболеть СПИДОМ или ГЕПАТИТОМ, другой тяжелой болезнью
3. риск умереть от передозировки
4. смерть близких, друзей от злоупотребления наркотиками
5. совершение преступлений под воздействием наркотиков
6. совершение преступлений с целью приобретения наркотиков
7. крушение жизненных планов и надежд

8. уголовная ответственность за употребление и хранение наркотиков физические страдания («ломки»)
9. умственная деградация
10. потеря здоровья
11. неспособность иметь здоровых детей
12. утрата перспективы получить хорошее образование и работу
13. потеря уважения друзей
14. осложнение отношений с семьей и близкими
15. совершение греха перед всевышним
16. денежные долги
17. зависимость от торговцев наркотиками
18. другое, что именно _____
19. затрудняюсь ответить.

30) Что, по Вашему мнению, в первую очередь должны делать государство и общество для предотвращения роста наркомании? (можно отметить несколько ответов)

1. ужесточить уголовную ответственность за производство и распространение наркотиков
2. активизировать борьбу с наркобизнесом и наркопреступностью
3. ужесточить уголовную ответственность за употребление наркотиков
4. активизировать работу по выявлению и изоляции наркоманов
5. создать условия для учебы, спорта и культурного досуга молодых людей
6. решить социально-экономические проблемы молодежи (уменьшить безработицу, повысить уровень жизни)
7. активизировать воспитательную работу в школах и учебных заведениях
8. больше вести разъяснительную работу на телевидении и в прессе о вреде наркомании
9. пресечь коррупцию в правоохранительных органах и связи их отдельных представителей с наркодельцами
10. культивировать в обществе высокие нравственные ценности, духовность, здоровый образ жизни
11. родителям больше внимания уделять воспитанию детей, объяснять им вред и опасность наркомании

12. отказаться от фактически уголовного преследования наркоманов

13. развивать реабилитационные и лечебные учреждения для больных наркоманией

14. бесплатно лечить наркоманов

15. содействовать созданию общественных организаций, оказывающих помощь наркозависимым

16. легализовать продажу легких наркотиков, используя зарубежный опыт

17. ничего не нужно делать, так как с наркоманией бороться бесполезно

18. другое, что именно _____

19. затрудняюсь ответить.

СПАСИБО ВАМ ЗА УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ!

А теперь сообщите, пожалуйста, несколько слов о себе

Пол

1. мужской

2. женский

Возраст

1. от 14 до 15	2. от 16 до 17	3. от 18 до 19	4. от 20 до 21
5. от 22 до 23	6. от 24 до 25	7. от 26 до 27	8. от 28 до 29
9. от 30 до 49	10. от 50 до 59	11. от 60 до 72	

Социально-профессиональное положение

1. рабочий (-ая)	2. крестьянин (-ка)
3. служащий (-ая)	4. инженер, техник, специалист на производстве (техническая интеллигенция)
5. врач, учитель, журналист, ученый (гуманитарная интеллигенция)	6. руководитель
7. предприниматель, коммерсант	8. учащийся (-аяся), студент (-ка) в том числе:
	9. студент вуза 10. студент техникума, колледжа 11. учащийся ПТУ 12. учащийся в школе, гимназии
13. пенсионер (-ка)	14. безработный (-ая)
15. другое, что именно	

Национальность

1. татарин (-ка)	2. русский(-ая)	3. другая, какая именно
------------------	-----------------	-------------------------

Образование

1. высшее и незаконченное высшее	2. среднее специальное
3. среднее общее	4. незаконченное среднее, начальное
5. без образования	

Состав семьи

1. отец, мать, бабушка и (или) бабушка, дети (один или более)
2. отец, мать, дети (один или более)
3. мать, дети (один или более)
4. отец, дети (один или более)
5. бабушка и (или) бабушка, внуки (один или более)
6. супруги без детей
7. одинокий человек
8. другое, что именно _____

Среднедушевой доход

1. меньше 1500 рублей	2. от 1500 до 3000 рублей
3. от 3000 до 4500 рублей	4. от 4500 до 6000 рублей
5. от 6000 до 7500 рублей	6. более 7500 рублей

Место жительства

1. Казань
2. города Татарстана
- в том числе:
3. Набережные Челны
4. Нижнекамск
5. Альметьевск
6. Бугульма
7. село

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Комлев Юрий Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор
(Казанский юридический институт МВД РОССИИ)

ИНТЕГРАТИВНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ: ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Учебное пособие

2-е издание,
дополненное и переработанное

Технический редактор **С.З. Еникеева**
Корректор **Н.А. Климанова**

Оригинал-макет — Казанский юридический институт МВД России

Подписано в печать 22.07.2019.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 3477.
Макет подготовлен и отпечатан при участии ООО ИПК «Медиа-Принт»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.